

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • ИЗБРАННОЕ

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • ИЗБРАННОЕ



ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ • ИЗБРАННОЕ

ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

ИЗБРАННОЕ



**ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ**



ИЗБРАННОЕ

ИЗ ДЕВЯТИ КНИГ



**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1968**

F2
B49

Оформление художника
С. ДАНИЛОВА

7-4-2
39-68

КОРОТКО О СЕБЕ

Передо мной листок папиросной бумаги, протертый на сгибах. Это справка из детского сада. Она свидетельствует: «Женя Винокуров. Пять лет. Сенсорно-пространственная ориентировка в пределах возраста. Осведомленность в политико-социальных явлениях хорошая. Активен. Инициативен». Внизу дата — 1930 год.

Мне вспоминается мое детство, которое совпало с одним из самых бурных периодов в жизни нашей страны. Это было время индустриализации, время ломки старого быта, время экспериментов во всех областях, в том числе и в области педагогики.

Я родился в Брянске. Мать моя, Евгения Матвеевна Винокурова, кончила три класса церковноприходского училища, заведовала на Бежицком заводе женотделом, была ревнительницей равноправия, — она записала меня на свою фамилию.

Отец, Михаил Николаевич Перегудов, родился в Борисоглебске. Все братья отца работали на московских заводах рабочими. Иван стал потом мастером; Петр учился, уже зрелым человеком окончил технический вуз; Алексей ушел в летное училище, служил летчиком; Павел и сейчас рабочий под Москвой.

Мой отец — участник гражданской войны — был военным. Его перебрасывали с места на место, и потому я скитался все время по детским садам, разного рода детским домам, пионерлагерям. Я был объектом экспериментов. Педагоги то запрещали сказки, которые, по их мнению, развивали ненужную для активного человека мечтательность, то давали рассматривать какие-то кубистически-конструктивистские схемы. В школе тоже

ломалась программа. Первые годы историю преподавали по Покровскому. Но однажды вдруг объявили, что нас учили неправильно.

Помню Москву тех лет. Гигантский плакат «Автора» на Страстном монастыре. Первомайскую Тверскую с портретами ударников, с карикатурами на Чемберлена. И над всем этим бронзового Пушкина, чуть-чуть грустного, романтически элегантно.

Окончание моего детства совпадает с началом войны. Я был уверен, что война кончится через месяц: восстанет рабочий класс Германии. Но войны хватило еще и на мою долю.

Часть школ была отдана под госпитали. Занятия в старших классах начинались тогда поздно, вечером. В сущности, учебы не было. После девятого класса, начав только заниматься в десятом, я ушел в офицерское артиллерийское училище. Первое, что я увидел, — был огромный плакат над казармой: «Больше пота в учебе — меньше крови в бою». Действительно, пота было много. Двухгодичную программу обучения втиснули без сокращения в девять месяцев.

Осенью 1943 года я уже принял артиллерийский взвод. Мне не исполнилось еще и восемнадцати лет — передо мной стояли пушки и двадцать пять взрослых человек. Я стал отцом-командиром.

Весной 1944 года полк отбыл на 4-й Украинский фронт, в Карпаты.

Войну закончил в Силезии, в городишке Обер-Глогау. Я рад, что на мою долю выпали настоящие трудности. О моем поколении нельзя сказать, что оно опоздало родиться.

Меня оставили в кадрах, но первая же после войны в городе Коломыя, в Западной Украине, медкомиссия — и я демобилизован.

К этому времени я написал несколько стихотворений. Мне посоветовали зайти в Литературный институт имени Горького. Уже месяц, как шли занятия. Стихи, переписанные от руки, я дал Казину, первому поэту, которого я видел. И хотя приемная комиссия была давно распущена, он сам, своей единоличной волей, принял меня без экзаменов в Литературный институт.

Около четырех лет в армии я не читал книг. В институте на подоконниках сидели мои сверстники, потрясен-

ные войной. Ни о чем другом мы не могли говорить. За спиной Европа, могилы.

Я читал. Я открывал для себя одного поэта за другим — каждый день по поэту.

В самом начале моего пути Пастернак писал в письме, что моя книга «Синева» ему «очень понравилась свежестью и оригинальностью». Это укрепило во мне веру в себя. Немало мне дало и общение с ним.

Первые стихи опубликовал в 1948 году. Таким образом, настоящее издание является итогом моего двадцатилетнего пребывания в литературе.

Я не люблю механической терминологии. Я почувствовал себя сильным только тогда, когда вдруг понял, что в том случае, если стихотворение не вышло, его надо не «доделать», как принято было говорить в Литинституте, а «дочувствовать». Я понял, что настоящий поиск, если уж оставить это слово, происходит не в области стихотворной техники, где продвижение вперед идет на миллиметры, а в области человеческой психики, в области мысли, где возможны рывки вперед на сотни километров. Техника — это не способ, как сделать манекен, а способ помочь рождению живого ребенка. Мне дорого органичное.

Что такое поэзия? Думаю, что это не что-то одно, — она одновременно и то, и то, и то.

Поэзия — это и музыка, к которой прислушивается поэт в себе самом, но это и долг, которому он подчинен; это и живописные зрелища, но и слово, несущее смысл, суть; это и галерея эпических характеров, но и признанья; это и внутренний голос, но и внешний ритм.

Мои книги: «Стихи о долге» (1951), «Синева» (1956), «Признанья» (1958), «Лицо человеческое» (1960), «Слово» (1962), «Музыка» (1964), «Характеры» (1965), «Земные пределы» (1965), «Ритм» (1966), «Голос» (1967), «Зрелища» (1968), «Сережка с Малой Бронной» (1968). Сборник статей «Поэзия и мысль» (1966).

Шесть раз выходило избранное.

Мне давали одновременно два взаимоисключающих совета: «Ни дня без строчки» — и: «Пиши только тогда, когда не можешь не писать». Я за второе.

Евгений Винокуров

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ О ДОЛГЕ

1951

* * *

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми,
 по-пластунски лазал
Сквозь черные поля на животе.

Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Добытые с тяжелым потом строки
Я, как себя, от смерти не берег.

Их ритм простой мне был напет метелью,
Задувшею костер,
 и в полночь ту
Я песни грел у сердца, под шинелью,
Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.

1945

* * *

Я видел мир таким, какой он есть
Тот страшный мир с яругами кривыми,
Со степью снежною, где места нет, чтоб сесть,
С примерзшими к винтовкам часовыми.

С путем бессонным от костра к костру,
С березами, издерганными ветром,
С весенним ливнем, что, пробив листву,
Гудя, уходит в землю на полметра.

Я видел мир, где черная вода
Из мелких лужиц и канав целебна,
Где в небо звездное взлетают города
И к сапогам ложатся слоем щебня.

Сейчас повис он, стихший до утра,
Какой-то незнакомо оробелый,
В дрожащей капле у конца пера,
Безмолвной ночью, над бумагой белой.

1951

* * *

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг,—
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово — все притихнет вдруг,

Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех — и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли,
И запросто сидели у костра.

1947

НАЧАЛО НАЧАЛ

Вот мы, голые, встали пред военкомом.
Вот нам пальцами доктор о грудь постучал,
И за окнами криком густым, незнакомым
Паровоз объявил о начале начал...

Бьется кружка с противогазной коробкой.
Эй, приятель, да ты побледнел неспроста!..
Он недвижим. И медленно божьей коровкой
Капля алая вытекла вдруг изо рта...

И пошло. Словно тесто, что выпеклось комом,
Лагеря и бараки. Поспать бы, поесть.
С той минуты, когда мы пред военкомом
Молча голые встали — такие, как есть.

1945

* * *

И крик. И стоны. И вздулась жила.
Кровью набрякли бинты и вата.
В пятый раз его закружило
На волосок от смерти по госпитальным
палатам.

В пятый раз его закачало
На носилках с болью в бессильном теле.
И вот уж медсестрам не спать ночами.
Ему месяца не вставать с постели!..

Мы сжились со стужей. Привыкли к жажде.
Солдатская кожа в полях огрубела,—
Все время в боях...
А для пули все так же,
Как прежде, мягко и податливо тело.

1944

Г Л А З А

Взрыв. И наземь. Навзничь. Руки врозь. И
Он привстал на колено, губы грызя.
И размазал по лицу не слезы,
А вытекшие глаза.

Стало страшно. Согнувшийся вполовину,
Я его взвалил на бок.
Я его, выпачканного в глине,
До деревни едва доволол.

Он в санбате кричал сестричке:
— Больно! Хватит бинты крутить!.. —
Я ему, умирающему, по привычке
Оставил докурить.

А когда, увозя его, колеса запыли
Пронзительно, на все голоса,
Я вдруг вспомнил впервые: у друга ведь были
Голубые глаза.

1944—1957

* * *

Пока есть в реках сила тнать камня,
Пока есть вьюги, чтоб в полях греметь,
Пока есть руки, труд и нетерпенье,
Пока есть сердце, чтобы песни петь, —

Поэты будут

грустно, нежно, страстно

Писать про юность много-много лет.

Ты ж встань

сейчас

решительно и властно,

В ушанке серой, грозных дней поэт!

Ты встань сейчас и расскажи потомкам,

Как в юности, средь воющих снегов,

Ты жил в полях, как в бой ходил, о том, как

Колол штыком и не писал стихов.

1945

* * *

Если в дальнем пути я не выдержу раньше,
Упаду головой на дорожный ледок,
Ты не рви мне, товарищ, застёжки на ранце,
Дай мне той, позабывшейся, песни глоток!

Перед смертью на горле натянутся жилы,
Я одними губами поймаю куплет.
И привстану. И, слабый, найду в себе силы,
И махну уходящему вводу вослед...

1944

ГОРОД

Бумаг накопилось много. Не видно конца работе.
Штабные пятые сутки под лампой не смыкают глаз...
А утром, едва рассветало, третьей стрелковой роте
Идти в наступленье был отдан немногословный приказ.

О городе с острыми крышами во рву толковали солдаты,
Сержант письмо дочитывал, разматывал кабель связист,
И вот над скомканным лесом и над маленьким полем
измятым
Взлетел, постоял и спустился тревожный и властный
свист.

И все переглянулись, и каждый подумал: «Начало!»
Комбат рукой узловой снял бинокль с груди,
И артиллерия разгневанно кулаками застучала,
Чтоб двери открыли в том городе, чьи крыши видны
впереди.

И рота пошла на приступ тесно — шинель к шинели.
«Ура!» — в груди распирало, «ура!» — раздирало рот.
Так вот он какой, этот город, чьи крыши вдали желтели!
Полроты пало в предместье, полроты прошло вперед.

Земля засорила небо, чавкают минометы,
Воздух разорван в колчъя, рушатся этажи.
Так вот он какой, этот город! Четверть осталась от роты.
Тот сержант, что письмо дочитывал, на осколках стекла
лежит.

Дым оседает... Каша варится поваром в роте.
«Так вот он какой, этот город, теперь разобрал, дружок!»
...Светится тускло лампа. Не видно конца работе.
Штабной, пересилив усталость, на миллиметр
передвинул флажок.

1947

* * *

Ночь выла, кружила, трубила округой.
И каждому падающему мертвецу
Так жизнь и запомнилась — белой вьюгой,
Наотмашь хлещущей по лицу.

А утром все стихло,
И мир открылся
Глазам в перевозданной голубизне.
Я вылез на бруствер и удивился
Вновь — в восемнадцатый раз — весне.

Сырые холмы порыжели на склонах,
Весенние ветры сходили с ума...
И только у мертвых в глазах оголенных,
В широких,
Навеки застыла зима.

1947—1953

* * *

Нет, не только все время ветер зловецкий,
Нет, не только пожаров коричневый цвет, —
В мире были такие хорошие вещи,
Как, например, восемнадцать лет.

Как, например, очень темные ночи,
Очень грустные песни,
кустарник в росе,
На котором весна узелочки почек
Завязала затем, чтобы помнили все...

Но о чем же нам помнить?
У нас ведь с собою
Все, что надо для юности,
здесь вот, у ног:
Километр дороги до первого боя,
У плеча в вещмешке на неделю паек!

Но однажды, особенным вечером,
в мае,
Бородатый солдат под смолистый дымок
У костра на досуге, шинель зашивая,
Про любовь рассказал нам нескладно, как мог...

1946

* * *

Про смерть поэты с болью говорили
Высокие, печальные слова.
И умирали,
и на их могиле
Кладбищенская высилась трава.

Смерть неизбежно явится за всяким.
О жизнь моя, как ты мне дорога!
Но я умру когда-нибудь в атаке,
Остывшей грудью придавив врага.

Иль с палкою в руке, в смешной панаме,
С тропы сорвавшись, в бездну упаду.
И я умру под горными камнями,
У звезд остекленевших
на виду.

А может, просто — где дорога вьется,
Где, кроме неба, нету ничего, —
Замолкнет сердце вдруг и разорвется
От песен, переполнивших его...

1947

* * *

Дайте полночь с луною в мои осторожные руки,
Чтоб шумела широкой и мокрой сиренью.
Я не трону ее, только в шумы и звуки
Аккуратно проставлю кой-где ударенья...

Дайте плотные ливни и молнии мая,
Закоулки лесные и даль заревую.
Я листа не сомну, стебелька не сломаю,
Только шелесты трав и берез зарифмую...

Дайте полные неба речные затоны,
В острых искорках звезд, и откосы крутые.
Я в полях предвечерних травинки не трону,
Лишь, волнуясь, помечу кой-где запятые...

1945

* * *

Мне далеко еще с полком идти,
Пыль поднимая, с трав сбивая росы,
И, может быть, когда-нибудь в пути
Меня любовь внезапная подкосит.

Звездастой ночью, темной, ветровой,
Огонь тревожный растоплю корою,
Сниму шинель, оденусь с головой
И глаз до света так и не закрою.

И все пройдет.

А утром встану в строй
На место прежнее, второе с краю,
И вместе с ротой гулкою порой
Под свист и топот песню заиграю...

Лишь через годы, вечером, во мгле,
Я другу тайну невзначай открою —
О той, что видел как-то раз в селе
И что еще не позабыта мною.

1946

* * *

Со мной в одной роте служил земляк —
Москвич, славный парень — Лешка.
Из одного котелка мы с ним ели так:
Он — ложку, я — ложку.

Вдали от Москвы, по чужой стороне,
В строю мы с ним рядом шагали.
Мы спали бок о бок и часто во сне
Друг друга локтями толкали.

А в затишье, бывало, после атак,
На привале ко мне он подляжет,
И мы про Москву говорили с ним так:
Я — расскажу, он — расскажет.

В костре на ветру угольки догорят,
Шумит по-немецки кустарник,
А мы вспоминаем соседских ребят
И кинотеатр «Ударник».

Он был под Варшавой в бою штыковым
Убит. Мы расстались. Навеки...
Он жил на Арбате, в большом, угловом,
В сером доме, что против аптеки.

1946

* * *

Мимо лип прибрежных оробелых,
Мимо длинных, длинных, длинных сел
В сапогах больших, от пыли белых,
Полк пехотный шел —
С развеселой песнею военной.
А последним, замыкавшим ряд,
Был в строю совсем обыкновенный,
Роста невеликого солдат.
На спине был щит от пулемета,
Ранец, как положено бойцу.
Пел он громче всех,
и струйка пота
Медленно стекала по лицу.
Пыльная дорога. Полдень. Душно.
Это стало все давно былым...

Вспомнил же его я потому, что
Это я был им.

1946

* * *

Дым в окно врывается
Хлопьями белёсыми,
Поезд в ночь врезается
Острыми колесами.

Буфера, качаяся,
Звонко бьются блюдцами.
Милая, печальная,
Где ты?
 Не вернуться ли?

Ширь полей пустынная
В окнах, как приклеенная.
А дорога длинная
И одноколейная...

1946

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите складки
И согните

вот так — подковой.

Завяжите концы, подогнавши по росту.
Всё!

Осталось теперь нарядиться...

Это так интересно, и мудро, и просто.
Это вам еще пригодится.

1947

* * *

Я говорил: к своей большой свободе
Идет по руслу тесному вода...
На жесткий долг, что царствует в природе,
Не сетовал я в жизни никогда.

1947

* * *

Вечер в город весенний явился опять
С открытыми окнами, с патефонными вальсами.
Наигравшиеся дети улеглись спать,
Укрывшись байковыми одеяльцами.

Смешалось, спуталось — не разберешь,
Где звезды, где окна, где клены, где зданья!
Очкастые студенты спешат без калош
Мокрыми улицами на свиданья.

Мне спать еще рано, да при такой луне,
В вечер такой, взбудораженный кленами,
Разве уснешь? Что же делать мне,
Взрослому и невлюбленному?

1946

* * *

Снегом густым замело, забуравило,
Ничего не разобрать добром.
А зимы еще не было, просто набело
Осень была переписана ноябрем.

А зимы еще не было, просто неистово
Ветер врезался в глубь сосняка...

Я портянки разматывал, словно перелистывал
Страницы солдатского дневника.

1946

Синева

1956

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
За реками и за лесами
Там есть безвестное село —
Все с ясно-синими глазами.

С ведром, босую, у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.

В шинельке, —
 видно, был солдат, —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини.

Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.

Пять у забора молодых.
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.

Девчата.

Скромн их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

1955

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня,—
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.

И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.

Я зубы сжимал, чтоб не плача
Пройти среди белого дня.
Царила моя Неудача,
Несчастья терзали меня.

Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.

Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.

О, русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце.
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

1951

* * *

Теплым, настезь распахнутым вечером, летом,
Когда обростут огоньками угластые зданья,
Я сяду у окна, не зажигая света,
И ощупью включу воспоминанья.
И прошлое встанет...

А когда переполнит
Меня до отказа былого излишек,
Позову троих, вихрастых, беспокойных,
С оборванными пуговицами, мальчишек.
Я им расскажу из жизни солдата
Были, в которые трудно поверить.
Потом провожу их, сказав грубовато:
— Пора по домам! — и закрою двери.
И забуду.

А как-нибудь, выйдя из дому,
Я замру в удивленье: у дровяного сарая
Трое мальчигов ползают по двору пустому
С деревянными ружьями, — в меня играя...

1948

* * *

В семнадцать лет я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах не кружил,
В семнадцать лет сигарочным огарком
Я больше, чем любовью, дорожил.

В семнадцать лет среди тощих однолеток
Я шел, и бил мне в спину котелок.
И песня измерялась не в куплетах,
А в километрах пройденных дорог.

...А я бы мог быть нежен, смел и кроток,
Чтоб губы в губы, чтоб хрустел плетень!..

В семнадцать лет с измызганных обмоток
Мой начинался и кончался день.

1952

ВОДА

Я до тепла был в молодости падох!
Еще б о печке не мечтать, когда
По желобку меж стынущих лопаток
Струится холодящая вода!

От той смертельной, муторной щекотки
Спирает дух, как на полке в парной,
Особенно когда еще обмотки
Пропитаны водою ледяной.

Шинель моя намокла, как мочало.
Умерь попробуй звонкий лязг зубной!
Вода стонала,

хлюпала,

пищала

В зазоре меж подошвой и ступней.

Она была обильною и злою,
Текла с дерев на лоб, на щеки, в рот.
Ее с лица я отирал полою,
Как возле топки отирают пот.

В разливы рек я брел и брел по шею,
Я воду клял и клял на все лады.
Я не запомнил ничего страшнее
Холодной этой мартовской воды.

1953

* * *

Под сияющим небом, игралищем гроз,
Ветер волосы мне растрепал!
Нес меня паровоз
В дробном стуке колес,
В черном ливне мелькающих шпал.
Месяцами я шел через солнечный зной
В неохватный июльский простор.
Беспощадной и яростною голубизной
Я навеки отравлен с тех пор.

Были в жизни моей восхожденья круты,
Шли железной шеренгой года,
Синий, синий, густой океан чистоты
Мне уже не забыть никогда.
Чтобы пламень веселый во мне не потух,
Чтоб не спал вдохновенья прибой,
Как кузнец, я ковал дни и ночи свой дух,
Строгий суд я держал над собой.
Мне нужна только истина. Вынь да положи!
Жив я, правдой одной дорожа.
Знаю я — на губах так же пагубна ложь,
Как на чистом оружии ржа.

1952

* * *

Там валуны, шершавые на ощупь,
Там тьма, и глушь, и травы по плечам.
Там в полдень рощи,
Как старухи, ропщут
И, словно дети,
Плачут по ночам.

Мы в том краю солдата схоронили.
Трещал сушняк, ручей гремел навзрыд.
Под рыхлым пнем, светящимся от гнили,
Сырою ночью был наш друг варыт.

Тот низкий холм
Уже трава покрыла,
Его теперь и не отыщешь днем...

Лишь по ночам горит его могила
В краю пустынном голубым огнем.

1952

ЯУЗА

Худая девочка бродила
Вдоль узкой Яузы-реки.
В слезах, опершись о перила,
Смотрела вдаль на огоньки...

В краю далеком сердце сжалось.
Проснулся в полночь я с тоской,
И Яуза мне показалась
Великой северной рекой.

И с выси дикого обрыва,
Откуда на безбрежье вид,
Таинственно и горделиво
В простор красавица глядит...

1951

* * *

В судьбу походную влюбленный,
Не в фото, где луна у скал,
В казарме, густо побеленной,
Я честно красоту искал.

Ее искал я в дисциплине,
И в пайке, выданной в обрез,
И в алом клине, дымном клине
В теплушку глянувших небес.

Прослушав грустный хрип гармони, —
А я грустил тогда всерьез! —
От глаз я отрывал ладони,
Ладони,
Мокрые от слез...

Через овраги и низины,
Через расплесканную грязь,
Я мчался в кузове машины,
На плащ-палатке развалясь.

Я брел по снежным первопуткам,
Сквозь ночь летел в товарняках,
Питался сечкой по продпунктам
И мылся в санпропускниках.

Я понимал лишь только грозы,
Дорог замес, снегов обвал...

Скупой и тонкий дух березы
В те годы я не понимал.

1953

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подружки,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

КРАСОТА

В. Бокову

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красоту давали понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный,
Мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.

Она была минутной и не броской.
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.

А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

1953

ОКНА

Как-то в детстве,
Идя по кручам,
Вдалеке, над зацветшим прудом,
Я увидел в лесу дремучем
С золотыми стеклами дом.

Я дошел...
На холме покато
Понял я средь лесной тишины:
Просто-напросто были закато
Окна в доме освещены.

1953

УГОЛЬ

В работе не жалея сил,
Веселую весной
Я уголь блестящий грузил
На станции одной.

А было мне семнадцать лет,
Служил я в арtpолку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.

Я запахом угля пропах,
Не говорил, не шел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.

Когда ж обедал или когда
Я чай из банки пил,
То черною была вода
И черным сахар был.

С лицом чумазым, среди трудов,
Я рад был той весне.
Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме или во сне,
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:
— Постойте, поезда!
Постойте! Я ведь не любил
На свете никогда!

1953

ЛЕБЕДИ

Я чуть не плакал. Не было удачи!
Задача не решалась — хоть убей.
Условье было трудным у задачи.

Дано:

«Летела стая лебедей...»

Я, щеку грустно подперев рукою,
Делил, слагал — не шли дела на лад!
Но лишь глаза усталые закрою,
Я видел ясно:

вот они — летят...

Они летят под облачную гущей
С закатом, догорающим на них.
Закинул шею тонкую ведущий
Назад и окликает остальных.

Они на миг спускаются напиться
В лесок, к озерцам, и опять летят
Победно распластавшиеся птицы,
Подбадривая слабых лебедей.

Простор небес они крылами били,
Снегам вершин и облакам сродни!..

Никто представить бы не мог, что были
Из школьного задачника они.

1953

ПТИЦЫ

Что означает это пенье птичье?
Гремит, звенит, поет ночная мгла.
То песнь, наверно, звездному величью?
То космосу бескрайнему хвала?

А может, то совсем не песнь,
а просто
Так, разговор про разные дела —
Что скоро утро, что, мол, нынче росно,
Что вот, мол, дескать,
червяка нашла...

1953

* * *

На вешалке в передней пубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.

В окне рассвет идет на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.

На блузке брошь с тяжелою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой,
 никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?

За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой...
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

1954

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Я помню хлеб. Он черен был и липок —
Ржаной муки был грубоват помол.
Но расплывались лица от улыбок,
Когда буханку ставили на стол.

Военный хлеб. Он к щам годился постным,
Раскрошенный, он был неплох с кваском.
Он вяз в зубах, приклеивался к деснам,
Его мы отлепляли языком.

Он кислым был —
ведь был он с отрубями!
Не поручусь, что был без лебеды.
И все ж с ладони жадными губами
Я крошки подбирал после еды.

Я неизменно с острым интересом
И с сердцем замирающим следил
За грозным, хладнокровным хлеботорезом.
Он резал хлеб!
Он черный хлеб делил!

Я восторгался им, прямым и честным.
Он резал грубо, властно, без затей,
Горелой коркой,
как в угле древесном,
Испачкавшись почти что до локтей.

На нем рубаха замочла холстяная.
Он был велик в восторге трудовом.
Он резал хлеб,
 усталости не зная,
Лица не вытирая рукавом!

1955

АККОРДЕОН

Весь золотой, кофейный,
Лиловый по краям,
Аккордеон трофейный
Попал однажды к нам.

Он индевел ночами
В седые холода,
Он обливался щами
В толкучке иногда.

Валялся в мокрых травах,
Соскакивал в ручьи,
Среди портянок ржавых
Сушился на печи.

От края и до края
Прошла —
 дорог не счесть! —
Богатая, чужая,
Сверкающая вещь.

Ремни нежны и узки,
Весь в перламутре он.
Как плакал он по-русски,
Чужой аккордеон!

Напев летел в обозы,
До сердца пробирал...
И старческие слезы
Обозник вытирал.

Слышна по всей округе
Была его игра...

И на плече подруги
Рыдала медсестра.

1955

* * *

Вот умру,
И никто не заметит на свете...

Был обыгчен мой путь,
Трудноват и недолог.
Только, может, когда-нибудь,
Через столетье,
Откопает меня из земли
Археолог.

И в музее,
Где древние торсы и вазы,
Сдунув пыль,
Аккуратно разложит на полки
Горстку пуговиц медных,
Портсигар из пластмассы
Да истлевшие клочья
Моей гимнастерки.

Скажут детям:
— Он полон был честной отваги.
«Победитель» — народы его называли.
Он лежал без сознания
В кровавом овраге,
Пил болотную дрянь
На минутном привале...

Пред атакою,
В сторону руку откинув
(Дети, слушайте! Это все было когда-то),

На полметра промерзшую
Мертвую глину
Он оттаивал теплою грудью солдата.

1955—1957

Но без сожаления
Строго в первый час
До порога Ксения
Провожала нас.

Улыбалась, тонкая,
Сразу всем троим.
Хмуρο шапки комкая,
Грустно постоим.

И минута тихая
Наступала тут,
Только слышно — тикая,
Ходики идут.

...Там, где ветер, рыская,
Роет бурелом,
Есть землянка низкая
В роще за селом.

Там, дымя махоркою,
Навалясь на стол,
Мрачно пили горькую
И смотрели в пол.

Там, как праздник празднуя,
От тоски люты,
Пели песни разные
Мы до хрипоты.

1955

* * *

Она жена моя,
Нет, не невеста,
Она жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенье не находит места,
Когда меня с работы долго нет...

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то,
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она жена моя,
Нет, не подруга,
Она жена.
Рот молчаливо сжат.
Коль плохо мне, два черных полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

1955

ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Еще дым не осел. Но уже красно
На горизонте! Мы в саже и поте.
Ветер свеж. Ничего не ясно...
Песню пойте!

1945

* * *

На конце безлюдного квартала
На носки привставшая,
 тайком,
Вся в слезах письмо ты опускала,
Марку приклеивши языком.

Утром то, что ты мне написала,
Я читал,
 вздохмаченный,
 с тоской
На другом конце того ж квартала,
Подперевши голову рукой.

1955

ЛУНА

Луна случайна в городском пейзаже,
Где фонари, где здания, где авто.
Когда б она исчезла,
То пропажи,
Наверно, не заметил бы никто.

Зато в лугах она встает большая,
Зеленая,
Над сочною травой,
Все ямы и канавы заполняя
Своей холодной влагой неживой.

Еще не раз любимой на колени
Я голову покойно положу.
Грызя травинку, в предрассветной лени
В распахнутое небо погляжу,

Туда, туда, где, вечная, над нами,
Чужим огнем скупым озарена,
С ущельями, с провалами, с горами,
Возвышенная плавает луна.

1955

* * *

На продпункте я ел
По последним талонам.
Вслед печально смотрел
И махал эшелонам.

Пил пустой кипяток
С населеньем вокзала.
Кружки три — не питок!
Больше трех не влезало.

С дальних, призрачных роц
Ветра резкая сила
Листьев радужный дождь
На перрон заносила.

Я ходил взад-вперед.
Все мне было знакомо:
Жил дорожный народ
На перроне, как дома.

Рыжий парень с ножа
Кушал серое сало.
Ртом заколки держа,
Баба волос чесала.

Скучный полдень томил.
Сев со смазчиком рядом,
Я солидно дымил
Молодым самосадам.

Смех вдруг вспыхнул, звеня,
Как-то чисто и ломко:
Бросив взгляд на меня,
Мимо шла незнакомка.

Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длиной,
Грузной стеганке ватной.

Неуклюжий наряд,
Неуклюжа фигура.
Только синим был взгляд
Да коса белокура!

Я застыл, сам не свой, —
С сердцем не было слада, —
Под густой синевой
Горделивого взгляда.

Я хотел подойти,
Но проклятая робость
Пролегла на пути
Между нами, как пропасть...

Вдалеке семафор,
Предвещая разлуку,
Как усталый актер,
Поднял горестно руку.

И под пляску колес,
Под колес переборы
Поезд грозно унес
Гору дыма в просторы.

Много минуло дней
С той поры, и не скрою,
Вспоминал я о ней
С затаенной тоскою.

Вспоминал,
крепким сном
Под кустом забываясь

И в полку запасном
Поутру обуваясь.

За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало,—
Это ложка из рук
У меня выпала...

1955

ЛЮБИМЫЕ

Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг загрустят,
Отревновав, отмучившись, отплакав,
Они утомонятся и простят,

И зацелуют. Не дадут покою!
Руками шею крепко обовьют.
Взглянув в глаза, к щеке прильнут щекою.
Затормошат. Любимым — назовут!

Но лишь попробуй встретить их сурово,
Лишь руку осторожно отстрани,
Скажи: «Сейчас мне некогда!» — и снова
На целый день надуются они.

...Нет трогательней в мире беспорядка
Волос их мягких в тот рассветный час,
Когда они доверчиво и сладко
Спят, разметавшись, на руке у нас.

Любимые!

Когда мы уезжали,
Нас, юных, мешковатых и худых,
Они одни среди ночи провожали
По черным лужам в туфельках худых.

Мы строго шли вперед.
Что нам, героям,
Смятенье их, — дорога далека!

Они бежали за поющим строем,
Стирая слезы кончиком платка.

Они в ночи стояли вдоль перрона,
Рыдая,
 с непокрытой головой,
Пока фонарь последнего вагона
Не потухал за хмарью дождевой.

И в час, когда на тротуарах наледь,
Возвышенных достойные судеб,
Они стояли, чтобы отovarить
Мукою серой карточки на хлеб.

И снилось нам в огне чужого края:
Их комнатка — два метра в ширину, —
Как, платье через голову снимая,
Они стоят, готовятся ко сну.

Любимых, как известно, не балуют —
Два-три письма за столько лет и зим!
Они прижмут к груди и зацелуют
Те десять строк, что мы напишем им.

Они в товарняках, по первопуткам
К нам добирались в тот далекий год.
С убогим узелком, они по суткам
Толкались у казарменных ворот.

А часовой глядел на них сурово.
Любимые,

 не зная про устав,
Молили их пустить и часового
В отчаянье хватали за рукав.

Они стоять могли бы так веками,
В платках тяжелых, в легких пальтецах,
От частых стирок с красными руками,
С любовью беспредельною в сердцах.

* * *

В час постелей,
Ко сну приготовленных,
В час
Законовых ветров,
Забирающих круто,
В глуби ванной, в тепле,
Возжигается газ,
Как лампадка
Всесильному богу уюта.

В этот час
Где-то чай не спеша кипятят,
Где-то стол накрывают,
Ведут разговоры.
Встав на цыпочки,
Жены в халатах до пят
Опускают над ночью гремящею
Шторы.

Только я свой уют
Представляю не так:
Вечно славить мне
Взявшую скорость
С разгона
Через села и реки,
Сквозь ливень и мрак,
В клубах пара летящую
Полку вагона.

1955

БОЛЬ

Нас воспитала строгая эпоха,
Ей сегованья были не с руки.
Мой ямб пехотный приспособлен плохо
Для грусти, для признаний, для тоски.

Грусть по тебе меня сегодня гложет,
И я грущу, и в этом нет греха...

А боль моя все прозвенеть не может
Сквозь трубный ритм железного стиха.

1955

Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройди подряд! —
Чем руки худенькие эти,
Чем грустный, грустный этот взгляд.

1957

СОВЕСТЬ

Можно жить безмятежно, условясь
Зло считать для удобства добром,
Но что делать тому, чья совесть
Все неожиданно поставит ребром?
Что тут делать, когда в человеке
О приходе своем возвестит,
Пусть случайно, пусть в кои-то веки,
Словно трубы архангелов, стыд?
Стыд людской — бог жестокий, старинный!
Через рощи, скрывая кинжал,
Он в одеждах безумных Эриний
За мятущейся жертвой бежал.
И хоть годы летели, он все же
Человека врасплох настигал —
Среди битвы, с любимой на ложе,
На пиру поднимавшим бокал.
Я не ведаю большего чуда!
Совесть наша доньше темна.
Я не знаю, откуда, откуда
В человеке возникла она.
Совесть — миру навеки награда.
Вечно жить ей — глуши не глуши...
Удивляться не низости надо,
А безмерным высотам души!

1957

Природа.

Она стучит родниками.
Тронь дно — и занует кисть руки.
Под молчаливыми ледниками
Она погребает материки.
О ней не случайно сказано было:
Гони ее в дверь — влезет в окно.
Весною асфальт не она ли пробила
Травинкой,
высосавшей зерно?

Все живущее на два пола
Она разделила. Не спорить же с ней!
И нету резче, быть может, раскола,
Идущего от изначала дней.
Непреступаемая граница!
Как двум полюсам, как двум врагам,
Сливаясь вечно, все же не слиться
Этим двум берегам.
И вот содрогается мир от пенья.
Выпаливая радость, страсть и тоску,
Разряженный в самые лучшие перья,
Токует тетерев на суку.

Я летел на ЛИ-2. С высоты полета
Видел сквозь облачный рваный дым:
Ничтожным пятном расплывалась природа —
Зеленое, смешанное с голубым.
Но как бы ни были мы высоко,
Мы вздрогнем, лишь только она позовет,—
В самих нас брожение жаркого сока,
В нас жажда жизни ее живет.

Ждет меня —

верю сильней год от году —
Совсем не смерть, а конец иной:
Я, как в воду, войду в природу,
И она сомкнется надо мной.

ТВОРЧЕСТВО

Пещерный человек учился рисовать.
Не находя в изяществе резона,
Тяжелым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.

Случайный шаг! Опасная стезя!..
Он кончил, и впервые с сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла —
от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком,
Он чувствовал — назад уж нет возврата,
Когда он первобытным кулаком
Стирал слезу светло и виновато.

Косматый, дикий, шкура за спиной,
Лицо разодрала ему гримаса!..
Он радости был полон неземной,
Что слаще меда и сытнее мяса.

1957

ОСНОВА

Всей перешедшей по наследству плотью,
Всем обликом,
 которым дорожу,
К широкому в плечах простонародью
Я от рождения принадлежу.

К тому, что под гармонику вопило,
Что, лузгая подсолнух на ходу,
Блестящие проспекты затопило
Сермягами в семнадцатом году.

Наследственности сложного вопроса
Не подыму,
 а лишь коснусь слегка.
Моя родня отчаянно курноса
И в скулах непомерно широка.

Я от земли ушел бесповоротно,
Сапог не шить и не скорняжить мне.
И все ж моя душа простонародна
В своей основе, в самой глубине.

Я не желаю ничего иного,
И я живу, уверенность храня:
Здорова и сильна моя основа,
В тяжелый час она спасет меня.

1957

ОГОНЬ

Когда-то в детстве я читал про это,
И мысль тревожит до сих пор меня,
Что родилась из пламени планета,
Что мир возник однажды из огня.

И страшно мне становится порою,
Лишь только я представлю, что сейчас,
Вот здесь, под нами,
 под земной корою,
С дней первозданья пламень не погас.

Бывало:

 ветки наломай сухие,
Ударь кресалом и полой накрой —
И вот клочочек мировой стихии
Затеплится средь полночи сырой.

Среди январской темноты военной,
В унылую метель и гололедь,
Он, тайна тайны,
 из глубин вселенной
Возникнет, чтоб ладони отогреть...

Он скрыт во всем,
Ему лишь дай пробиться!
От лет древнейших
И по наши дни
Огонь в сердцах пророков и провидцев
Огню тому вселенскому сродни.

1957

ВАГОН В 1918 ГОДУ

Казалось, лишь представься случай —
И в щепки разлетится он,—
Трещал певучий и скрипучий,
Вконец раздерганный вагон.

И среди толчков вагонных резких
Ворчащий проводник пронес
Фонарь над водорослями женских
Тяжелых спутанных волос.

Ругался кто-то:
— Тихе, леший! —
Солдат храпел впервые всласть,
Измученный, переболевший
И возвращающийся в часть.

Вверху шептались воровато
Мешочники,
и из мешка
На спину серую солдата
Бежала струйкою мука.

И в густоте махры и храпа
Дремал мужчина средних лет:
Крылатка, бант, пенсне и шляпа,—
Столичный, видимо, поэт.

Потряхивая пышной гривой,
Он чутко вздрагивал во сне,
Холодной бабочкой пугливой
Дрожало хрупкое пенсне.

Вагон качался монотонно.
Мужчина шамкал пухлым ртом,
В руках был номер «Аполлона»
И тонкий Анненского том.

Солдат храпел, худой на диво,
Усталый, желтый, чуть живой,
Поникнув бритой после тифа
Остроугольной головой.

То был отец мой!
Он был молод,
Он фантастичный видел сон:
Весь голубой, стеклянный город
И небо будущих времен.

Его куда-то уносило,
Во глубь неслыханной новы...

И мчалась за окном Россия
В слезах, пожарах и крови.

1957

КРОВЬ

В этой жидкости красной,
Что в жилах несет человек,
Нрав такой же опасный,
Как нрав у порожистых рек.

То течет понемногу,—
Тогда это, впрочем, не в счет,—
То, взрывая дорогу,
Могучие камни влечет.

Слышу я, засыпая,
Как точно стучит под виском,
Бродит жидкость слепая,
Скитается в теле людском.

Оцарапай —
и выйдет,
Чуть-чуть вязковата, тепла.
В ней и в лупу увидеть
Нельзя ни добра и ни зла.

Власть имеет такую:
На сердце неожиданно плеснет —
И подросток, ликуя,
На страшный идет эшафот!

Не она ли бросала
Любовников бедных со скал?
Не она ли спасала
Лодчонку, новавшую в шквал?

И совсем не водою,
А с давних времен до сих пор
Только ею одною
Смывается черный позор.

Жидкость бродит по трассам,
Подземною силой сильна.
То, что вытерпит разум,
Не стерпит, пылая, она.

Слышу я, замирая,
По долгим ночам, в тишине,
В край угрюмо из края
Она где-то бродит во мне.

Кто с ней, буйною, сладит?
Кутил, бунтовал и страдал
Отдаленный мой прадед,
Он мне свою кровь передал.

Упрекнуть его не в чем —
Сквозь жизнь он прошел напрямиком,
Был бродягой, и певчим,
И в Сальских степях ямщиком.

Он вставал над упряжкой
И свистом округу пугал.
Он кричал и с оттяжкой
Вожжами коней обжигал.

Он плевал на ладони
И в темень хлестал наугад...
До сих пор еще кони
В крови моей где-то летят!

Кровь по жилам по тонким
Моя отгуляет, а там
Отдаленным потомкам
Ее я в свой срок передам.

1957

АКЫНЫ

1

О, как мудры акыны и наивны!..
Степенные уселись гости в ряд.
На девочке горят, как солнце, гривны,
На аксакале — дорогой наряд.

А сам акын беспечно заголяет
На пиршествах засаленный рукав
И, распаясь, по струнам ударяет,
Как голубь чист и как змея лукав.

2

Нет никого загадочней акынов!..
Поев солидно,
Прислонясь к ковру
И сытым взглядом родичей окинув,
Он начинал настраивать домбру.

И с алых губ, лоснящихся от сала,
Под небо песнь печальная летит!..
Тоскуя, пряжу женщина бросала,
Уныло щеку подпирал джигит.

Закат вдали,
За юртой, догорает...
Но звук высокий оборвался вдруг,
И лирик пот с мясистых щек стирает,
И плачут все сидящие вокруг.

Легки акыны в этой жизни краткой!..
До света, чтоб не разбудить родню,
Из юрты женской он идет украдкой
К привязанному с вечера коню.

Ширь оглядев от края и до края,
Он запоет,
 пустив коня в намет.
И так он скачет степью, собирая
Яд красоты и размышлений мед.

1957

ДЯДЯ

Мой дядя в двадцать пятом
Командовал полком.
Он был крутым солдатом,
Прямым большевиком.

И, от природы добрый
И вовсе не герой,
Питался чаем с воблой,
Жил в комнате сырой.

Он полной мерой мерил
Поступки и слова.
Он свято в дело верил,
Как верят в дважды два.

Сказал он зло и четко
Однажды в Новый год,
Что здесь преступна водка,
Коль голоден народ.

Он пробегал сурово
С утра столбцы газет,—
Пожара мирового
Все что-то нет и нет...

Он вечно жил, готовясь
К тому, что впереди.
Торжественная совесть
Жила в его груди.

...Высокий шлем, и шрама
Над бровью полоса...
Он смотрит зло и прямо
С портрета мне в глаза.

1957

МАРСИАНЕ

К. Ваншенкину

Не стоит предугадывать заранее,
И я гадать не стану наперед,
Но нас, быть может, встретят марсиане —
Степенный и общительный народ.

И, видя наши гордые осанки
И головы в космических очках,
В платок по-бабьи прыснут марсианки
С трудными марсианами в руках.

Там так же все, как на Земле.

Бескрайна

Вселенная в непроходимой мгле...
Там та же все обыденная тайна,
Такая же, как тайна на Земле.

1957

ПОДЛЕЦ

В гаме и в угаре
Я к лицу лицом
Повстречался в баре
Как-то с подлецом.
Вилкой он поправил
В блюде огурец.
Он себя представил
Сдержанно: — Подлец! —
Заказал пол-литра,
Хмурый, испитой.
Он поставил хитро
Палец запятой.
Я сидел обедал.
Я спешил тогда...
Друга, что ль, он предал
В давние года?
Тут не без причины, —
Вспомнились дела!
Капля вдоль морщины
Мутная текла.
Рвать хотел рубаху.
Плакался баском.
Бил подлец с размаху
Об стол кулаком.
Встал я, расплатился...

Дикий и хмельной
Облик растворился
В облаках пивной.

1957

МАЛЬЧИКИ

На чердаках и в сумраке подвалов,
В кухмистерских, где толчея и чад,
Исполнены высоких идеалов,
Мальчишки о России говорят.

О мальчики российские!

Не вы ли

Мир потрясли когда-то в десять дней,
Комдивами садясь в автомобили,
Комбригами влезая на коней...

Да, так же, как за книжками в подвале,
На сходке или в студенческой норе,
Они исканье правды продолжали
Под знаменем и с пашкой на бедре.

Шли на врага с тяжелыми полками,
Когда весь край мятущийся горел...
Попавши в плен, не заслонясь руками,
Спокойно выходили на расстрел.

В тот трудный час их укрепляла вера...
Сняв шлемы, белокуры и чисты,
Они стояли,

в дуло револьвера

Смотря глазами, полными мечты.

1957

ОРКЕСТР

Копну могучей шевелюры
На струны скрипки уронив,
Скрипач шил из увертюры
Какой-то сбивчивый мотив.

Флейтист был робок.
Словно флягу,
Поднявши флейту в вышину,
Как в зной по капле цедят влагу,
Он ноту пробовал одну.

Но, вскинув пару тощих прядок,
Встал дирижер и подал знак,
И тотчас же обрел порядок
Оркестра шумный бивуак.

В молчании пред дирижером
Оркестр в колонне по пяти
Застыл,
готовый по просторам
На смерть и подбиги идти.

И вздрогнул мир, и пали стены,
И даль темна и глубока,
И свет пожаров вместо сцены,
И звезды вместо потолка.

1957

* * *

Я не люблю названья по-латыни
Растений, что встречаются в пути.
Ученый для какой-нибудь пользы
Способен сотни терминов найти!
...Уехав из Москвы на две недели,
Люблю, чтоб, глазки детские подняв,
В глаза мне доверительно глядели
Какие-то цветочки из канав...
Как просто взять гвоздику, два-три мака
Да повилику — и букет готов!
Но я на том ловлю себя, однако,
Что я девчонкам не дарил цветов.
Смеющихся

катал на лодке летом,
Озябнувших

водил зимой в кино.
Явись я на свидание с букетом,
То было б старомодно и смешно.
А ведь ромашки — как снежинки были,
Гвоздики — словно алые кресты...
В душе девчонки, думаю, любили
Сильней всего, наверное, цветы.

1957

ЖЕНЩИНЫ

Я грущу.
Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья,
их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,
глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача,
пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

1957

* * *

Когда умру, то в стол ко мне
Ты молча загляни.
Там все, чем я наедине
Жил в прожитые дни.
Истлеет плоть, что путь прошла
Невзгод и голодух,
Но где-то в глубине стола
Живым мой будет дух.
Листок бумаги —

он молчит,

Лиловый от чернил.
Достань его — и закричит
Он вдруг что было сил.
И если хочешь — разорви
Иль отошли в журнал,
Но он заплачет по любви,
Которую не знал.

1957

НЕЗАБУДКИ

В шинельке драной,
Без обуви
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке...

И было выколото
«Надя»
На обескровленной руке.

1957

* * *

Я мчался сквозь поля,
Накрывшись плащ-палаткой,
На черной от угля,
Пустой платформе шаткой.

В кармане был моем
Подержанный бумажник,
И было много в нем
Различных справок важных:

Что я, мол, отпускник,
Что еду на поправку.
В Ельце санпропускник
И тот мне выдал справку.

Я к доскам примерзал
И, скорчившись от стужи,
На станциях слезал,
Тер рукавами уши.

Я в кулаки трубил,
Замерзшие в дороге,
Чечетку дробно бил,
Чтоб отогрелись ноги.

Где шумно толковал
С безруким инвалидом,
Где пацанам давал
Махорку с грозным видом,

Где с девками шутил,
Пилотку сдвинув набок,
Где простоквашу пил
У жалостливых бабок.

Я мчал сквозь города,
Предместья прорывая.
Неслась домов гряда.
Сады. И лязг трамвая.

Я мчал во тьме ночной,
Отсчитывая версты.
Победно надо мной
Ночь зажигала звезды.

Я шел! Бил ветер в грудь.
Дорогой снеговою
Великий Млечный Путь
Стоял над головою.

Я мчал, и снежный наст
Белел за черным мраком, —
То вдруг снежком обдаст,
То вдруг мельчайшим шлаком.

На фронте за спиной
Орудия базили.
Вдали передо мной
Лежал простор России:

С соломой куреня,
С дымочком хлебным кислым,
С бабенкой у плетня
В платке и с коромыслом,

С грачиною возней,
В лесных рассветах хрупких,
С визгливой ребятней
В отцовских полушубках,

С затейливым леском,
Притертым к страшным домнам,
С дощечкою: «Райком»
Над красным домом скромным.

Меня в простор, звеня,
Платформа уносила...
Летела на меня
Огромная Россия.

Ее безвестный сын,
Под ветром леденя,
Один был на один
Я целый месяц с нею.

1957

НАРЫ

О, нары, царственное ложе!
Здесь можно выспаться в тепле,
И жестко спать, да лучше все же,
Чем просто на сырой земле.

Здесь ночью, завалившись скопом,
Храпела с вывертом братва,
Как подобает землекопам —
Не раскатавши рукава.

Здесь, бредя, издавали стоны,
Болтали явственно вполне,
Причмокивали, как сластены,
И даже плакали во сне.

А то как вдруг хвороба злая
Возьмет — не крикнешь: «Замолчи!»
И, кашляя, как будто лая,
Зайдется кто-нибудь в ночи.

Здесь с терпеливостью похвальной,
Лишенный сладостного сна,
Над печкой скрюченный дневальный
Сушил тряпки докрасна.

Здесь заспанные, вроде пугал,
Друзья вставали, как с одра,
И шлепали босыми в угол,
Чтобы напиться из ведра.

1957

* * *

Двадцатый век... Горят глаза тупые.
Орущий рот. И вымокшая прядь.
Он отравился... В поездах слепые
Его не скоро кончат проклинать!

Двадцатый век... Протянутые горсти
Сирот, глотавших горькую слюну.
Вон — рвы и рвы. Там черепа и кости
На двадцать километров в глубину.

Двадцатый век... Бродивших по дорогам
Среди пожаров к мысли привело:
Легко быть зверем и легко быть богом,
Быть человеком — это тяжело.

1957

* * *

Если в поле, где-то в дальней дали,
Я от пули навзничь упаду,
Чтоб немедля милую позвали,
 Попрошу я при смерти в бреду...

Встанет сад, пестреющий гвоздикой.
Дачный полдень. Детский небосвод.
Девочка в переднике и с книгой —
Первая любовь моя придет...

«Нет, скажу, у милой злее речи!
Дерзче взгляд. Платок сорви рукой! —
Волосы вдруг выльются на плечи
Жесткою свободною рекой».

Прошепчу: «Прощаю все, что было,
Что там помнить, — минули года! —
Что ушла, забыла, разлюбила...
Дай с тобой простимся навсегда!»

1957

* * *

Командир батарей! —
Звался я. Воротник
На мальчишеской шее
Был безмерно велик.

Командира солдаты
За спиною, тайком,—
Седоваты, усаты,—
Называли сынком!..

Я не выглядел бодро,—
Командир как-никак!..
Сапоги словно ведра
На тщедушных ногах.

Не чета был придирам,
Не чета добрякам,—
Был отцом-командиром
Я своим старикам!

Уважали комбата
В простосердье своем.
— Не споем ли, ребята? —
Выдыхали: — Споем!

И с присвистом, и с гиком,
И с отмахом руки
Оторвут «Гоц-со-смыком»
Мои старики.

Я бранил их, коль были
Ноги мокры у них.
Письма им из Сибири
Я читал от родных.

Слал на родину справки.
Проверял на посту.
Толковал о заправке,
Про ушей чистоту.

Все, глядишь, ничего бы,
Но считаться изволь:
Ревматизмы, хворобы,
Загрудинная боль.

Шли и старый и малый
В те года умирать.
Взглянешь, — скажешь: пожалуй,
Несерьезная рать!

...Все на свете не вечно,
И не вечен гранит!..
Но в Истории нечто
Есть, что как-то роднит...

Обошли мы полсвета,
И, признаюсь, порой
Почему-то все это
Мне казалось игрой...

1957—1967

* * *

Сосед мой, густо щи наперчив,
Сказал,
взяв стопку со стола:
— Ты, друг, наивен и доверчив.
Жизнь твоя будет тяжела.

Но не была мне жизнь тяжелой.
Мне жребий выдался иной:
Едва расстался я со школой,
Я тотчас принят был войной.

И в грохоте, способном вытрясть
Из тела душу,
на войне,
Была совсем ненужной хитрость,
Была доверчивость в цене.

Я ел — и хлеб казался сладок,
Был прост — и ротой был любим,
И оказался недостаток
Большим достоинством моим.

1957

ТАНЦПЛОЩАДКА

Я был до танцев падох,
Я беззаботен был,
Дощатых танцплощадок
Я шум и гром любил.
Любил я,

невесомо
Скользящий в полусне,
Чтоб музыки истома
Бежала в сердце мне.
Любил,

чтоб в громе бала
Бездумная кадриль
До неба вышибала
Из танцплощадки пыль!..
Тех славных, в самом деле,
Мне не забыть минут:
Здесь дерзко щеки рдели,
Сверкали взоры тут!
Здесь шелк богатый редок,
Здесь царствовал один
Всех красок, всех расцветок
Ликующий сатин.
Под лампой в шуме клефов
Летели вечера...
О, взглядов и поклонов
Старинная игра!
Порхала пылко полька,
Гремел мазурки шквал.
Кассир в окошке бойко
Билеты продавал.

Звенели лихо шпоры,
Когда неслись с душой
Под сорок лет майоры
С одышкой небольшой.
И в грохоте фокстрота
Бил в нос с пяти шагов
Дух гуталина, пота,
Помады и духов.
Смешного были плана
Истории подчас:
Иной верзила спьяна
Пойти пытался в пляс.
Пил прямо из бутылки
И делал кренделя,
Пока не выводили
Два грозных патруля.
Блестали в косах блески,
Летало конфетти...
Входи же на подмости,
Лишь трешку заплати!
Здесь флейта томно пела,
Труба впадала в крик...

Здесь юность пролетела
Моя, как краткий миг.

1957

* * *

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,
Хохотуньей, а не плаксивой,
Быть любимой, а не вдовой.

Чтобы к перстню шло ожерелье,
Чтобы нравиться без труда...
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.

И бывает, что вместо бала,
Дерзких взоров и алых щек,
Дождь стучится да вполнакала
Тлеет слабенький ночничок...

Громких подвигов не седея,
В жертву отданная мелочам,
Одиовоко живет, седея,
Шорох слушая по ночам.

1957

* * *

Нет, эти босиком не выбегали
К любимому, в морозы, на крыльцо
И серной кислотой не выжигали
Соперницы проклятое лицо.

В них пыл не тот,
У них спокойный норов.
Любовь не принимается всерьез.
Сдаются без особых разговоров
И утром просыпаются без слез.

И вспоминают молодость, старея:
Апрель. Луна. Холодный блеск реки.
За пазухой у них ладони грея,
Зевают их случайные дружки.

1957

* * *

Мне сохранить смогла судьба
Из молодости ранней
Пороховые погреба
Моих воспоминаний.

Живу в спокойном забытьи,
Но огонек запала
Лишь только стоит поднести,
И все тогда пропало...

1957

ДВА ЛИЦА

Мы встречались совсем немного.
Помню дом ее в центре Москвы.
Губы тонкие, недотрога!
Косы грузные вкрут головы.
Строгой-строгой была,
непреклонной,
Но прислушивалась к звонку
И о чуткий ледок оконный
Остужала тайком щеку...
И снежинки,
Под снегопадом
Мы ходили с ней на каток.
Мелким шагом я шел с ней рядом,
Чуть придерживая за локоток.
Как ярка голубая арена!
Разноцветные огоньки.
У скамейки, встав на колени,
Зашнуровывал ей коньки.
Кротко чистил ей мандарины,
И снежинки,
летя с небес,
Словно крошечные балерины,
Танцевали нам полонез...
Это первая,
а вторая
По-другому была горда.
Над снегами переднего края
Ржавой проволоки три ряда.
Поднималась звезда над снегами,
Над погибшим на днях полком...

Торопливо гремя сапогами,
Прибежала ко мне тайком.
И сама дивилась поступку,
И смеялась, попавшая в плен.
По-солдатски короткую юбку
Все дотягивала до колен.
Словно вспугнутые погоней,
Колотились наши сердца
От нашедших друг друга ладоней,
От нелегкого спирта-сырца.
Словом ласковым не называя,
Говорила мне грубо: «Мой!»
Укрывала нас ночь фронтовая,
Как шинелью, своею тьмой.
Фронтowych бездорожий буйность,
Над катком голубая пыльца...

Словно детство и словно юность —
Эти два молодые лица.

1957

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

На улице мне сладко было
Веселый запах встретить вдруг
Простого ягодного мыла...
О, запах детских щек и рук!
О, детства запах!
Сразу, сразу
Все то предстало предо мной,
О чем не вспоминал ни разу
Что было где-то за войной.

Сейчас поверят в это разве?
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад.
Вы улыбнетесь, знаю:
Ибо
И странно это и смешно.
Педагогических загибов
Пора окончилась давно.
Меня и нынче брат мой дразнит,
Он этой справки не забыл...

Но политически я развит
Действительно в те годы был!
Я, помню, не жалел под праздник
Ни черной туши, ни белил,
Весь мир на белых и на красных
Безоговорочно делил.

Задорный, тощий, низкий ростом,
Я весело маршировал,
И в каждом человеке толстом
Буржуя я подозревал.
Я знал про домны Прназовья
И что опять бастует Рим.
И я к друзьям пылал любовью
И был к врагам непримирим!

Мне вспоминается: значале,
Надев с достоинством очки,
Меня детально изучали
Из Наробраза знатоки.
Я прыгал в зале неуютном,
Шнурки болтались башмаков.
Я был тогда ребенком трудным,
По утвержденью знатоков.
«Нацелим», «сдвинем», «обязуем», —
Я слышал чуть не целый год.
Я знал: я трудновоспитуем! —
И втайне был немного горд.
Но воспитательное дело
Торжествовало. Как-никак!..
Я стал завязывать умело
Свои шнурки на башмаках.

Средь стен казарменной окраски,
С вселявшей ужас чистотой,
Как радуга, цветные сказки
Нас поражали пестротой.
А Аполлон, что над фронтоном
Квадригу вздыбил над Москвой,
Бойцом казался пропыленным
В лихой тачанке боевой.
Мы путали легко и просто,
Ребята тех далеких лет,
Иван-царевича геройство
И информации газет.

Шпалерами стояли койки.
Мы знали, тощие мальцы, —
На посевные и на стройки
От нас уехали отцы.

Когда нас в зале Марь Иванна
В кружок под вечер соберет,
В бравурных звуках фортепьяно
Мы начинали хоровод.
Мы тоненькими голосами
Вели печально «Каравай»,
А Марь Ивановна глазами
Грозил мне: «Не подвывай!»
Мы тоненькими голосами
Вели. А в глубине окна
Мерцающими корпусами
Светилась новая страна.
Во тьме деревня за деревней
Шатались в снеговой гульбе,
И хаос горестный и древний
Протяжно запевал в трубе.
Проснувшись полночью в постели,
Обняв колени, в тишине,
Мы, не стирая слез, глядели
На вспышки дальние в окне...

Срок воспитания был недолог. —
На счастье или на беду,
Педолога сменял педолог,
Как бы играя в чехарду.
Передо мной, как кинолента,
Мелькали лица. Рад не рад —
Объектом для эксперимента
Я неплохим стал, говорят.
За методом сменялся метод,
Был графиками полон зал.
Тот все кричал, сюсюкал этот.
Тот кутал, этот закалял.

А где-то мать в платочке белом
Шла в громкие цеха чуть свет
Напористой завженотделом —
Ей было двадцать девять лет.
Рожь вымерзла в тот год на пашнях.
— Дай хлеб! —
Был краток разговор,
И сотни страшных глаз зававших
Глядели на нее в упор.

В тот год ни воблы, ни конины
Не продавалось в городах.
Российский снег давил на спины
Томящихся в очередях.
Непринужденны и форсисты,
В очках и с острым кадыком,
Среди народа пнтуристы
Гуляли важно с «кодаком».
Средь строек, вшей, недоеданий
Их поражала неспроста
В России глубина страданий
И идеалов высота.

В узорах ризы золотые,
Затейливый иконостас —
Забавы грозной Византии,
Из тьмы дошедшие до нас.
В церквушке было тесновато,
Мы стали с бабкой в уголок.
О счастье рая, муке ада
Летел псалом под потолок.
Стоял я с безучастным взглядом,
Без содрогания в душе,
Стоял под раем и под адом,
Катая за щекой драже.

Отец смотрел на вещи строго,
Отец не баловал меня.
Побаивался я немного
Его солдатского ремня.
То время было как точило,
А я, как лезвие, малец.
— Будь справедливым, — мать учила.
— Упорным будь, — учил отец.
А я любил разлив природы
И тесноту вечерних звезд.
Смотреть, грустя, на пароходы
Я выходил на Крымский мост.

Мы незаметно подрастали.
Весь мир нам во владенье дан!
Мы в пионеры поступали,
Мы колотили в барабан.

Хлестали ветки нас по коже,
Пылали в небе вымпела...
Моя любимая, ты тоже
Ведь пионеркою была!
Ты в белой блузке с синей юбкой
Дежурила, полы мела.
Смешливой, трогательной, хрупкой
Ты пионеркою была.
Мы шли полями.
Пел вожатый
И знамя на плече держал.
В худой руке моей
Зажатый
Горн холодеющий дрожал.
Под песню маленького люда
Горел костер в лесу светло...

Так жили, жили мы,
Покуда
Вдруг отрочество не пришло.
Мы стали хмуры, неуклюжи...
О возрастная полоса,
Когда затвердевали души,
Когда ломались голоса!..
Ходили, широко шагая,
Пух появился над губой...

Но это уж пора другая,
А значит, разговор другой!

1956

Лицо человеческое

1960

* * *

Сколько прелести есть в человеческих лицах.
Все смотрел бы на них и смотрел без конца.
Но в глухих городишках и в громких столицах
Вдруг на улице встретишь лицо подлеца.
И брезгливость и ужас почти не скрывая,
Отшатнешься, стараясь с дороги свернуть.
Но навеки запомнишь: ухмылка кривая
И глаза, разбегающиеся, как ртуть.
Берегите лицо человеческое. Несите
Сквозь года — и глаза молодые и рты.
Словно с озера, с глади лица не спугните
Выражение детскости и чистоты.

1957

* * *

Кто только мне советов не давал!
Мне много в жизни выдалось учебы.
А я все только головой кивал:
— Да, да, конечно! Ясно. Ну, еще бы!..

Поднявши перст,
кто только не держал
Меня за лацкан!

— Да, ага, понятно!
Спасибо! Ладно! —

я не возражал:
Ну что мне стоит, а ведь им приятно...

— Да, да, согласен! Ой ли! Ей-же-ей!
Ну да, пожалуй! Вы правы, не скрою...

Чем больше слушал я учителей,
Тем больше я хотел быть сам собою.

1960

* * *

Хочу быть начинающим поэтом,
На мэтра говорящего смотреть.
Он грозный ходит, он брюзжит при этом.
Его лицо багрово, словно медь.

Он в кресло опускается устало.
Он дышит трубкой, тяжело дыша...
О, как бы я хотел, чтоб трепетала
В надежде и неведении душа!

Он щелкнул пальцами, пща примера,
Нашел, и голос вверх идет, звеня,—
Тут что-то из Шекспира, из Гомера.
Я сник. Я стих. Уже он стер меня...

Но вот он поднимается из кресла,
С улыбкой слабой треплет по плечу.
И ожил я. Душа моя воскресла!
Счастливый, я на лицу лечу.

Средь города, средь бешеного мая
Лечу я, не скрывая торжество,
Тетрадку к сердцу крепко прижимая,
Не видя и не слыша ничего...

1960

ДЕМОН

И у меня был демон.
Он нередко
Захаживал поспорить.
Между тем
На своего прославленного предка
Не походил он обликом совсем.

Свернув сигарку, приклеив слюною
Газету,
он обиженно моргал.
Он фразою язвительной одною
Меня в смятенье тотчас повергал.

Он был на мир сердит.
Был зол и едок.
Он сплевывал сквозь зубы и курил.
— Вот так-то, брат,— зловеще напоследок,
Похлопав по плечу, он говорил.

Казалось, что не вынести разлада,
На мир поблекший не подынешь глаз.
И все ж в крови веселой капля яда
Бесследно растворялась всякий раз.

1959

* * *

Как был уютен мир Эвклида!
Как был он ясен, прост и мал!..
Чертил учитель деловито
Фигуры,
 палец подымал..

Но истина в другом:
 миллионы
Миллионов светолет!
 Сложны
И перепутаны законы,
И все понятия смещены.

Все в мире можно, все обелим!..
Я ж верю, пусть идут года:
На этом свете параллелям
Не пересечься никогда.

1959

* * *

Как хорошо лицо свое иметь...
Тот смотрит робко, этот смотрит гордо.
Тот любит в лодке с удочкой сидеть,
Другой в восторг приходит от кроссворда.
Походка есть у каждого своя,
И каждый носит шарф, какой захочет.
На шутку у того чуть дрогнут губ края,
А тот как сумасшедший захохочет.
Как хорошо, что каждый не похож
На своего соседа! И прекрасно,
Что он и я — мы не одно и то ж.
Стоим — кто как. Прикуриваем — разное.
О, яростная эта пестрота!
Свое лицо мы добываем с бою.
Страшимся мы, как видно, неспроста
Быть, как икринки, схожи меж собою.

1960

* * *

Есть люди, не тщеславны по природе.
Их идеал, признаться, не высок:
На даче покопаться в огороде,
Да стопку тяпнуть, да всхрапнуть часок...

А есть совсем другие: без предела
Их замыслы!
Какой уж тут предел,
Коль с детских лет уж ими овладела
Страсть к славе,
жажда грандиозных дел?!

Кто лучше,
разбрись-ка — те иль эти?
У первых в жире не заметно глаз,
Но со вторыми здесь, на этом свете,
Бывает очень хлопотно подчас...

1960

ГОРЕЧЬ

В парк с гитарой идем для ф́орсу,
В коверкотовых пиджаках,
И впервые мы вместо морсу
Пиво спрашиваем в ларьках.

Пена пышная прихотлива,
Но как злая полынь горька.
Желтоватую жижу пива
Цедим медленно у ларька
И не морщимся.

Шоколада
Нам не требуется. Ерунда!
Дайте горечи! Вот что надо!
Детство кончено навсегда.
Детство кончено.

Не пристало
Быть сластенами.

Нам нужна...
Только горечь! И что б ни стало,
Только горечь. Она одна.

Мы идем. Пиджаки нараспашку.
Мы идем...

Продает старик
«Мишку», сладкий миндаль, «Ромашку»,
Шоколад «Золотой ярлык».

1959

* * *

— Что нужно, чтоб поэтом стать? —

Когда-то

Я с детским простодушием спросил...

Мне многословно и витиевато

Все объясняли, не жалея сил:

— Вот то-то делай. Этого не надо!

Читай вон то. Используй каждый час!..—

От этих наставлений, как от чада,

Трещала голова.

Но как-то раз

Я вышел — у киоска, где газеты,

В сосульке зайчик солнечный плясал!..

И плюнул я. И все забыл советы.

И первый стих тогда я написал.

1960

ЛОШАДЬ

Ракета, атмосферу прорывая,
Уйдет туда, где теплится звезда...
А ты, о лошадь, ты, душа живая,
В наш сложный век исчезнешь без следа.

Ты шла, влача громоздкость катафалка,
Ты в бой летела, яростно трубя,
Ты ковыляла пахотой. Мне жалко,
Печальное животное, тебя.

Ты на дыбы не встанешь средь базара
Перед цыганом, глаз скосив со зла,
Губой не тронешь мертвого гусара,
В траву густую павшего с седла...

Наделена и жалостью и злобой,
Была ты и надменна и кротка,
Тряслась под коронованной особой
И под тщедушным телом бедняка.

Но пробил час, и ты уходишь, лошадь,
Назад куда-то, в средние века.
А я б хотел вожжами огорошить
С ямщицкою тоской коренника!..

Еще ты попадаешься покуда.
Почесываясь хмуρο о забор,
Копыта врозь, стоит смешное чудо,
Но вынесен суровый приговор.

1958

* * *

Весною новой новая трава,
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива,—
Ей хорошо без прошлого, свободней.

А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!

Был, да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать этак...
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

1959

СИБИРСКИЕ ВАГОНЫ-РЕСТОРАНЫ

Сибирские вагоны-рестораны —
На тыщи верст рассчитанный уют!..
Здесь за графином раздирают раны
Сердечные,

бранятся и поют.

Актер бровастый едет на гастроли,
Моряк спешит из отпуска назад.
За долгий путь сдружившись поневоле,
Сидят, касаясь лбами, взгляд во взгляд.
И все, что за полжизни наболело,
Все, что таили где-то в глубине,
В сердцах друг другу поверяют смело
Среди народа, как наедине.
Всю жизнь свою — женитьбы и разводы,
Печальные ошибки прежних дней.
...Потребность человеческой природы
В признаниях —

стыдливости сильней.

О, сколько тут новелл,

если порыться!

Как вспомнить их и не сойти с ума!
Друзья бормочут, и бежит по лицам
То свет, то тьма, то свет, то снова тьма.
Когда бы это все они забыли,
Как был бы их удел нелегкий прост...

А за окном безлюдие Сибири,
Полночная тайга на тыщи верст.

1959

КРАСАВИЦА

Красавица!..

И вот обалдевая,
Застыли мы, открыв в смятенье рот...
— Смотрите, вон красавица!

Живая
Красавица! Вон — не спеша идет.

О, женской красоты великая загадка!
Кто тайный смысл твой до конца познал?
Ну вот она:

зачесанные гладко
За уши волосы
да личика овал, —
И мы уже молчим, благоговей,
Молчим, от потрясения немые,
Следим глазами:

вот она правее —
И мы правей, она левей — и мы...

1960

* * *

Самолюбие, ты меня
Чуть кольнешь — и, мокрый от поту,
Помертвев, котелком звеня,
Догонял я на марше рогу.
Не за деньги и не на приз,
А, пожалуй, тебя лишь ради
Я неистово ручку грыз
Перед чистым листом тетради.
Почему же, бледный как мел,
Я звоню ей сто раз на неделе?

Неужели я не имел
Самолюбья на самом деле?

1960

ЖЕНЩИНА С КРАСИВЫМИ ЗУБАМИ

Женщине с красивыми зубами
Все кажется смешным.

Мы не говорили о женщинах.
По вечерам, когда восходила луна,
Мы вспоминали о том, кто как ел дома.

Наше училище было
В том же городе,
Где я несколько месяцев назад
В школе сидел за партой,
В десятом классе.
Старшина, татарин Ахмеджанов,
Раз в десять дней
Строил нас перед фронтоном казармы
И вел в гарнизонную баню.
Под мышкой мы держали
Скатанное нательное белье.
На центральной улице города
Было много гуляющих.
Их взгляды действовали на нас
Как сильный, возбуждающий напиток.
В нас вдруг начинали брезжить далекие
Гражданские воспоминания.
Мы молодцевато приосанивались
И с ожесточением вбивали шаги в мостовую.
В груди начинало петь.

Однажды был какой-то
Особенный вечер.

Город потонул в теплой
Розовой дымке.
Я, как обычно, шел
В последней шеренге.
И вдруг на повороте,
У белого здания городского театра,
Когда ликование в наших сердцах
Достигало предела,
Я вдруг почувствовал,
Что развязалась обмотка.
Она спадала широкими баранками
С худой ноги.
Я отстал от строя,
Вступив в единоборство
С грязной и бесконечной лентой.
Шинель, доставшаяся мне, как видно, с великана,
Встала на спине горбом.
И вдруг я услышал смех.
Я обернулся и увидел рядом с собой на тротуаре
Ту, которую я любил
И которой я когда-то нравился,
Но о которой позабыл
За событиями последних месяцев.
Она стояла с двумя щеголеватыми молодыми
людьми
В белых воротниках, выпущенных на пиджаки.
Она смеялась.
Она смеялась, сверкая красивыми зубами.
Она хохотала до слез.

• • •

Я верил в стройность мира!..
Исхудалым,
Порвав широкий ворот сторяча,
Я пил сырец, закусывая салом
И голосом мальчишеским крича.

Все то, что я в душе лелеял свято,
Я, мыслью зачарованный одной,
Бросал в лицо багровое комбата,
Расставившего локти предо мной.

Он криво усмехался мне сначала,
Но захрапел. Я позабыл о нем...

И пиршество ночное освещала
Коптилка затухающим огнем.

* * *

— Подумаешь, Америку открыл!
Еще в пеленках это мы знавали!..
А я один, как клад, ее отрыл
И позабыть уже смогу едва ли.

Как я добыл ее!
Я смертный пот
Стирал ладонью. Рот был сух от жажды.
Я рыл и рыл...

Владеет ею тот,
Кто сам, один, добыл ее однажды.

Она во мне. Я жил, ее тая.
Я, стиснув зубы, в муках, на пределе,
Ее добыл. Вот истина моя!

Вы ж до сих пор банальностью владели.

1960

МАРС

Ты когда-то учил меня
Мартс находить на небе.
Ты давал подержать на ладони
Пистолет «ТТ»...
Я почти забыл тебя.
Только помню кавалерийскую шинель
Да зубчатые,
Как будто бы из часового механизма,
Колесики шпор.
Я благодарен тебе.

Но почему я полюбил
Арбатские переулки,
Где на особнячках с колоннами,
В тех местах,
Где отвалилась штукатурка,
Темнеет дранка,
Где, если заглянуть в окна,
Видны уголки багетов?
Большие куски штукатурки
Валялись на тротуаре,
И прохожие разносили
В самые дальние районы города
Следы.

Вздыхая,
Я ночами бродил
По хорошо промытой дождями
Москве

С тонкой тетрадкой,
Свернутой в трубку.
В ней были стихи.
За мной тянулись по всему городу следы.
Я задумчиво упирал трубку в подбородок,
Я дул в нее.
Я смотрел сквозь нее,
Как в подзорную трубу, на небо.

Я видел Марс.
Он был мне неинтересен.

1959

* * *

Так и живи, как прежде!
За «Вечеркой»

Стой смиренно.

Слушай важно к вечеру,
Как сипловатою скороговоркой
С «Динамо» комментируют игру.

Пей стопку под салат!

На всякий случай

Осклабься,

слушай длинный анекдот...

Да как же так? А где ж твой дух могучий?

А где же смертный труженика пот

На лбу твоём, на лбу, где, как короста,

Раздумья борозды?

Твой крепкий лоб умен

И горькою печатью благородства

Как бы клеймом навеки заклеимен...

А ну, воспрянь!

Гони, как злую муху,

Жужжащий быт. Будь счастлив, как дитя!

Наморщ же лоб, ценя лишь только муку,

Все остальное низменным почтя...

1959

* * *

Художник на подносе розы
Пестро размалевал,

и вот

Мы, благодушны и тверезы,
Пьем чай и отираем пот.

И ртами, полными варенья,
Мы обсуждаем прелесть роз,
Плодами чистого паренья
Мы восторгаемся до слез.

Мы сердцем тянемся к искусству,
Но розы той величины,
Что смахивают на капусту,
Бутоны — словно кочаны.

Запечатлела кисть артиста
Здоровые земные сны:
Вот розы, нежны и мясисты
И, словно овощи, сочны.

1959

* * *

На окнах светомаскировка.
Во тьму был город погружен.
Не малая нужна сноровка,
Чтобы пройти в чужой район.
Но я ходил.

Мы с ней встречались
На лавке в глубине двора.
Над нашей головой качались
Зеленые прожектора.
Вдвоем мы с ней рядком сидели,
Бок о бок, молча до утра
И, головы задрав, глядели
На длинные прожектора.
За легкой их следили пляской..
Напрасно за ночь много раз
Дежурный по двору с повязкой
Домой прогнать пытался нас.
Ну что ж, что слышались раскаты,
Что пули прошивали мрак?..

Мы разве были виноваты,
Что юность начиналась так?

1959

* * *

Я знаю жизнь. Ее я изучал,
Сжав крепко зубы. Горькая отрада —
Познать ее! Начало всех начал —
Жестокый опыт. Нет дорожке клада,
Чем знанье жизни. Прежде по складам
Ее с трудом читал я, обалдело
Наморщив лоб. Сейчас я преподам —
Хотите — курс ее! Я знаю дело.
Я знаю жизнь. Но сыну моему,
Увы, не надо знания отцова.
Ему мой тяжкий опыт ни к чему.
Сжав зубы,
сам
он все добудет
снова,

1959

* * *

Не жалуясь: и я имел друзей!..
У жизни так разнообразны грани:
С одним идешь на бокс, с другим — в музей,
А с тем — сидишь за рюмкой в ресторане.

Мои друзья! Да это ж, право, рать!
Как мы шумели — были помоложе.
Не то чтоб за меня пошли бы умирать,
Но, если надо, поддержали б все же...

О понимание! За нитью рвется нить.
А с новыми идешь на дружбу туго...
До старости когда б мне сохранить
Пусть одного, хотя б для шашек, друга.

1959

БАЛЫ

Балы! От шпор до штукатурки,
От люстр до коков — все дрожит...
Вон — Пестель, он летит в мазурке!
Вон — с дамой Батюшков кружит!
Трещат воцеленные паркеты.
Солдаты дуют, молодцы!
Кружат сановники, поэты,
Тираноборцы, мудрецы.

Стихи — в альбомах женщин милых!
Трактаты — в дружеском письме!..
Как все легко!
Мазурка в жилах,
В душе мазурка
И в уме.

Всего каких-то полтора ста
Иль двести продержалось лет...
О мир танцующий дворянства,
Тебя уже в помине нет!
Твои подметки отстучали!..
Ты так был яростно спален,
Что средь псковских болот торчали
Лишь камни эллинских колонн.

Не здесь ли тот писал когда-то,
Что был лишь истиной влеком,
В шелку тяжелого халата,
Дымя янтарным чубуком?

А ведь от вольтерьянских максим
Не так уж долог путь к тому,
Чтоб пулемет системы «максим»
С тачанки полоснул во тьму...

1959

* * *

О, состраданье! Нет грознее силы!
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость! Он хватает вилы
Спасать несчастных!

Он топор берет.

Кто жалости мучительный напиток
Хотя бы раз испил — уже тому
Не страшно откровенье страшных пыток.
На каторгу пойдет,
пойдет в тюрьму.

«Авроры» залп!

Встают с дреколем села.

Но это ж началось в минуту ту,
Когда Радищев обшлагом комзола
Утер слезу,
увидев сироту.

1959

ПИРЫ

И я люблю пиры!..
В сердцах ликуя,
Тот рог подымлет, выводя напев,
А тот, глядишь, мечтая и тоскуя,
Сидит, щеку рукою подперев.

...Своей хранимый робкою звездою,
Я не люблю задач не по плечу.
Я знаю, что не быть мне тамадою:
Я встану, покраснею и молчу.

А тамада — он щедр и смел,
и кругом
Идет его от власти голова.
Награды раздает не по заслугам,
А сверх заслуг:
он получил права!

Он — раб минуты,
он — дитя причуды.
Швыряет он в притихшие столы
Рубины лести, славы изумруды,
Алмазы званий, жемчуг похвалы.

Неистоимый,
он имеет опыт.
В нем все черты застольного вождя:
То он нисходит на зловеший шепот,
То мечет громы, дремлющих будя,

СНЫ

Различных снов я в жизни видел много.
Мне были сны нелегкие даны,
В набат полнощный бьющая тревога
Огнем мои окрашивала сны.

И были кратки сны мои, как порох,
И были длинны, словно канитель.
Я видел сны такие, от которых
Я в ужасе садился на постель.

И я кричал во сне,— меня будили.
Я засыпал и вновь кричал, больной.
А были сны, что тихие сходили,
Как на цветы роса нисходит в зной.

Веселый сон веселым сном сменялся,
Напоминая легкую игру.
Мне говорили:— Ты во сне смеялся! —
Я ж ничего не помнил поутру.

И женщину я видел: в покрывало
Закуталась, улыбкою маня.
И руки я тянул, и уплывала
Та женщина навеки от меня.

Как карточки подмокшие туманны,
Как фильмы довоенные темны..
Я сны не осуждаю за обманы,—
За что винить? На то они и сны!

1958

* * *

Я слово *вдохновенье* не отдам...
Пусть ретроградом прослыву за это.
Его прочел я в детстве по складам
В помятой книге древнего поэта.
...Пророк в сердцах, как искру выкресал
Из камня воду.

Кутаясь в овчину,
Вздыхал он руки к небу.

Сотрясал
Припадок вдохновения мужчину.
Быть вдохновенным — то мужской удел.
Не выйдет прорицателя из труса.
Одним рывком подняться за предел
Рассудочности,

встать над гранью вкуса!
Эй, смельчаки, а ну-ка, кто из вас,
О всем забыв — о собственной особе! —
Так воспарит —

и слезы чтоб из глаз
И чтоб, как током, затрясло в ознобе!
...Мне не дана рассудочности власть,
Сквозь жизнь мою меня несет кривая.
И я хотел бы жить, и я хотел бы пасть,
Бездумные глаза на вечность подымая.

1960

Слово

1962

СЛОВО

Священное умение говорить.
Произносить слова и строить фразу.
Как просто это: стоит рот открыть,
И чудо слова возникает сразу.

Как ты проста, осмысленная речь!
Приставка. Окончание. Основа.
Вождь длань простер вперед:

ему увлечь
Дано людей в огонь — он знает слово!

И, принятое в множество голов,
Оно свое вершит упрямо дело.
Я знаю: люди состоят из слов,
Которые им внутрь вошли,
и тела.

И слово движет. И земля горит!
И в небо вилы вздеты! Тьма багрова.

Могильный холм учеными разрыт:
Сосуд. Потерли. И сверкнуло слово.
И стало жить. Его нельзя назад.
Не воробей! Пошло гулять по свету!

А есть слова — по ним глаза скользят.
Стручки пустые. В них горошин нету.

1961

СВЕТ

Я дневника не вел. Я фактов не копил,
Я частность презирал.
Подробность ненавидел.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.

Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего я вспомнить не могу,
Ни черточки случайной, ни детали.

Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

1961

РАЗНООБРАЗИЕ

Когда я пришел из армии,
Первое, чем я был поражен,
Это было — разнообразие...

Я брел в яловых сапогах
По городу, глаза по сторонам.
«Для чего, — думал я, —
Вместо единой гимнастерки
Столько разных одежд?»
Можно ослепнуть от этих
Ситцев, наваленных на полки!
Устанет язык перечислять названия.
«Зачем, — думал я, —
Вместо ежедневных щей да каши
Это бесконечное количество блюд?»
Десятки видов паштетов,
Тысячи видов соусов.
Колбасы как таковой нет!
Субстанция под названием «колбаса»
Разбилась на сотни форм:
Краковская, любительская, чайная.
И так без конца.
Дурная бесконечность!
Вместо спирта
(Я знал его два вида:
Разбавленный и неразбавленный)
В бакалейном магазине
Спектр ярких этикеток
На бутылках всех видов и форм.
Пудовая поваренная книга
Потрясла меня.

Библия еды! Ветхий завет гурманства!
Атлас неведомых
Гастрономических материков:
Сто шесть способов
Приготовления печенки!
«Зачем?» — спрашивал я.

Я видел, как в ювелирном магазине
Женщина подбирала запонки:
«Мне нужен камешек
Зеленовато-синий,
Переходящий в лиловый,
А вы мне даете
Лилово-зеленый,
Переходящий в синий!..»

Боже мой! Я сходил с ума!
Я погибал среди этих тонкостей,
Оттенков, нюансов.
Я брел, волоча яловые сапоги,
Я был ошарашен, подавлен,
Сбит с толку.
И вдруг я понял:
Природа боится однообразия!
Она дробит и дробит
В своей гигантской ступе
Все, что попадает под руку.
Мир — это лес,
В котором нет и двух
Одинаковых листочков.
Разнообразие — принцип,
Лежащий в основе жизни.
Ищите камешек того неповторимого оттенка,
Который единственно вам нужен.
Добивайтесь, бегайте,
Умоляйте!
Лишнее — необходимо!

* * *

Стихам своим служу. Я, как солдат, пред ними
Навытяжку стою. Как я дрожу
Под взглядом их. С ребячьих лет доныне
Им,военравным, я принадлежу.

Где жалость? Милосердьё? Час едва ли
Я счастлив был! Спокойствие мое?
Они меня средь ночи поднимали
В белье!

Так поднимают лишь в ружьё.

Я верен им во всем. В любви. И в быте.
Гоняли по земле. Загонят в ад.
А при смерти им прохриплю:

— Простите,

Коль был я перед вами виноват!

1961

* * *

Все вынесу и все переживу.
Муть, как в стакане, тихо отстоится.
Отчетливо тогда я назову
То смутное, что на душе таится,
То смутное, чему названья нет,
То смутное, что хаосу подобно.
Пускай кипит.

Через немного лет
Все расскажу спокойно и подробно.
Все будет очень просто!

Но пускай,
Неистово клубясь, в минуту эту
Волнуется, стремясь из края в край,
То смутное,
чему и слова нету..

1961

* * *

Ал. Михайлову

Художник, воспитай ученика,
Сил не жалея его ученья ради,
Пусть вслед твоей ведет его рука
Каракули по клеточкам тетради,
Пусть на тебя он взглянет свысока,
Себя на миг считая за провидца.

Художник, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.

1961

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПОЭЗИЕЙ

Я заведовал поэзией.
Позиция зава — позиция страдательная.
В ней есть что-то женственное.
Тебе льстят, тебя обхаживают,
На тебя кричат.

С часа до пяти ежедневно я сидел за столом
И делал себе врагов.
Это было нечто вроде
Кустарной мастерской:
Враги возрастали в геометрической
Прогрессии.
Оклад, из-за которого
Я пошел заведовать,
Уходил на угощение
Обиженных мною друзей.

На улице я ловил на себе злобные взгляды.
Это продолжалось до тех пор,
Пока меня вдруг не осенила одна
Простая истина:
Авторы не хотят печататься!
Они хотят, чтобы их похвалили.

Возврат рукописи — болезненная операция:
Я стал ее делать под наркозом.
От меня уходили теперь,
Прижав к груди отвергнутую рукопись,
С сияющим лицом,
Со слезами благодарности на глазах.

Но и принятая рукопись
Должна пройти редколлегию.
Замечания членов редколлегии
Похожи на артиллерийские снаряды:
Ни одно не попадает туда,
Куда упало другое.
Иногда рукопись была похожа на мишень,
По которой стреляла рота.

Авторы шли.
Юнец. Пишет лесенкой...

Старый поэт. Одышка. Сел.
Мясистая рука с перстнем
Лежит на толстой палке...

Парень ростом под потолок.
Со стройки. Комбинезон в краске и в извештке.
Положил кепку. Она приклеилась к столу.
Уходя, едва отодрал...

Тучная дама. У детей коклюш.
Черствый муж. Не понимает.
Пишу урывками!
Надо то в магазин,
То приготовить. Все сама, сама.
Без домработницы...

Человек. В чрeных как смоль глазах
Лихорадочный блеск.
Заявление:
«Прошу назначить меня
Писателем Советского Союза».
Сумасшедший...

Прут. Все пишут стихи.
Пишет весь мир!
Я разочаровался в людях.
Я стал подозревать каждого:
Что делает директор треста,
Когда он один запирается
В своем кабинете?
Милиционер — у посольства?

Авторы шли. Тонны и тонны стихов.
Слова слившиеся, как леденцы в кулаке.
В них слабенький яд.
Но в больших количествах — опасно.
Я отравился.
Я был как перенасыщенный раствор:
Еще чуть-чуть, и начнется кристаллизация,—
Поэзия станет выпадать во мне
Ромбами или октаэдрами.

Я бы возненавидел поэзию,
Люто, на всю жизнь.
Но вдруг попадалась строка...

* * *

Та женщина костлявая была.
По правде говоря, одна лишь слава,
Что женщина! Как два прямых угла
Торчали плечи,— так была костлява.

Висело платье длинное, как сеть,
А брошки были будто бы грузила.
Она игриво принималась петь.
Мне пальчиком суставчатым грозила.

А волосы, как будто на клею!
Но между тем с ужимкой светский львицы
Лукаво клала голову свою,
Как будто бы на доски, на ключицы.

Была бы страшной и улыбка та,
И пальчик тот в игривой укоризне,
Когда б не глаз зеленых доброта,—
Все, что осталось от прожитой жизни.

1961

* * *

Я потерял себя. Нет горестней потери.
Кричу, кричу, кричу!

Молчание в ответ.

Хожу в толпе людей. «А ну, по крайней мере,
Откликнись. Где же ты?» Ответа нет и нет.
«Какой я был? Какой?» Увы, вопрос напрасный!
Уже и сам себе не вспоминаюсь я никак:
Расчетливый педант?

Или гуляка праздный?

Беспечный балагур?

Иль сторбленный чудак?

А может, был я льстец?

Иль я плевал в гордыне

На всех?

Иль был я червь?

Иль жил, сплеча рубя?..

Кричу, кричу, кричу!

А голос, как в пустыне.

Вот страху-то хватил!..

Но я нашел себя.

1961

* * *

Книга жалоб — в каждом магазине,
Требуйте, ее должны подать!..

Предлагаю вечности: отныне
Завести подобную тетрадь,

Чтоб о боли люди не молчали,
И тогда-то на вселенский суд
Все свои обиды и печали
Люди осторожно понесут...

Как тогда б, я знаю, поразила
Надпись в полстроки из-под пера
Женщины, что павши на перила,
Ночью в парке плакала вчера.

1961

ДВЕ ГРУЗЧИЦЫ

Две грузчицы уселись в перерыв.
Глядят друг в друга, упершись локтями,
Консервов банку не спеша открыв,
Батон нарезав толстыми ломтями.
Одна о чем-то быстро говорит,
Другая важно задает вопросы.
Вдруг первая заплакала навзрыд,
Ушанкой снятой растирая слезы.
Где там обед! Батон и не почат!
...Мешки несут. Гудят автомобили...
Две грузчицы, задумавшись, молчат,
Щеку подперли. Обо всем забыли...

1961

СКОРОСТЬ

Третью скорость! На самом деле!
Что ползти? Надо рваться! Мчаты!
Чтоб в несущемся моем теле
Перестало сердце стучать!
Чтоб вокруг меня, словно в дыме,
Стерлись краски! Белым-бело...
Чтоб дыхание мое, как на дыбе,
Вдруг зашлось!..

Ветер, бей в стекло!
Бей! До судороги! До тика!
Вой, мотор! Не мотор — тротил!
Третью скорость!

Я слишком тихо
До сих пор по земле ходил...

1961

* * *

Мы платимся за старые грехи.
О, как несправедливо это все же!
Тогда, конечно, были мы плохи,
Но ведь тогда мы были и моложе.
Я жил, всем досаждая и грубя,
Не думая, что может быть расплата...
Готов платить. Но только за себя,—
Не за того, кем прежде был когда-то.

1961

ГОЛОС

Я слышу голос где-то там, внутри
Себя,— как будто бы из дальней дали...
То прадеды твердят: «Заговори!
Возьми перо. А ну, давай! Едва ли
Ты справишься без нас. Э, ты какой!
Да что ж ты медлишь? Право, нету слада!
Начни — мы поведем твоей рукой.
Да слушай нас. И будет все как надо». —
«Зачем вы мне?» — «Согнувшись над листком,
Пиши, чего бы мы ни повелели,
И людям ты расскажешь о таком,
О чем ты сам и не знавал доселе...»

1961

* * *

Я памятники в городе люблю.
Один сидит. Другой изваян стоя.
Поднявшись, конь копытом бьет змею.
Тот книгу держит. Тот копые героя.

С детьми уселись няньки в их тени,
И голуби у ног их ищут проса.
В отличие от людей, хранят они
Какой-то жест.

Одна навеки поза.

Все больше их. И скромны без затей,
И важные, царят они над миром.
Все гуще чаща каменных людей.
Кто с яблоком в руке. Кто с нивелиром.

А кто со свитком...

Я меж ними брел,
И чувствовал себя я виновато:
Тот что-то создал. Этот изобрел.
Тот даже город основал когда-то!..

1961

* * *

Счастливым человек страдает за других.
Тоскливо он живет, воображая
Себя на месте ближних, дорогих.
Спать не дает ему беда чужая.

В себя уйдет несчастный, словно крот,
Беда им завладела без предела,
Ему с собою полон рот хлопот.
Несчастному нет до другого дела.

1961

ХУДОЖНИК

Картины хмурый малый продает
На рынке. Видно сразу, что мазурик!
Сырая охра зла, как будто йод.
Синь — как мышьяк. Как окись — едок сурик.

Видать, мастак обманывать людей!
Картины в рамках есть, есть и без рамок.
Квадратный пруд. С десяток лебедей.
На берегу невероятный замок.

То груб нахально, то постыдно льстив,
Божится парень, срыгивая пивом.
Но трогает базарный примитив
Каким-то детским и смешным наивом.

Пробрался к замкам, лебедям, прудам
И улыбаюсь. Чуть. Неуловимо.
— Почему вон та?

— А я вам не продам,
Товарищ милый! Проходите мимо.

1961

ПОХВАЛА ВОЗРАСТУ

Я славлю возраст свой!..

Пусть не торопит,
Я б в нем хотел побыть. Года. Века.
Слились и неуверенность, и опыт,
И трепетность, и твердая рука.

Он только лишь на миг со мной!

Так что же,
Что больше не наступит он опять?!
Те, кто старей, и те, кто помоложе,
Завидуйте!

Мне нынче тридцать пять.

Прекрасный возраст! Я горжусь им, право!
Я им хвалюсь, всем сердцем возлюбя.
Что может быть на свете лучше сплава
Боязни тайной с верою в себя!

1960

* * *

Гастрольная тернопольская труппа...
Он и она. Но муж ее догнал.
Удар ножа! Седой отец у трупа.
И занавес спускается. Финал.

...А в городке был май. И словно иной
Был лунный свет. Пылали облака.
И я шагал с воскресшей героиней
По улицам пустого городка.

Что ей, девчонке бешеной и шалой,
Что город спит, что поздняя пора?
Она б весь город подняла, пожалуй,
Петь и кричать желая до утра.

Она сирень ломала и дарила,
Раскидывала и рвала опять.
И, хохоча, с презреньем говорила:
— Зачем я воскресала?
Чтобы спать?!

1961

НЕМОЕ КИНО

Рты открывают важно, словно рыбы,
Герои фильма. Не идут, бегут.
Истерлась лента старая. Разрывы.
Включают свет на несколько минут.

Кино немое. Здесь победа жеста.
Неистовство трагического рта!
Как он кричит! Похищена невеста.
Фиакр. По грязи тянется фата...

Не надо слов. Как лента, стерто слово.
Меня трясет в безмолвье синема...
У сильных чувств — молчание основа.
Страданье немо. Музыка нема.

1961

ЧУДАКИ

Есть в мире чудаки. Они живут средь нас.
Восторженные! Волосы по плечи.
Замысловаты и мудры их речи.
Поступки удивительны подчас.

Очки убоги. Ниткою оправа
Замотана. Зайди на их чердак —
В досаде лишь всплеснешь руками: право,
Вот чучело-то! Батюшки, чудак!

Мечтают всё! До уха одеяло
В ночи натянут, слыша шум в трубе...
А мне бывает жаль, что я так мало
Причуд на свете разрешал себе!

1961

УПОРСТВО

Мы спорим иногда устало,
Ленясь, позиции сдаем.

Прав, кто во что бы то ни стало
Настаивает на своем.
Велик, кем прочно овладело
Одно,
 все прочее поправ...

Упорствующий до предела
Почти всегда бывает прав.

1961

* * *

Поют слепые. Жаждет петь и петь
Тот, кто ослеп. Хрипотца с непривычки.
Тоскует сердце, не могу терпеть,
Когда заслышу голос в электричке!

Гомер, вслед за тобой те, что слепы,
Бредут, как бы без лампы по забою.
...И бандурист поет среди толпы
В слезах, наедине с самим собою.

Всё шарят палкой — только б не упасть.
Поют, поют, поют. Закрыты веки.
Как видно, к песне беспредельна страсть
У тех, кто солнце потерял навеки.

1961

НЕХИТРЫЙ РАЙ

Нехитрый рай несложно сколотить.
Отгородить фанеркой небольшою.
Подкрасить, подсинить, подзолотить —
До самой смерти отдыхай душою!

...Мил, словно дом. Надежен, словно дот!
Глух, как подвал. Живи, забот не зная.
Но дунет ветер — крыша упадет,
И снова сверху темнота ночная...

1961

ЖИЛЕЦ НАПРОТИВ

Есть такие люди, чьи глаза
Притаились далеко-далеко за линзами очков.
Они исповедуют таблицу умножения!
Они вычерчивают кривую голоса
Поющей птицы.
Они длину окружности пытаются измерить
Линейкой.
Дай им волю, они бы время
Приколотили к пространству.

Человек живет в квартире
Напротив меня.
По утрам я вижу в окно,
Как он выходит из подъезда.
Его шляпа своими полями
Образует перпендикуляр
К прямой его фигуры.
Отутюженные складки брюк,
Продолженные в бесконечность,
Не пересекутся.
Одна его рука, свободная от портфеля,
Ходит взад-вперед, как маятник тех часов,
Что ждут его дома над комодом.

Однажды он остановил меня:
Я оплошно попал в объектив его зренья.
Он взял меня за единственную пуговицу
На пиджаке,
Готовую вот-вот оторваться.

Он бубнил.
Я переминался с ноги на ногу,
Держа за спиной авоську с бутылками пива,
Которыми я собирался угостить
Заглянувшего ко мне приятеля.
Сосед бубнил. Он был недоволен.
Где-то! Что-то!
Безобразия!
Так не говорят! Это новое!
Он будет жаловаться! Он напишет!

Я смотрел в его глаза.
Они были далеко-далеко,
За тысячи километров.

Ночью мне приснился кошмарный сон:
Я видел своего соседа
В подтяжках и шлепанцах.
Вот он карабкается на стул.
Он багров от натуги.
Из рта его торчат,
Поблескивая шляпками, гвозди.
В руке его молоток.
Жена, одной рукой запахивая халат,
Другой рукой придерживает стул за ножку.
Вот сосед размахивается.
Я слышу стук.
Каждый удар отдается мне в голову —
Сосед приколачивает
Время к пространству!

ПЬЮТ ПИВО

Пьют пиво так, как его должно пить.
Взглянув на свет, сдувают пену с кружки.
Но надо предварительно купить
В другом ларьке
 в крупицах соли сушки.

Пьют пиво, к стенке привалясь спиной—
Расстегнут ворот, сдвинута фуражка,—
И вытирая тыльной стороной
Ладони рот,
 и отдуваясь тяжко.

Пить пиво — то особый ритуал!
Все найдено — от позы и до жеста.
Напружив щеки, дунь:
 на тротуар
Стекает пена пышная, как тесто.

Отставив ногу, локоть отведи,
Тяни же губы, чтоб смачнее чмокать,
Среди таких, точь-в-точь как ты,
 среди
Фуражку сбивших и отведших локоть.

1961

Я ПОСЕТИЛ ТОТ ГОРОД

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.
Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.

Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.

...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне?
Просто плачу я.

1961

ОТРОЧЕСТВО

Отрочество — это предисловие к жизни...

Отрочество — это тот возраст,
Когда тебе кажется,
Что мир тебе
Только кажется.
Когда действительность похожа
На дрожащий пейзажик,
Отраженный в подмосковном пруду.
Она как будто составлена из спичек:
Дунь — рассыплется.

Отрочество — это миг,
Когда короче всего расстояние
От сердца до человечества.
Это глаза,
Поднятые к звездам, —
Взлет в область бескорыстия,
После которого до старости остается в груди
Холодок от глотка разреженного воздуха.

Отрочество — это удивленье.
Удивляешься миру всем своим существом,
Свободно, глубоко, полно.
Удивляешься так многообразно,
Что ни одно удивленье
Не повторяет другое.

Отрочество — это возраст,
Когда еще ничто не установилось,

Когда еще нет привычек,
Когда на вопрос парикмахера:
«Как вас постричь?» —
Что-то бормочешь
И вертишь неопределенно рукой
Вокруг головы.

Отрочество — это беспокойство:
«Вдруг я не такой, как все?» —
И ужас: «Вдруг я такой, как все?»

Отрочество — это тот возраст,
Когда ходишь, как только что
Вылупившийся птенец,
Не стряхнув с себя
Скорлупы детства.

Отрочество похоже на тот
Неопределенный, переходный час,
Когда синие сумерки
Словно вода стоят
В арбатских переулках...

Я люблю отрочество.
У меня не было юности,
Но отрочество у меня было.

1961

Полы трет полотер.
Как будто на пари,
Напористый мотор
Работает внутри.

Струится пот со щек,
А пляска все лютей.
Он маятник. Волчок.
Сплошной костер страстей.

Полы трет полотер.
Паркет да будет чист!
Он мчит —
 пустынен взор! —
Как на раденье хлыст.

Ему не до красот.
Он поглощен трудом.
Ой-ёй, он разнесет,
Того гляди, весь дом!

Полы трет полотер,
Его летит рука.
Он как тореадор,
Пронзающий быка!

Он мчит. Он там. Он тут.
Устал. Как поднял воз!
Он начертал эту д
Из жестов и из поз.

Полы трет полотер.
В нем порох. В нем запад.
Вот он нашел упор.
От плоти валит пар.

Расплавил пыл его.
А ритм его слепил.
Ухваток торжество.
Телодвиженья пир.

Полы трет полотер.
А позы, как хорал!

Мимический актер
Трагедию сыграл.

Он мчит, неумолим,
От окон до дверей.

Движенье правит им.
Оно его мудрей.

1961

МЕСТЬ

Над юностью моей стояло слово «мщенье»...
В военкомате и фойе кино,
В сберкассе и в любом учрежденье —
Везде пылало со стены оно.
...Перловку поедая с аппетитом

Из котелка,
я взор бросал косою
В листок, где, словно муравей, петитом
Оно брело — то слово — полосой.

Я на перроне спал под этим словом...
Я мчался по шоссе:

во весь размах
От сердца намалеваны багровым,
Кричали в сажень буквы на домах.

...В дни юности всегда страшатся злого.
У молодости много слов! Не счастье!
Но помню я одно прямое слово,
И это слово кратко было — «мечь».

1961

УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ

Я возвращался в день осенний
Почти что мальчиком с войны.
Пожаром страшных потрясений
Были глаза мои полны.
Состав стучал по Подмосковию.
К стеклу приклеился листок...
Я, отвернувшись, харкал кровью
В противно слипшийся платок.

...История! Ты над пучиной,
То вознося, то вбок креня,
Как бот,

три года с половиной
Мотала на волнах меня.
Мне сложности твои знакомы —
Я понял все наверняка.
Я изучил твои законы:
Еще болят мои бока!
Полз под дождем, стерню сминая.
Зубов мучителей оскал...
Мир крив. А логика прямая.
Я логику в тебе искал.

Но, истинный имея метод,
Нетрудно тайну отгадать,
Откуда появился этот,
Чей левый глаз закрыла прядь!
О Кант! В каком мы веке? Где мы?
Мыслители, замкнулся круг.

И философская система
Военной делается вдруг.
Глубокомысленных вопросов
Туман тяжелый. Вонь чернил.
И свой ночной колпак философ
Железной каской заменил.

Я кровью харкаю: Мокрота
И волокниста и черна...
Под Гинденбургом пала рота.
И в мае кончилась война.
В окошке дачные пейзажи:
Пестры дома, как теремки.
Гамак качается. На пляже
Мальчонка с книгой...

У реки

Я здесь историю когда-то
Зубрил. В киоске брал драже...
Год сорок первый... Тоже дата!
И тож история уже.

Забвение. Все в этой бездне
Потонет. Перейди же грань
И стань историей! Исчезни.
Сотри себя. Риски. И стань!
Явись. И ты узнаешь цену
Минутам. Как мелки они!
На ослепительную сцену
Взойди и тогу запахни.
Поверь в историю! Иначе
Все несерьезно: как во сне.
Я мальчик был. Я жил на даче.
И так вещал учебник мне...

Жара. Как странно неуклюжи
Бывают сапоги! Привал.
Я дрянь болотную из лужи,
Припав губами, смаковал,
Цедил...

С поры той дальней, с лета,
На глине, что желтка желтей,
Остались ли четыре следа
От двух колен и двух локтей?

Иль не остались?

Мне дороже
Они сейчас других примет!..
А может, это вправду тоже
История?

Иль это нет?

Вокзал. Я вышел. Деловито
Мешок поправил за спиной.
Три в бескозырках инвалида
Тягуче пели у пивной.
На мне висит линялый китель.
Следы темнеют от погон.
И вдруг я вижу: мой учитель!
Не может быть! Неужто он?
Лоб то ль сатира, то ль Сократа.
— Узнал Семена Кузьмича? —
...По пояс был ему когда-то,
Он стал мне нынче до плеча.

Он нам повествовал, бывало,
Смотря из-под тяжелых век,
Как в страшных войнах пребывала
История из века в век.
Подчас и горячился даже,
И нас волнением заражал,
Когда он в стариковском раже
Нам воинов изображал.

Он говорит... А я, не скрою,
Смотрю и вижу: где-то там
Берут ахейцы штурмом Трою.
Мечи гуляют по щитам,
Вон скачут гунны. Жгут обитель.
Монахи прячутся внутри...

Я кашлянул: — Вот кровь учитель!
То настоящая. Смотри!

История, вот я — песчинка! —
Тебе я предъявляю иск.
Я грозен. Встал для поединка.
То я кричу — ты слышишь писк?

Кто ты? Одно сплошное чудо?
И каждый шаг твой мудр и свят?
Иль ты бессмысленная груда
Идей, событий, лиц и дат?
Я твой исток не различаю,
Поток текущий испокон.
Но верю, знаю, ощущаю:
Там в глубине твоей закон.

1961

Ч А С

С утра до ночи день распределен.
Работаем, мотаемся, читаем..
Но час один я выделяю.

Он

Особо меж другими почитаем.
Час размышления!

Священный час!

Над переносьем сходятся морщины.
И у других я замечал не раз
Задумчивость без видимой причины.
Трудись, мой ум.

Трудись, пока я жив!

И счастья мне не надобно иного.
Брожу, в карманы руки заложив,
Наморщив лоб,
нахохлившись сурово...

1961

ЕДИНИЧНОСТЬ

Имел он страсть чрезмерно обобщать,
И в этом доходил он до предела.
Я не хотел вниманья обращать:
— Ну да! Ну слабость! Ну какое дело! —
Напыщенно сказал он как-то раз,
Смотря, как ел я в парке бутерброды:
— У всех, у Винокуровых, у вас
В наличье алчность к пище от природы,—
А раз изрек — и этим не шутя
Меня он незаслуженно обидел:
— Лентяи все друзья твои,—

хотя

Он только одного всего и видел.
Мне стал постыл его пустынный взор
И схемы, что не требуют поправки.
Я единичность полюбил с тех пор:
Вот дом. Вот сад. Вот человек на лавке.

1961

* * *

Мне плохо: я ни разу не страдал,
К страданью я привычки не имею.
Не плакал. Не кричал. И не рыдал.
А вдруг беда?

Ну как я встречу с нею?
Как выдержу ее? Как справлюсь с ней?
Спокойно все пока. Пока все мило.
Но сердце ощущает все сильней
Трагическую подоснову мира.
И я чего-то напряженно жду.
Задумываюсь. Голову склоняю.
Во мне смятение: как встречу я беду?

Беду

как встречу я?

Не знаю.

1961

* * *

Мои друзья — загадка для меня:
Супруга. Положение. Машина.
Высокомерней вид день ото дня.
Грозней очки. Безбрежнее плешина.
Тот «пульке» предав, этот — гаражу,
Тот с псом гуляет. Горькая пропажа!
На друга озадаченно гляжу:
Ровестник! А как будто бы папаша!
Ползет солидно, не бежит бегом.
Портфель. К губе прилипла сигарета.

Не с вами я. Я в возрасте другом!
Я где-то там. Я задержался где-то!

1961

* * *

Я жил минутой.

В темноте военной
Глядел в огонь, не расцепляя рук.
И был моею маленькой вселенной
От тихого костра неяркий круг.
Я жил минутой.

Плохо жить минутой!
За медный грош приобретенный рай!..
Нельзя назад. Броди, скитайся, путай,
К бескрайней дали руки простирай!
Я жил минутой.

Так когда-то было!
Я счастлив был: табак, сухарь, тепло..
Назад нельзя. От берега отбило
Уже меня

и в море унесло...

1961

ГЛУБИНА

Я очень поздно понял глубину.
Я на нее набрел совсем случайно.
Я думал: на секунду загляну
И отшатнусь. И сохранится тайна.
Но глубина уже вошла в меня
И мною уже сделалась отчасти.
И я живу, в себе ее храня
На самом дне.

На горе или на счастье.

Ее, и ненавижда и любя,
Я сохраняю.

Не легко мне часто.

Но без нее я б чувствовал себя,
Как шхуна в шторм, что вышла без балласта.

1961

КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина, скажи:
«Не уходи!» — и задержать попробуй.
На плечи смело руки положи.
Она их сбросит тотчас же со злобой.
Когда уходит женщина: «Молю!
Куда? — скажи. — Куда ты?» Без ответа
Посмотрит лишь. Сквозь зубы: «Не люблю!» —
Произнесет. Что возразишь на это?
Когда уходит женщина, вперед
Зайди! Она и не поднимет взгляда!
...Когда ж уйдет, то, свесившись в пролет,
Кричать: «Прошу вернись!» — уже не надо...

1961

ОСЕНЬ

У осени надежная основа.
Мне не сдержать круженья головы
От духа кисловатого, квасного,
Идущего от вянущей листвы.
Нет осени задумчивей и строже!
Она умна, печальна и проста,
Хотя ее безумные одежи
Нелепы и пестры, как у шута.
Я, горожанин,

осени не вижу:

Все суетишься, — все дела, дела!
Стук кровельщика, что латает крышу,
Вдруг возвестит — она уже пришла!
Но где ж она?

Вокруг толшатся зданья.

И как-то раз в потемках поутру
Ударит дождь, по стеклам барабана,
Как сотни барабанов на смотрю.
И ветер, как горнист, напев затянет.
Проснувшись, долго смотришь в темноту.
Соседка в кухне за стеною станет,
Ломая спички, разжигать плиту.
Она гремит кастрюлями, зевая.
Соль ищет, чертыхаясь с полчаса...
А на подножке дальнего трамвая
Уж я въезжаю в ближние леса.
Они стоят.

Невидимые крепи

Сдержали их за городской чертой.

В узорном византийском благолепье,
Как терем, поражая пестротой.
Передо мной лимонный, и медовый,
И клюквенный пожар. Как будто сон.
Сторожка. Пень.

Калиткою садовой
Огромный ворох листьев отгребен.
Во вретнице смиренная осинка
Трепещет одиноко в стороне...
И охра листьев, и просветов синька,
И тишина приятны были мне.
Стою перед чащобой, как у входа:
— Послушаем, что говорит природа?

1961

* * *

— Золотой характер,— говорили
Про меня.

С угрюмой прямою
Сплевывали и опять курили,
Говоря:

— Характер золотой...

Жил я, ничего не понимая,
От тоски и счастья, как в бреду,
Тонкую березку обнимая,
Поджидая раннюю звезду.

Юный, я задумывался

или

Ждал, что там, за дальнею чертой!..

На скамье курили и твердили
Обо мне:

— Характер золотой!..

1961

* * *

Обложка иностранного журнала:
Вот женщина.

Она обнажена.

Она победно лавры пожинала
За красоту.

Мир потрясла она!

Она в чулках. А вот она на пляже.

У телефона. Как хохочет рот!

А это кто под душем?

О, она же!

Она в трико и в полуоборот.

Она в отеле. Вот она в постели.

Она пьет с другом...

Мир у женских ног.

Крадется в сердце ужас:

неужели

Все это цель, конец, венец, итог?

1961

**МИР РАЗЛОЖИЛ НА ЧАСТИ
ПИКАССО**

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей.

Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел гулять на полчаса.
— Эх, что б еще! — Веселой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел. Глядит: слеза,
Слеза стекает...

Разложи! Попробуй!

1961

ЖЕНЩИНА СМЕЯЛАСЬ

Смеялась женщина... И смех ее звучал
В каморке, в блиндаже, в купе вагона.
Его сквозь сон я смутно различал
За стенкою средь гомона и звона.
О золото! Его мне мир дарил
В теплушке. На поляне. На пароме.
Смотри: на стадионе у перил
Вот женщина хохочет и в истоме
Уж падает почти! Хохочет! Силы нет!
До слез, в изнеможенье, на пределе.
Рукою только машет. И в ответ
Нельзя не улыбнуться в самом деле.
В метро. На танцах. На плотях. В кино.
Мелькали страны, лица. Все смеялось...
А я хотел бы только лишь одно —
Чтоб шли года,
 чтоб женщина смеялась!

1961

СОЛОВЕЙ

Среди листвы работал соловей...
Бей в наковальню! Глыбами ворочай!
Пуды под звезды подымай! Живей!
Как потный грузчик и чернорабочий.

Бей в наковальню! Бей! Гранит дробь!
Ночной певец, не знающий износа.
Пой в темноте! Свой страшный труд люби
Молотобойца и каменотеса.

Ломай дубы! Вей кольца из ветвей!
Копай суглинок, за плечо кидая!
...Среди листвы работал соловей.
Всю ночь работал рук не покладая.

1961

АДАМ

Ленивым взглядом обозрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лег в тени смоковницы
и, руку
Заведши за голову,
задремал.

Он сладко спал. Он спал невозмутимо
Под тишиной эдемской синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы.

Своих детей он видел!..
В неге рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий еще добра и зла.

1961

Для изречений, для заметок
Они, видать, припасены!

А рядом общие тетради.
Они стоят обрез в обрез.
О многотысячные рати
И с переплетами и без!

...Стою, задумчиво листая:
Для туши. Для карандаша.
А вот,— я щупаю,— простая,
Для исповеди хороша...

1961

* * *

Поэт бывал и нищим и царем.
Морским бродягой погибал на море.
Ушастым клерком он скрипел пером,
Уныло горбясь за полночь в конторе.

Повешен был за кражу, как Вийон.
Придворный, в треуголке, при параде,
Он фрейлин в ручку чмокал, умилен.
И с песней умирал на баррикаде.

Слепец, брел рынком. Гусли. Борода.
По звонким тропам мчался по Кавказу.
Но кем бы ни бывал он, никогда
Ни в чем не изменил себе ни разу.

1961

НЕБО

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.

Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты,
И шапки падали с голов.

Мучительны его загадки,—
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно —

То самое, что нет бездонней,
Что изучаемо людьми.
А ну-ка ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!

Потеря неба! В самом деле,
Она страшней других утрат.
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат!

Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет, и вот
Полоска узкая лазури
Как будто бритва полоснет.

Я знаю: нет дороже вещи,
Чем небо! Синь его кротка,
Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.

И кажется, что скоро, скоро
Оно вдруг рухнет,
но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.

Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.

...В отличие от всего на свете,
Ему конца и вправду нет.

1961

* * *

Крестились готы.

В водоем до плеч
Они входили с видом обреченным.
Но над собой они держали меч,
Чтобы кулак остался некрещеным.

Быть должен и у кротости предел,
Что б заповедь смиренья ни гласила...
И я кулак бы сохранить хотел.
Я буду добр. Но в нем пусть будет сила.

1961

* * *

Я ловил ощущение...
Я ловил его, чтобы поймать
И запрятать в клетку стихотворенья.

Я ловил его.
Я подкарауливал его,
Выслеживал,
Ладонью зажав рот,
Затаив дыханье,
Подкрадывался на цыпочках,
Пытаясь накрыть его рукою...

Но оно улетало.

Только несколько раз
В моих пальцах оставалось яркое перо
Как свидетельство того,
Что оно было на самом деле,
А не приснилось.

1961

* * *

Широко глаза расставлены
И хитрят, хитрят слегка,
Эти синие хрусталины
Из-под низкого платка..

Молодые и безгрешные
Очи ясности полны,
Мою душу отогревшие
Посреди большой войны.

В избах около Мукачева —
Издавна заведено —
Девки песни пели вкрадчиво,
И вилось веретено.

Песни были все неясные,
Непонятные для нас.

Розы белые и красные
Повторялись много раз...

1961

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Тому вовек рассудком не понять
Страну мою,
 как строилась, страдала,
Кого ни разу не смогли пронять
До слез
 слова «Интернационала».

Практичен Запад и нетороплив,
Параграф чтущий, делающий дело...
Страна моя,
 прекрасен твой порыв
Во всем достичь последнего предела!

...Я верю: будет —
 пусть идут года! —
Мир и довольство...
 Но еще не знала
Вселенная от века никогда
Такой великой жажды идеала...

1961

ДЕРЕВО

Поклоненье деревьям — старинный обряд.
Вот они поднялись. Сколько мощи и лени
В их простертых ветвях... Я сейчас был бы рад
Перед ними, победными, встать на колени.

Кереметь — бог мордвы! Разделяю вполне
Трепет древних. Мне дерево символом стало!
Я хотел бы, чтоб всё и вокруг и во мне
Постепенно, как дерево, вырастало.

Поражает и ныне закон естества,
Что таится и в дубе, и в грабе, и в вязе:
От корней навсегда удалилась листва,
Но ничуть не слабее их скрытые связи.

1961

* * *

Адам, я не подозревал
Всю тяжесть наказания,
Когда я с дерева срывал
Запретный плод познания.

Наказан я, что за черту
Переступил в гордыне...

Все бы пустяк, да вот во рту
Вкус яблока доныне.

1961

* * *

Цирк не люблю:

 вон те жуют, а те
Сидят в пальто,
 покуда, напрягая
Все силы, крутит сальто в высоте
Девчонка, среди ламп, полунагая.

Мне пляж постыл:

 вон тот острит, а тот,
Под тентом развалясь, глядит с зевотой,
Как к морю зябко женщина идет,
По синеве блистая позолотой.

Я злюсь в кино:

 тот спит, а этот пьян.
Болтают. Иль хихикают несмело.
А женщина стоит во весь экран,—
Обнажено ее святое тело.

1961

МОДА

Законы моды прихотливы,
Она скисает, словно крем,—
Ее приливы и отливы
Не управляемы никем.

Мы все немного служим моде.
Мы ищем броские носки.
Ботинки, вы, конечно, жмете,
Но вы пленительно узки!

Костюм надел. Ура! Обнова.
Пиджак по моде. Но прошла
Пора. Полгода. Глядь, и снова
Уже короткая пола.

Девчонка лаком ногти мажет,
Спешит в кино. И у дверей
Еще руками долго машет,
Чтоб модный лак застыл скорей.

...Успеть бы! Боже, пропустили!
Как будто заняты игрой,
Спешат сменить прически, стили,
Манеры, навыки, покррой.

А есть и так: сидит на старом.
Кремень. Не сдастся: не из тех!
И тридцать лет фиксауаром
Усы закручивает вверх.

Я помню день. В костях ломота,
Сажу под снегом. Онемел.
Была тогда на ватник мода.
Но ватника я не имел.

Текло из глаз. В бреду дремотном
Решил: согреюсь — и утру.
Пустым мешком, совсем не модным,
Я обмотался на ветру.

...Серьезен я! Проходят годы.
Я трудно щурюсь: надо мне
Под этой мелкой рябью моды
Увидеть нечто в глубине.

1961

* * *

Когда раздроблена нога,
То, локти ободрав, из бою
Он уползает от врага,
Влача сбрубок за собою.

...Боль всюду и всегда с людьми.
Но все же ты иди по свету,
Лишь зубы поплотней сожми,
Когда уже терпенья нету!

Пред жизнью только трус дрожит —
Не надобно бояться боли.
Трагическая тень лежит
Под каждую травинкой в поле.

1961

* * *

Поэт и женщина — два разных существа.
Их смертный поединок вечен, право!
Он вдохновенен, а она мертва;
Он простодушен, а она лукава.
Он мечет гром и молнии!

Она

Над ним хохочет...

Но нельзя водою

Разлить или разъять, как два звена,
Их, связанных навек судьбой одною...

1961

* * *

Женщина протяжно застонала
Где-то там, за тонкою стеной..
Что бы это вправду означало?
Может, сон приснился ей дурной?

Или, может, в ней играет сила,
И, в изнеможенье и в борьбе,
В кровь губу от счастья закусил,
Притянув любимого к себе?

Иль сейчас она лежит больная,
И, моля в отчаянье судьбу,
Он не спит, прическу наклоняя,
Держит руку на горячем лбу?..

1961

ФЛЕЙТИСТ

Под дождем проливным за намокшим гробом
Так трудно, так трудно плестись, плестись...
Он в огромной шинели смешон и робок,
Из полкового оркестра маленький флейтист.

Похоронный марш и дождевую воду
Трубы льют и льют... Путь далек, далек...
Его ждет в казарме оставленный по расходу
С перловой кашей исцарапанный котелок.

А есть так охота! Ну и погодка!
В казарме ребята поднимут на смех...
Что такое? Развязалась обмотка.
Э-эх!

1961

* * *

Боюсь гостиниц. Ужасом объят
При мысли, что когда-нибудь мне снова
Втянуть в себя придется тонкий яд
Ковров линялых номера пустого.

Боюсь гостиниц. Это неспроста.
Здесь холодом от окон веет люто.
Здесь лампа. Здесь гардины. Здесь тахта.
Иллюзия семейного уюта.

Боюсь гостиниц. Может, потому,
Что чувствую, что в номере когда-то
Остаться мне случится одному.
Навеки. В самом деле. Без возврата.

1961

* * *

Когда бы вдруг ученые смогли
Понять расщепить, как ныне атом,
Тогда мы не узнали бы земли,—
Земля тогда бы тотчас стала адом!

Что жизнь? Что смерть? Что холод? Что тепло?
Как зыбко все. Ни доброго, ни злого!
Все рухнуло тогда бы...

Погребло

Мир под собой
взорвавшееся слово!

1961

Музыка

1964

МУЗЫКА

Стихия музыки — могучая стихия.
Она чем непонятней, тем сильнее.
Глаза мои, бездонные, сухие,
Слезами наполняются при ней.

Она и не видна и невесома,
И мы ее в крови своей несем.
Мелодии всемирная истома,
Как соль в воде, растворена во всем.

Покинув помещенья нежилые,
Вселившись в дом высокий, как вокзал,
Все духи музыки — и добрые и злые —
Безумствуют, переполняя зал.

Сурова нитка музыкальной пьесы —
Верблюд, идущий сквозь ушко иглы!
Все бесы музыки, все игровые бесы,
Играючи, хотят моей игры.

Есть в музыке бездумное начало,
Призыв к свободе от земных оков.
Она не зря лукаво обольщала
Людей на протяжении веков.

Вакханки в испуге зверели,
В поля бежали, руки заломив,
Лишь только на отверстия свирели
Орфей клал пальцы, заводя мотив.

Но и сейчас, когда оркестр играет
Свою невероятную игру,
Как нож с березы, он с людей сдирает
Рассудочности твердую кору.

1962

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОЧЕВИДНОСТЕЙ

Меня со всех сторон окружили очевидности.

— Это же очевидно! — я слышу, как восклицают
То тут, то там...

Я не верю в очевидности:

Я не верю, что земля стоит на месте, а солнце всходит,
Хотя я убеждаюсь в этом всякий раз —

Стоит лишь мне выглянуть в окно.

Я охотник за очевидностями.

Надев акваланг и ласты, я спускаюсь с духовым
ружьем под воду.

Я выслеживаю очевидность, крадучись и петляя.

Прицеливаюсь и, когда она разлетается, как тарелка,
на тысячи осколков,

Я издаю крик радости: — Одной меньше! —

И делаю зарубку на ложе приклада.

Но когда я поднимаю глаза,

Вижу, что осколки

Опять слетелись, — тарелка невредима.

И опять слышу вокруг себя, как восклицают

То тут, то там:

— Это же очевидно!

1962

* * *

Мне грозный ангел лиры не вручал,
Рукоположен не был я в пророки,
Я робок был, и из других начал
Моей подспудной музыки истоки.

Больной лежал я в поле на войне
Под тяжестью сугробного покрова.
Рыдание, пришедшее ко мне,—
Вот первый повод к появлению слова.

И не внимал я голосу творца,
Но чувствую, что оставляет сила,—
Кровь отошла неожиданно от лица
И к сердцу на мгновенье подступила.

И жалобы моей полночный крик
Средь тишины, наполнившей траншею,
Был беззащитен, но и был велик
Одною лишь истощенностью своею.

И был тогда, признаюсь, ни при чем,
Когда, больной, дышал я еле-еле,
Тот страшный ангел с огненным мечом,
Десницей указующий на цели.

1962

ЛИЦО

Потягиваю нехотя винцо,
От всякой снеди тесный стол трещит.
Но вот вперед я выношу лицо
Свое —
 оно как будто бы мой щит!

И тем, что откровенней, чем я сам,
Я закрываю главное во мне.
А ветер пролетел по волосам,
Но ничего не стронул в глубине.

Я выгибаю бровь свою с трудом,
Я трудной песней раздираю рот.
Но суть моя не ведает о том.
Она молчит глубоко. Не поет.

И я смолкаю. Экая ленца!
Утер слезу. На лоб упала прядь...
А все-таки, что б ни было, лица
И с кровью от меня не отодрать.

1962

**КОГДА НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ
ПАРАШЮТ**

Коль дергаешь ты за кольцо запасное
И не раскрывается парашют,
А там, под тобою, безбрежье лесное —
И ясно уже, что тебя не спасут,

И не за что больше уже зацепиться,
И нечего встретить уже по пути —
Раскинь свои руки покойно, как птица,
И, обхвативши просторы, лети.

И некуда пятиться, некогда спятить,
И выход один только, самый простой:
Стать в жизни впервые спокойным и падать
В обнимку с всемирною пустотой.

1962

УДИВЛЕНИЕ

Как благодатно удивление! Как оно безумно!
Как оно благотворно! Как прекрасен
Удивляющийся человек, хотя несколько и нелеп.
Удивление патетично. Это большое и сложное искусство.
Не каждому оно дано.

Способность удивляться — это дар.
Не каждый достоин его. Оно — героично.
Что может быть на свете лучше, чем быть удивленным?
Сколько пользы можно добыть из ее великой
бесцельности!

Оно в то же время и могуче:
Оно потрясает, как электрический разряд.
Оно обильно, как тропический ливень.
Прихотливо, как ручей.
Сколько нужно наивности для того,
Чтоб извлечь из удивления всю его бесконечную
мудрость?

Оно в каком-то смысле и трагично, — оно беззащитно.
Есть недруги удивления.
У них в глазах мертвая роговица.
Они подстерегают удивление,
Чтобы настичнуть и тут же на месте убить его.
Бойтесь их!..

Есть иерархия удивлений!
Кто знает, может, мы живем для некоего Великого
Удивления?

Я удивляюсь — значит, я жив.
Слава богу, нет, слава богу, я еще способен удивляться!
Я не раз удивлялся в жизни. Как я удивлялся!
Я помню каждое свое удивление.

Ни одно из них не похоже на другое.
О, мои удивления! Вы бескорыстны!
Я копил вас, как скряга.
Я собирал вас, я дрожал над вами.
Я ведь чувствовал, что когда-нибудь,
Раздавлив ваши тяжелые и обильные грозди,
Я добуду из них немного поэзии.

1962

* * *

Так начинай же правду говорить!
Что, непривычно? Тяжело и ново?
Как это мало — просто рот открыть
И выдавить незначашее слово!

Дай правду подноготную. Добудь
Ее из недр. Одной лишь правды мало!
Все позабудь! Дай соль! Дай смысл! Дай суть!
Дай сущность нам! Сойди во глубь подвала

С висячей лампой. Там, где много лет
Ты не бывал, а ну согнись в поклоне,
Шарь, распрямись и вынеси на свет
Дрожащую крупицу на ладони.

1962

* * *

Я был упрям, а все ж учился плохо,—
Не мог поладить с трудностью наук...
И бабушка не сдерживала вдоха
При грустной мысли, что бездарен внук.

Я ж как рыбак, что в море кинул невод,
Ждал дневника. Когда же отдадут?
И плакал я, коль попадался «неуд»,
И радовался тихо, если «уд»...

А бабка говорила словно с другом
Во тьме ночей — и голосок дрожал —
С Христом самим, с оплотом нищих духом,
К которому я тогда принадлежал.

1962

ЛЕГКОЕ ВИНО

Добрался полк до винных погребов.
Конца нет закарпатским погребам!
Из касок пьют,
 во глубь уйдя до лбов,
И лишь вино стекает по губам.

В железной каске забродивший сок!
Имевший прежде дело с первачом,
Кричит солдат:
 — Попробуй! Как квасок!
Да нам оно, ей-богу, нипочем!..

И вдруг гармонь! Нажали на баса.
А в подземелии почти темно!..

Но смотрят в амбразуру небеса,
Чья синь легка, как легкое вино.

1962

КРУГ

Округлы облака и женщины. Кругла
Планета наша. Яблоко округло.
И сердце кругло. Круглота не зла.
Округлыми глазами смотрит кукла.

Я круг люблю. Он выдуман хитро.
В нем нет конца. Сыщи-ка в нем орехи!
Кольцо и солнце, жернов и ядро.
Недаром кругу поклонялись греки.

1962

* * *

Прошла война. Рассказы инвалидов
Еще полны войны, войны, войны...
Казалось мне тогда: в мир не Евклидов —
В мир странный были мы занесены.
Я думал, жизнь проста и слишком долга
Мой век. А жизнь — кратка и не проста.
И я пошел в себя. Как археолог,
Я докопался до того пласта...
Я был набит по горло пережитым.
Страдания, сводившие с ума,
Меня расперли, так ломает житом
В год страшных урожаев закрома.
И шли слова. Вот так при лесосплаве
Мчат бревна...
Люди, больше я и дня
Молчать не в силах, я молю о праве
Мне — рассказать,
Вам — выслушать меня.
Я требую. О будьте так любезны!
Перед толпою иль наедине.
Я изнемог. Я вам открою бездны,
В семнадцать лет открывшиеся мне.
Я не желаю ничего иного.
Сам заплачú. Награды большей нет!..
Внутри меня вдруг появилось слово
И требует рождения на свет.

1962

* * *

И в мире, где все граница,
Все только предел и преграда,
Бездонная бесконечность,—
Ты мне лишь одна отрада!

...Какая-то в щели сарая
Синеющая полоска —
И вот уж свидетельство: в мире
Не все уж так просто и плоско!

1962

* * *

Я не помню его.
Я не видел его
В московской квартире,
Как он пытался поймать подтяжку
На спине, чтобы прикрепить ее
Сзади на брюках.
Я не помню его и в карантине,
Как стоял он голым в очереди
За горстью жидкого дегтярного мыла.
Я не помню его даже
В момент позора,
Когда он забыл слово «антабка»
И молчал, потупясь,
Под морозным взглядом старшины.
Я даже не помню,
Как страшно он закричал.
Я только помню два его глаза,
Смотрящих из полуопущенных век,
Когда я держал в руках
Культи его ног,
Чтобы они не бились о доски
В тряском кузове полуторатонки.

1962

* * *

Людские заблуждения. Полна
История гигантских лжеоткрытий.
Какая паутина соткана
Из представлений, этих тонких нитей!
О, сколько тут прогнозов и афер!
О, сколько тут напущено тумана!
Тут Саваоф, и страшный Люцифер,
Златой Ваал, и злой чурбак шамана.
...Кряхтят жрецы, стирая пот с чела,
Творя химеры, что мудры, но зыбки..

А вот инстинкту верная пчела
Летит на цель впрямую, без ошибки.

1962

* * *

Я ощущаю нёбом кислый вкус
Молдавского вина. Воспринимаю
Покальванья. Тонкие оттенки
Смакую тщательно.
Я туго прижимаю
Язык к зубам, отдергиваю быстро,
Чтоб тут же быстро
Прикоснуться вновь.
Мои глаза вверх закатились,
Словно
В молебствии, в одну уставясь точку.
Губы
Как будто шепчут что-то...
«Нет! Довольно
Пить литры, залпом,
По-солдатски, кружкой,
Небрежно подбородок утирая
Ладони тыльной стороной!
Настала
Пора спокойствия, размеренности, нормы.
Мир хаоса приобретает стройность.
Я стал архитектонику деревьев
Угадывать! Конструкция природы
Вдруг стала проступать в предметах.
Тайна
Механики,— все эти шестеренки,
Колесики, маховички вселенной
Предстали перед взором...»
Рассуждая
Вот так, стоял я с начатым стаканом

Вина...
А по осеннему бульвару,
Не видя ни меня
И ни кюска «Молдаввино»,
Шел юноша. Как он махал руками!
Патетичен
Был чуб его взлохмаченный,
И брови
Взлетали патетично, и казалось —
Коль издали смотреть,
Не ветер — пафос
То раздувает полы пиджака!
И мне вдруг стало стыдно,
Словно предал я этого парнишку,
Словно в чем-то я ниже стал его,
Что бесконечно он превзошел меня
И так высоко
В неведенье поднялся надо мною,
Что уж не дотянуться до него.

1962

ПРОСТОДУШИЕ

Я верю в простодушие. Оно
Орудие особенного рода.
Оно как здоровенное бревно,
Которым вышибаются ворота.
Уклончив тот, тот в сложности залез,
А тот в обход пошел:
Впрямую — струсил!
Но простодушие как Геркулес,
Оно кряхтя идет, ломая лес...
И гордиев перерубает узел!
Оно как пастушок, что гонит вброд
Коров и свищет в дудочку пастушью.
Оно — король, что претя на народ:
«Эй, расступись!
Дорогу простодушью!»

1962

* * *

Порой в гостях за чашкой чая,
Вращая ложечкой лимон,
Я вздрогну,
 втайне ощущая
Мир вечности, полет времен.

И чую, где-то по орбитам
Мы в беспредельности летим.
О, если б воспарить над бытом,
Подняться бы,
 восстать над ним!

И выйти на вселенский стрежень,
И в беспредельности кружить,
Где в воздухе, что так разрежен,
Нельзя дышать,
 но можно жить.

1962

ПАМЯТЬ

Мнемозина — по-древнегречески память.

Ее когда-то звали — Мнемозина
И поклонялись ей. На мой же взгляд,
Она ведь просто вроде магазина
Универсального

или, вернее, склад,
Где весело навалены на полки
События за многие года.
И кажется, того гляди, подпорки
Не выдержат и рухнут — и тогда
Как я в поднявшейся неразберихе,
В том хаосе ночном, как в том аду
Облупленный твой домик на Плющихе,
В нем комнату, а в ней тебя найду?
Тьма беспросветна вечности. Найду ли,
Хлебнув забвенья из ночной реки:
Испуг во сне, и лифчик твой на стуле,
И две

ко мне протянутых
руки?

1962

* * *

Итак, все кончено. Я выжил.
Обмотки. В недрах вещмешка
Буханка. В тряпке соль. Я вышел,
Держась за притолжку слегка.

Я приобрел за две недели
Те утонченные черты,
Что, может быть, и в самом деле
Уже сильнее красоты.

Страданье, что огромным было,
Раздумьем тронуло чело.
Оно подлазья углубило,
У рта морщины провело.

Как тень стоял я, еле-еле...
Душа, где ты была дотоль?
Ее я чуял ясно в теле,
Как хлеб в мешке, как в тряпке соль.

1962

П Р И В Ы Ч К И

Постепенно привычками я обрастаю.
Появилась вдруг этакая ленца:
Книга новая мне попадетя — листаю
Почему-то ее непременно с конца.

Стал я к целым пихать обгоревшую спичку
В коробок. Брови трудно поднявши к челу,
Навсегда приобрел за обедом привычку
Хлебный мякиш ладонью катать по столу.

Обрастаю привычками и ненавижу
Сам себя, что, усевшись, качаю ногой.
Если вдруг я задумаюсь, медленно нижу
Скрепки, в виде цепочки, одну за другой...

Книги я расставляю в особом порядке.
Все надежно налажено, как в блиндаже.
Обрастаю привычками — вечные складки
Образуются где-то глубоко, в душе.

1962

* * *

В это время в малиновой шапке начальник
Дал сигнал. Я к вагону рванул прямиком,
На отлете держа алюминиевый чайник,
Неопрятно плескавшийся кипятком.

На подножку хотел я вскочить. Без сноровки
Промажнулся, но поручни крепко схватил.
И походных ботинок пудовых подковки
Заскребли о бегущий перронный настил.

И повис я. И как у канатной плясуньи,
Что готова вот-вот потерять высоту,
Зябко волосы мне шевельнуло безумье,
И почувствовал я привкус крови во рту.

Поезд мчал. Я пытался подняться и, тужась,
Вверх хотел подтянуться усилием одним.
И под танец колес, нагнетающих ужас,
Горло мне разодрало вдруг воплем немым.

Я висел, ручку чайника больно сжимая
В пальцах, красных от бешеного кипятка.
И летела черта надо мною прямая
Горизонта,
 отчетлива и далека.

1962

* * *

Не ради буйств! Не плакали. Не пели.
Сидели мы не разжимая рта,
Прислушиваясь, как гуляет в теле
По жилам золотая теплота.

Нам выдавали по сто грамм, бывало.
Я ложкой брал заледеневший суп.
Меня когда-то стопка согревала,
Как на плечи наброшенный тулуп!

Охваченный всемирной теплотою,
В кругу забывших холод горемык
Я был обманут водкою простою
Всего на миг.

О, этот лживый миг!

Валили лес, идущий на стропила.
Спиною жались к стынущим кострам,
Прислушиваясь, как внутри бродила
Отмеренная честно

сотня грамм.

1962

* * *

Вот мне пластинки подарили
В честь приснопамятного дня.
И на неделю отдалили
Мои заботы от меня.
Волна восторга подымала
Мне грудь. Я ликовал и пел.

Ах, все же в жизни мало, мало
Я легкой музыки имел!

Как воздуха отекшим легким,
Я б легкости себе хотел.
О, если б стать сумел я легким,
Как плавно я б тогда летел!

...Иду — как увязаю в дегте,
Моя походка тяжела.
Металлом налитые локти
Мне не отклеить от стола.

1962

* * *

И себя я даже не ругаю.
Что тут будешь делать? Я таков!..

Медленно глазами пробегаю
По заглавьям книжным у ларьков.

Долго разминаю сигарету.
У кино пройдуся. Пора бы спать.
Мы с тобой когда видались? В среду?
Больше не увидимся опять.

Знаю, жизнь уж больше не одарит
Ни любимую и ни женой...

Дверь открою — запах в нос ударит
Комнаты пустой и нежилой.

1962

* * *

Посреди московского двора
Мальчик ест ломоть арбуза,
Как будто играет на красной губной гармонике.
К нему подходит другой мальчик
И просит дать откусить.
Первый что-то мычит и отрицательно мотает головой.
Тогда второй ударил его.
И оба, схватившись, покатались по земле...

Я хочу написать когда-нибудь книгу,
Где было бы все о времени.
О том, что его нет.
Что прошлое и будущее —
Одно и то же сплошное настоящее.
Я думаю, что все люди — те, кто живет, те, кто жил,
И те, кто еще будут, — живут сейчас.
Я хотел бы вычерпать тему времени до дна,
Как вычерпывают ложкой солдатскую балабду.

Неужели один из тех мальчиков — я?

Если бы вечность имела бюро пропавших вещей,
То можно было бы там найти галошу Савонаролы,
Портянку Шекспира, пенсне Гомера.

1962

* * *

Мир обливает. Выцветут все краски.
И будет чернота.

И я готов

Бродить среди грубо проступившей кладки
Рогож суровых и простых холстов.

Как будто бы раздели и разули!
Наряд боярский сброшен.

Среди пустот

И черных балоков — там клочок лазури,
Там золотце последнее блеснет.

И буду я среди бедствия такого
Стоять один, в себе все истребя.
И вот последним вылиняет слово
«Любимая» — я так ведь звал тебя.

1962

НЕУДАЧИ

Не надо говорить о своих неудачах.
Кому это интересно?
Когда их слишком много, это даже стыдно.

Сегодня удивительно неудачный день.
Видно, что-то случилось с машиной,
Отмеривающей неудачи.
Что-то сломалось.

Они посыпались на меня так, как не сыпались никогда.
— Вам завернуть? — спрашивает меня продавщица.
— Да, — отвечаю я, — да. Пожалуйста. Будьте добры! —
И горло мне что-то сдавливает.

Я выхожу на улицу. Осень.

«Вот уж, как говорится не повезет,
Так действительно не повезет! — думаю я.—

А все же надо бы кому-то рассказать.

Не жаловаться, нет!

А просто так, снять трубку и кому-то сказать:

Знаете, а мне что-то все не везет.

Да, что-то все не везет и не везет. Не везет, и только!

Просто — до смешного».

Осень.

Иду, отражаясь в мокрой мостовой

Каким-то коротконогим,

Опрокинутым головою вниз.

«Фу, ты черт, — думаю я, — вот, право...»

Батон под мышкой размок. Поднимаюсь по лестнице.
Открываю дверь английским ключом.
В моей комнате никого нет. Она холодная, пустая...

«Это осень, Таня.
Да, осень. И невезенье».

1963

МОЯ РУКА

Пусть от меня как бы от печки пышет
Иль стужей — как в разбитое окно.
Моя рука, она все то напишет,
Что будет написать ей суждено.

Она все знает. В гомоне собранья,
В гостях — внимаю то добру, то злу.
Она ж лежит покойно, барабаня,
Как будто между прочим, по столу...

И в час, когда жена знакомых сплавит
И я у лампы, средь больших теней,
Она ведет, и черкает, и правит,
А я лишь только состою при ней.

Я часть ее. У ней большое дело!
Вновь в дали увела, — недоглядел!..

И знаю я: нет у нее предела
И знаю я: есть у меня предел.

1962

* * *

И когда мои ноги уже затекали
Подо мной, и щека моя тронула лед,
Высоко над собою по вертикали
Я увидел кружащийся самолет.

Он заметил меня и все ниже и ниже
Стал спускаться. И вот уж, почти что без сил:
— Ну дави, — я тогда прошептал, — ну дави же
На гашетку! — И крепко рукав закусил.

...То ли все же меня не заметил он, то ли
Пренебрег и рывком надавил на штурвал
И, как бог Саваоф на небесном престоле,
Мне — ничтожнейшей точке — жизнь даровал.

И поднялся, и вышел опять на орбиту...
Я заплакал: «Мальчишка! Убийца! Сопляк!»
И за то, что меня не убил, за обиду
Я поднял над собою замерзший кулак.

1962

* * *

Весна. Мне пятнадцать лет. Я пишу стихи.
Я собираюсь ехать в Сокольники,
Чтобы бродить с записной книжкой
По сырым тропинкам.

Я выхожу из парадного.
Кирпичный колодец двора.
Я поднимаю глаза: там вдалеке, в проруби,
Мерцает, как вода, голубая бесконечность.
Но я вижу и другое.
В каждом окне я вижу женские ноги.
Моют окна. Идет весенняя стирка и мойка,
Веселые поломойни! Они, как греческие празднества,
В пору сбора винограда!
Оголяются руки. Защипливаются узлом волосы.
Подтыкаются подошлы. Сверкают локти и колени.

Я думаю о тайне кривой линии.
Кривая женской фигуры!
Почему перехватывает дыхание?
О, чудовищное лекало человеческого тела!
Я опускаю глаза. Хочу пройти через двор.
Он весь увешан женским бельем на веревках.
Это — огромная выставка интима. Музей исподнего,
Гигантская профанация женственности.
Здесь торжествуют два цвета: голубое и розовое.
В чудовищном своем бесстыдном разгуле плоть
Подняла эти два цвета, как знамя,
Коварно похитив их у наивности.

Я пытаюсь все-таки прорваться на улицу,
Увернувшись от наволочки.
Я ныряю под ночную сорочку,
Я вынырываю так, что шелковые,
Чуть влажноватые чулки
Проволакиваются по моему лицу.
Я поднимаю глаза. Там, вдалеке, в проруби,
Как вода, мерцает голубая бесконечность.
Я облегченно вздыхаю.

Но вижу, что и там проплывает облако,
Округлое,
Как женщина.

1962

* * *

Когда-нибудь, однажды, в «Гастрономе»
Я выбью сыра двести грамм и, руку
Протягивая с чеком продавщице,
Увижу вдруг, что рядом — это ты.

Я руку с чеком опущу. В сторонку
Мы к кассе тут же отойдем и будем
О том, о сем, о пятом, о десятом
Средь толчеи негромко говорить.

И ты заметишь, что давно не брита
Седая на щеках моих щетина,
Что пуговица кое-как пришита
И обмахрились рукава пальто.

Я ж про себя отмечу, что запали
Глаза твои, что неказиста шляпка
С тряпичной маргариткой и что вонтик
Давно пора отдать бы починить.

Простимся. И когда в толпе исчезнешь,
Мне вслед тебе захочется вдруг крикнуть,
Что разошлись, ей-богу же, напрасно
С тобой мы тридцать лет тому назад.

1963

* * *

Я согласен, что могут быть разные вкусы.
Может вкус быть и плох, да неизбежно, как дзот!
Эта утром наденет стеклянные бусы,
Карандашиком тоненько бровь подведет.

Эта выйдет в мантилье, подобная донне,
Лишь поднимет глаза — ей повсюду почет.
Но плесни ей водой на лицо — и в ладони
Красота ее вдруг при народе стечет.

Может, кто-нибудь скажет: «Какое мне дело!
В этой области все неподвластно уму.
Нас ее красота за живое задела,
Мы и знать не хотим: отчего, почему?»

Я скажу им: «За что убиваетесь? Бросьте!
Что нашли вы? На что открываете рты?»
И тогда протяну им две полные горсти
Мутноватой размытой ее красоты.

1962

* * *

Познай себя!
Да, хорошо советовать!

Я готов себя вывернуть так,
Чтобы для самого себя
Стать объектом.
Тогда меня будет двое.
Можно даже основать
Целую дисциплину,
Которая называлась бы — «Я».
Можно изучать ее,
Как всякую другую науку.
Можно даже сдавать по ней зачеты,
С риском провалиться
И остаться на второй год.

Вот мой рентгеновский снимок:
Легкие — как серебристая вуаль.
Печень.
Вот дневник.
В нем описание
Переживаний.
И разные приходившие в голову мысли.

Люди стесняются, что они не ангелы.
Они выходят из реки,
Обмотавшись махровым полотенцем.
Потом они поют на лавочке романсы

С таким видом,
Будто у них нет пищеварения...

Я постигну себя второго.
Но как я постигну себя первого?

1963

* * *

Против иллюзий вздумал Ланцелот
Пойти сражаться: меч, щелом, доспехи.
Но вот под ним иллюзий тонкий лед
Проваливаться стал.

Чудней потехи

Не видели!

И воду алчным ртом
Заглатывая, размышлял рубака:
«Я думал, вон он — предо мной — фантом.
Ан и внизу он может быть, однако!»

1963

* * *

Мне не сойти с привычной колеи...

Чтоб дать мне пить,

встает в одной рубахе

Та женщина, что знает все мои

Безумия, сомнения и страхи.

К стакану губы я во тьме тяну.

И сплю.

Но, одеяла край бросая

На пол,

я вновь зову ее. Одну.

И вновь ко мне она идет

босая.

Кричу. Но засыпаю.

И во сне

Поймать опять хочу обрывок нити.

Она одна все знает обо мне —

Коль надо будет что,

ее спросите.

1962

МОИМИ ГЛАЗАМИ

Я весь умру. Всерьез и бесповоротно.
Я умру действительно.
Я не перейду в травы, в цветы, в жучков.
От меня ничего не останется...
Я не буду участвовать
В круговороте природы.
Зачем обольщаться.
Прах, оставшийся после меня, — это не я.
Лгут все поэты! Надо быть беспощадным.
«Ничто» — вот что
Будет лежать под холмиком на Ваганькове.
Ты придешь, опираясь на зонтик,
Ты постоишь над холмиком,
Под которым лежит «Ничто», потом вытрешь слезу...

Но мальчик, прочитавший мое стихотворение,
Взглянет на мир моими глазами.

1963

* * *

Она бывает там, где все вразброд.
Нет глуше, сокровенней, своенравней,
Чем музыка, что вдруг плеснула в борт
Иль поздней ночью громынула ставней.

И чую: бедны темные дрожат,
Как будто доски зыбкого настила.
И был мой рот нетерпеливо сжат,
И волосы куда-то относило.

И влажно били ветки по плечу.
Когда ж пустая синь на небосклоне,
Я, запрокинув голову, кричу:
— Пролей немного музыки в ладони!

1963

Характеры

1965

ХОР В ПОЛЯХ

Песня в армии.

Она возникала в голосе запевалы,
Захватывала нас, и мы подхватывали припев...

Это было то искусство,
Где актер и зритель сливаются в одно.
Мы пели для себя — зрителей не было,—
Шли безлюдными полями.

Это высшее искусство!
Фантазеры первых лет революции,
Мечтавшие о слиянии зала и сцены,
О мистериях, где бы в одном порыве
Стиралась грань между смотрящим
И действующим,—
Вот она сбылась, ваша мечта!

Вокруг поля ржи,—
Мы шли в земные пределы.
Мы, и актеры и слушатели,
Шли, отдаваясь песне.
Мы вкладывали в нее всю жалость к себе,
Всю мальчишескую тоску по неувиденной жизни,
Всю боль от черных портянок,
Плохо, торопливо замотанных перед походом.
Мы были как древнегреческий хор, по дороге,

Квадратом, движущийся куда-то
В провалы полей.
Мы комментировали запевалу,
Мы как бы напоминали ему о роке
Тонкими голосами,
Вытягивая мальчишечьи шеи из воротников.
А он заливался, он звал, он спорил, он верил,
Не соглашался.
Мы снова вступали, грозили, предостерегали.

А вокруг только простор,
Солнце,
Безлюдье...

1964

я

Есть слово «я». И нету в том худого,
Что я решил его произнести.
Оно во мне. Я с детства это слово,
Как после травмы, позабыл почти.

Оно идет из глубины, оттуда,
Чтоб словно нефть высоко к небу бить.
Оно — экзема. Нет смертельной зуда —
Стремления самим собою быть.

Я слышу дальний голос...

Смело к краю

Я подхожу, к порогу темноты,
И свешиваюсь вниз и вопрошаю:
— Кто это там? —

Он отвечает: — Ты!

Но обречен я был бы на молчанье,
Когда вокруг бы не были друзья,
Отец и мать, жена, однополчане,
Попутчики.

«Мы» состоит из «я».

Есть слово «я». Оно во тьме недаром
К небытию испытывает злость...
Оно во мне. Оно одним ударом
В меня по шляпку вбито, словно гвоздь.

1964

Не выходя по многу дней,
Сидит — ладонью трет плешину.
А это все-таки трудней,
Чем влезть с веревкой на вершину.

И в созерцании немом
Мудрец в камерке — Диогеном.
Но стены бешеным умом
Он прожигал, как автогеном.

Куда б ни ставил он стопу
Немела публика повсюду.
Да, мысль, попавшая в толпу,
По действию подобна чуду.

Он мыслит! Он подьемлет щит.
Взял меч. Он плащ закинул пылко.
Он мыслит! Голова трещит
От лобных пазух до затылка.

Бывает вправду горяча
Дискуссия! И в поединке
Сойдутся два бородача.
Глядишь — и только шерсть на ринге.

О, темперамент мудреца!
Речь горною гремит рекою.
Но сядет, побледнев с лица
И за сердце схватясь рукою.

И в мир идей, творя полет,
Он жажду небом утоляет...
Мыслитель пляшет и поет.
Мыслитель слезы утирает.

Он в возбужденье без конца!
Он вечно мчит куда-то в мыле...
А кто сказал: для мудреца
Бесстрастье подобает в мире?

* * *

Характеры шумят как лес,
Бушуют, так как в результате
Важна не разница телес,
А разница в душевном складе.

Вот этот на собраниях жмет
И точку зренья выражает...
А дома из журналов мод
Красоток тонких вырезает.

А вот — ничтожен, неглубок.
Остроты низковаты сортом.
Но лишь за стол воссядет — бог! —
К любимым колбам и ретортам.

А этот — как святой. Молчит.
Стрижет с утра сирень да розы.
А по ночам, подлец, строчит
Наигнуснейшие доносы.

Несет характер по кривой
Оторопелого инога.
Об столб ударит головой —
И тут же все начнется снова, —

В полет! Уже и сам не рад!
Опять свистящими кругами.
«Такой характер! — говорят. —
Что делать?!» — разведут руками.

Глядишь: мужчина. Сам в соку.
Дороден, с белыми висками.
А в нем характер — как в суку
Волокна, — странными витками.

О антропос! Что ты? Вопрос!..
Я сложностью всей этой донят.
И ангел зарычал как пес!
Всплывает камень. Щепка тонет.

Но средь всей этой кривизны
Есть тот, что, гибель принимая,
Стоит, прищурясь, у стены
Прямой. На свете есть прямая.

1964

РЕБЕНОК

И вот идет по городу ребенок
С большою, вроде тыквы, головой.
Среди людей, автомашин, лебедек,
Рискуя, словно на передовой.

От леденцов его ладони липки,
Не верит он в существованье зла!
А безмятежность медленной улыбки
Лишь с синевою поспорить бы могла.

Жизнь города его в свою орбиту
Ввела. Кричит кондуктор: «Не зевай!..»
Он на минуту чувствует обиду
И губы надувает на трамвай.

Гудки машин ему — как звуки лютен.
Идет на них, неведением храним...
Как верует он в то, что абсолютен
Его покой! Мы — трусы перед ним.

1964

ПОЖИЛОЙ

Вот шляпа. Вот и трость. Я пожилой!
Перчатки шерстяные. Честь по чести.
Ворчу, что апельсиновой кожурой
Опять — увы — насорено в подъезде.

Девчонка окликает на бегу
Кого-то. Мчатся молодые, злые...
Скрипят мои ботинки на меху,
Уютные такие, пожилые.

На лавку сел. Рука в наметках жил.
Где пенсия?! Далеко до погоста!
И я не стар. А просто я пожил.
Я пожилой! И это очень просто.

1964

ЦЫГАНЕ

Вот племя странное! Бредут
В Норвегии, в России, в Гане.
Взад и вперед. То там, то тут,
Как сами же поют.

Цыгане!

Лежит с гитарою. Ленца.
Не в лад стучат в дорогу кони.
Вперед дорога без конца,
Туда, где ель на небосклоне.

Сидит араб. Долбит Коран.
Пройтись до кирхи трудно шведу.
И лишь один индийский клан
Поднялся и пошел по свету.

Такая уж у них стезя.
Закон, страшной кровавой мести,
Гласит: нельзя нельзя, нельзя
Хотя бы миг стоять на месте.

Фургоны все ползут, ползут,
Покуда спят аборигены...
Какой-то непонятный зуд!
Что гонит их? Какие гены?

Какой такой состав крови?
Воры. Гадалки. Лицедеи.
Попробуй их останови —
Погибнут без своей идеи.

Кто им предначертал перстом
Судьбу? И где-нибудь в Тайшеге
Спят под разобранным мостом
Далеких Гималаев дети.

Не смахивает ли на фарс?!
Вот пляшет табор в Калидоне,
И за ракетой на Марс
Глядит цыган из-под ладони.

Ползет их нищенская кладь
С лоскутным флагом одеяла,
Гитарой чтоб напоминать
О дальнем свете идеала.

В корчме цыганка чарку пьет.
Воруя, кур под юбки прячет.
Но, взяв гитару, запоет —
И старый русский князь заплачет...

Как надо ж было обокрасть
И весь народ навек обидеть,
Чтоб дать им эту злую власть
И дар вперед сквозь время видеть!

1964

ЗАВИСТНИК

Ну что ж, признаюсь, я знаком
С тем чувством, что иными движет...

Ползет завистник — языком
Он противень горячий лижет.

А что печет ему нутро?!
Где ж позитивная основа?..
О, как он чувствует остро
Благополучие другого

Его как хочешь обзови:
Уже он стал на четвереньки.
Уже он тут вот — визави —
В тебя в упор уставил зенки...

Как будто бы и не урод.
А он путей не разбирает!..
Чудовищная зависть рот
Ему крест-накрест раздирает.

Уже он судит так и сяк...
И сверхъестественная сила
Беднягу наперекосяк
Уже всего перекосила.

1964

ЦИНИК

Худой малец в линялом свитере
Надвинул на глаза берет.
И где-то там, внизу, в «юпитере»,
Беснуясь, заблестал балет.

За одурманенной Одеттою,
Выделяющей в небе па,
Летит толпа полуодетая,
От света бьющего слепа.

Малец — как карлик в заточении.
Он циник: верит только в свет!
Он знает: дело в освещении.
Вынь штетсель — и Одетты нет.

1964

* * *

Поэт чертей рисует на полях,
А может быть, ползучие растенья...
Не пишется, и ведает аллах,
Сумеет ли дождаться настроенья!

Поэт рисует на полях чертей.
Покуда суд да дело, чертит сбоку,
Налег на стол всей тяжестью локтей
И крепко языком уперся в щеку.

Волнуется: придет ли? Ерунда!..
Но внутренне в смятенье. Он рискует!
А вдруг и впрямь уж больше никогда?..

Ну, а пока поэт чертей рисует.

1964

ПРОХОЖИИ

Кто он такой? Что это за прохожий?
Чудак? Философ? Странник? Идиот?
То человек с ободранною кожей
По многолюдной улице идет.

Какие мысли? Взгляды? Откровенья?
А замыслы-то, видно, велики!..
О, как боится он прикосновенья
Неловкой человеческой руки!

Он в этот мир вступил для поединка!
А у него ведь сущность такова:
Его убьет случайная песчинка,
Что мы небрежно сдуем с рукава.

1964

МЕМОУАРИСТ

Фанера, схожая с муаром,—
Перегородка. Шаткий стол.
Он пристрастился к мемуарам.
Напружил шею, точно вол.
Все в прошлом! Что ж такого, право.
Что позади его зенит?!
Час пробил. Началась расправа.
Того воспел. Того казнит.
«Ага! Ну как, пришла расплата?!»
(На миг перестает писать,
Чтоб в недрах рваного халата,
Сопя, подмышку почесать.)

Нет, слаще не было работы,
Что крики плачущей жены!
Еще не сведены все счета!
Итоги не подведены!
Ликует он и негодует,
Ведь жизнь была одна дава!
(Не чувствует того, что дует
Из незакрытого окна.)
О чем же это он хлопочет?
Как связи порванную нить,
Он нынче справедливость хочет
Под артогнем восстановить.

«Нет, их от праведного гнева
Отныне козни не спасут!»
Он бьет направо. Бьет налево.
Сидит, верша свой страшный суд.

Он судит все, что знал на свете,
По правде! Он не помнит зла.
(И пусть кричат уже соседи —
Он не пойдет играть в «козла».)
Конечно, в жизни было всяко:
Там — промолчал. То — обходил.
Но голос совести, однако,
В конце концов — а победил!

Нажал. Перо сломалось. Брызга
На лбу. И, тяжело дыша,
Окончил грифелем огрызка
Чернильного карандаша.
И едко поджимает губы,
А пальцы мочку теребят...

И чудится ему, что трубы
Уже архангелов трубят.

1964

ЛЖЕПРОРОК

Страшней на свете нет, чем лжепророки
С готовым к словоизверженью ртом...
Дороги, что по их словам пологи,
Отвесны.

Выясняется потом!

Я знал когда-то одного такого.
Он все кричал! Он звал! Он всех ругал!
Он раз сказал: «Дорога пустякова».
Я сорок километров отшагал.
...Анафемы, посулы, прорицанья —
Я все глотал, чего б он ни изверг,
Пока однажды лживого мерцанья
Не уловил — в глазах, подъятых вверх.

1964

ЧЕРТ

Я думал, это отмерло.
Но вот взобрался на эстраду
Вдруг некто... Экое мурло!
Таких же судят за растрату!
И начал. Чувствую: влечет...
Как мы не поняли доселе?
Послушайте, ведь это ж черт!
Я чую ясно запах серы.
Бес пошлости! Всемирный дух!
Не ты ли в самом был начале?..

Ладонями стуча за двух,
Вот только что кричал не я ли?

То перелет. То недолет.
И раз!.. Средь взвизгов и средь гула
Не я кричал ли: «Вот дает!..» —
Сползая, хохоча, со стула?

Как ты парил сто тысяч лет
Один во мраке полунощи?

Уже я сполз почти. И вслед
Послал он что-то там, о теще.

1964

* * *

Молчаливы иль языкаты,
За машинкою иль с пером,
Прокуроры и адвокаты,
Мы на этой земле живем.
Эти — водкой. А эти — чаем.
Тем несносен. А этим мил.
Обвиняем иль защищаем
Этот самый цветущий мир.
То унизим. А то возвысим.
То осудим. То воспоем.
Только мир от нас независим...
Он в восторге живет своим!

А один из нас, как лазутчик,
В мир идет, где кастрюлек чад,
Там, где бабки тискают внучек,
Прижимают парни девчат.
Можжевельник, волосы рвущий.
Газ косынки, что ядовит.
Этой женщины вид цветущий
Больше прописей говорит.
Пусть мыслитель мир обругает...
Вот она, — улыбнулась хитро.
Посмотрите, как облегает
Это платье ее бедро.

1964

* * *

Как хорошо, что молодость прошла,
Как все же хорошо, — ее не стало!..
Но чувствую, что стала тяжела

Душа,

 достигнув плотности металла.

Приехали, как говорится, — слазь!..

Все вымерил: отсюда и досюда.

Душа моя отныне отлилась

Навеки в форму странного сосуда.

Она кувшин, что влез в дорожный сак.

Помочь тут может только перековка.

Как ни крути ее, и так и сяк,

И как ни поверни —

 с ней все неловко.

1964

СВЕРХЗАДАЧА

Сопят и бранятся, кряхтят и жуют.
«У нас ведь такого нет и в заводе!»
Ладонью успеи лишь прикрыться — и тут
Вдруг рот разоидется в звериной зевоте.

Но мальчик растет. Из-под низких бровей
Волчком глядит. Он с каким-то запросом!
Все вправо, а он забирает левей.
Куда там! Он тянет презрительно носом!
Он слышит какой-то особенный звон.
Растет, на обои обиженно пялясь.
Но жизнь его общую, будто бы сон,
Вдруг белый прорежет кренящийся парус!..
Сначала какой-то растрепанный том.
И шок — как бывает в горах от тротила.
Бессмертное: «Что же там будет потом?» —
Его же в ту ночь до конца отравило...

Но что говорить, даже, может, вот те,—
Живут мельтеша, обедаясь, судача,—
Но как бы ни ползали на животе,
У каждого все же своя сверхзадача!
И даже вот этот: по девкам ходок.
Плешив и дороден. Усы подбривает.
Но руку протянет — и синий цветок
Романтики в ней затрепещет. Бывает!

1964

ПЕРЕД ПУСТОТОЙ

Человеку выпала отрада
Вверх взойти, на высоту хребта.
Посмотрел: ни рая и ни ада!
Без конца и края пустота.

«Что же я тогда на свете стою,
Если я у бездны на краю
Перед беспредельной пустотою,
Помертвев, беспомощно стою?!»

И простер он трепетные длани.
И у этой роковой черты
Плотный мир, придуманный заранее,
Не спеша слепил из пустоты.

1964

* * *

Пусть поэт послушает, как бродят
Соки в нем, как алчно кровь стучит.
Пусть его, притихшего, заботят
Гулы те, что в глубях различит.

Тайные там происходят вещи —
Там гудит дыхательный процесс!
Желчь играет. Голоса зловещи.
Вот один возник. Другой исчез.

Как угрюмо-первобытно тело.
Ты, поэт, им зря пренебрегал!
Мысль твоя во мрак его глядела,
Как в пустой покинутый подвал:

Только холод, плесень — тянет люто
Из него! Да что с подвала взяты!..
Слышишь: дальний голосок оттуда
Хочет что-то важное сказать.

1964

БУДНИ

Давно люблю обычные слова,
Которыми на улицах толкуют,
Не те, которыми тетерева
Красиво, но бессмысленно токуют.

«Как жизнь?» — «Болез». — «Так ты, брат заходи». —
«Спасибо, дорогой!» — «До скорой встречи!..»

Ведь глубину, лишь только захоти,
Ты обнаружишь вдруг в обычной речи.

Слова, что до оскомины просты,
Вдруг полоснут с неслыханною силой:
«Я слушаю. Алло! А, это ты.
Да, суп стоит. Я ожидаю, милый».

1964

ВДВОЕМ С ТЕНЬЮ

Я прежде был фантазии лишен.
Я шел июльским полднем по селенью.
А я тогда, как Пат и Паташон,
Был неразлучен со своею тенью.

Когда ж домой с прогулки приходил:
«Что видел ты?» —

И мой ответ был жалок, —
Тогда он, между прочим, походил
Скорей всего, пожалуй, на каталог.

Перечислял я лица и дома,
Перед собою глядя обалдело.
А слушая, как не сойти с ума
От честности, не знающей предела?

И затыкали уши: «Ах балда!»
А я все сыпал, сыпал без разбора,
Смотря невинно. И смолкал. «Ах да!
Еще коза стояла у забора».

Но я потом манеру изменил —
Почуял я, что буква убивает...
Ах сколько перепортил я чернил,
Чтоб то придумать, что и не бывает!

И мир навек, казалось, потонул.
И вещи, словно птицы на антенне,
Дыхни — вспорхнут. И руку я тянул,
И собственной не мог коснуться тени.

* * *

Есть русское бродяжее начало,
Как хлебным суслом полная дежа...

Я бы хотел, чтоб пела и кричала,
Святая Русь,
 во мне твоя душа.

Среди покосов, на цементной плахе,
Стоят вдвоем у спуска на Оке
И Мужество в разорванной рубахе,
И Скорбь в сошедшем до бровей платке.

Поля вдали...

 А дни идут на убыль,
Недалеко до рокового дня,—
Я жив пока. И пусть тоска и удаль
Не покидают никогда меня.

1964

ЛИШЕНЦЫ

Я помню: тридцатые годы.
Мелькание фетровых бот.
И боны. И ссуды. И льготы.
Лишенцев, живущих без льгот!

Тоскует парттысячник — дядя.
Он токарь. И нет тридцати.
Сидит он до ночи, не ладя
С проклятой программой МАТИ!

Я вижу в окно: о, как сини,
Россия, твои небеса!..
А лишь за колечко в Торгсине
Лежит под стеклом колбаса.

Я помню: потрепан, но тяжек
В амурчиках бархат. Уют.
Две, в шляпках, лишеньки из чашек
Вприкуску глоточками пьют.

Одна уж почти что уснула,
А тянет какую-то нудь:
— История так повернула,
Могла б и не так повернуть...

1964

КАМЕНЬ

Когда-нибудь вы провожали
Кого-нибудь? И тут как тут,
Судача, тетки на вокзале
Цветы в ведерках продают.
Они сидят большой деревней,
И я купить уже готов...

Но что быть может однодневней
И эфемернее цветов?
Вот вы их только в руки взяли —
Не выпустили их из рук,
А лепестки уже завяли,
Улитками свернулись вдруг!..

Я б высекал цветы из камня,
Из неподвижного куска,—
Пусть нету кроткого ласканья
Раскрашенного лепестка!
Пусть ни пыльцы, ни аромата
Кремневый венчик не хранит,
Но лепестковая громада
Зубилом врублена в гранит!..

Хватайте время бреднем, сетью,
Не удочкою на живца!..
Быть надо верным долголетью,
Коль жить собрался до конца.

1964

ПЛОТНОСТЬ МИРА

Любите плотность мира, теплоту
Земли. Пейзажам радуйтесь! При виде
Их руки заломите! На плоту
По черной, точно смоль, реке плывите.

На беспредельном пляже без рубах,
В песок по локоть руку запуская,
Лежите. Ощутите: на губах,
Как крепкие кристаллы, соль морская!

На ощупь мир правдивей. Невесом
Лишь вздор один. Идти по пашне клина!

Есть смысл в поэте только лишь босом:
Пусть между пальцев проступает глина.

1964

КОСНОЯЗЫЧЬЕ

Косноязычье мучило меня.
Была необходима сила бычья,
Скосив белки и шею наклона,
Ворочать маховик косноязычья.

Косноязычье вовсе не порок!
Застигнутый полупонятным зовом,
Пусть корчится измученный пророк
В борении с рождающимся словом.

Смешенье междометий и слюны.
Побольше часа надобно — не сразу! —
Чтобы, придя в движенье, шатуны
Вдруг выдавили на поверхность фразу.

Лишь пустыки легко выходят в свет!
Я с трепетом внимаю бормотанью.
Все это вздор, покуда бездны нет
Меж мыслью промелькнувшей и гортанью!

И если мысль действительно нова,
То надо говорить с азов учиться...
Ворочаются трудно жернова —
Но льется тонкой струйкою мучица.

1964

ГЕОМЕТРИЯ

О, Петр, ведь ты построил город
Не для умерших — для живых?..

Тяжелый дождь бежит за ворот
Окаменевших часовых.

Пронзительны аллеи парков.
Прямы проспекты, как стрела.
Сильней божественных монархов
Здесь геометрия была.

Был нежен в башнях цитадели
И кроток лепет голубиц...

И страшные на мир глядели
В окно глаза царубийц.

Гуляют каменные финны.
Курятся трубки из бород...

Вот и построили Афины
Средь топей северных болот!

Налево львы. И львы направо...
А у заставы инвалид
Штык держит вертикально прямо,
Как Геометрия велит.

В НАЧАЛЕ ВЕКА

Столетие гати, оттаяв,
Зыбки. Дух от хлябей тяжел!
Всё ждали: Платон Каратаев!..
А это Распутин пришел.

Как плакала бабка украдкой!
Уже седина в бороде,
А дед мой дерется закладкой
На пасху в Свечной слободе.

Юнцов тогда жажда снедала.
Колонны снежок порошил,
Покуда топор Идеала
Российские будни крошил.

У банка цыганки гадали,—
Отбиться нельзя, как от пчел!..

Играет отец на гитаре.
Он книжечку Милля прочел.

Каурый, саврасый и пегий
Храпят. Так и рвутся из рук!

И тройка российских элегий
Тачанкою сделалась вдруг.

1964

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Я поднял взор, — в те дни я рисовал,
Но до прилавка я не доставал.

Как пахнет лак! О, как же я ценил
Набор кистей, бутылочки чернил!

...Стоял, ушедший в шапку до ушей,—
И мозг кружил мне дух карандашей.

Вот тюбики. А вот пастель. Вот мел.
Когда б я мог, я это сразу б съел.

Чертить! Стирать! Чертить! И вновь стирать!
Мне ту бы вон огромную тетрадь.

Я б малевал во всю ее длину!..
И я тайком проглатывал слюну.

1964

МИГ

Секунда радости. Беспечности мгновенье.
Вдруг выпавший просвет. Всего лишь миг! Пока.
Достаточно рывка,
одно лишь дуновенье —
И тотчас же сомкнутся облака.

Миг безмятежности. Момент. Прорыв куда-то.
В безмерность. В синеву. Головоломный взлет.
Всё будни без конца — вдруг праздничная дата!
Как зайчик на стене!
Иль как на гребне плот!

И я увидел мир в ином масштабе.
О, как я ликовал! Секунду лишь одну.
Как будто предо мной вдруг расступились хляби
И быстро я прошел — вмиг! —
по морскому дну.

1964

* * *

Мир меня ловил и не поймал.

Эпитафия на могиле

Г. Сковороды

Он умирает. Подвело здоровье.
Без властных жестов и цветистых фраз.
Так поднимите, люди, изголовье
Мыслителю.

Он хочет видеть вас!

Он окружен победными вещами.
Он здесь не раз сидел по вечерам.
А этот пар, поднявшийся над щами,
Не жертвенный ли это фимиам?

На кухне ложки звякают в посуде.
Чуть слышный говор. Плотный дух приправ.

Легко сказать, что смерти нет!
По сути,
О том твердя всю жизнь, он был неправ!

И миг настал. Волнуется. Еще бы!
Его родня вокруг стоит, как рать.
Сейчас он школьник. Вот — часы учебы...
Он учится сегодня умирать.

1964

* * *

Мы стихли, покоренные картиной,
Нас увлекла запутанная нить...

Какой же все же надо быть скотиной,
Чтоб за сеанс слезы не уронить?!

Бежит беглец. Леса за Акатуем.
Мать ждет. Сестра родная предала!..

Мы целым залом громко негодуем.
Мы за добро! Мы вместе — против зла!

О, как мы вдруг всем залом задрожали,
Когда на плот вскочил он,

ведь вовек

В толпе вот этой в темном кинозале
Плохой не находился человек.

1965

* * *

Жизнь в современном городе тесна,
За городской чертой шагая в жите,
Вы встали вдруг.

Дышите же! Дышите!

О, кислородом полная сосна!
А вот в зеленом хлорофилле лес.
Да здравствует дыхательный процесс!
Вы словно в прорубь падаете в стог —
И в духовитых травах ядовитых
Дышите же! Дышите! Долгий вдох
Пусть постепенно переходит в выдох.
Иль на Кавказе, где-нибудь в духане,
Когда от дыма станет вдруг темно,
Почуете: кончается дыханье,
Ударьте — и откроется окно.
Пусть жадно ходит грудь. Глаза смежить!
Дышать, — ведь это же и значит — жить!
В веках — и для рабов и для владык
Дыханье — то, что всех объединило.
Пусть трудно ходит — словно лифт — кадык.
И я дышу. И поступает сила.

1965

ОТКРОВЕННОСТЬ

Я откровенничал с друзьями,
Был полон мрака сеновал.
Смотря открытыми глазами
Во тьму,
я душу открывал.

Но как-то вышло так: с годами
Я доверительность забыл.
Как дом аршинными гвоздями,
Себя я наглухо забил.

Лишь за бутылкою «Столичной»
В интимном дружеском кругу
Подчас вопрос сугубо личный
Легко затронуть я могу.

Вину припомню вдруг иную —
Живу,
все в глубине тая,
Ведь откровенности взрывную
И злую силу знаю я!

Захочешь... И решишь: напрасно!
(Эмаль лишь скрипнет на зубах.)
Она же на земле опасна
Не менее, чем бензобак.

И все ж, хоть в жизни съел собаку,
Сказать хочу я:
не крути

И не хитри,— рвани рубаху
С веселым треском на груди!

И человечеству на милость
Вдруг сдайся:

вот моя вина!

И чтобы исповедь дымилась,
Кровава и обнажена.

1965

ВЕРТИКАЛЬ

В веках тропинка красоты окольна,
Смысл красоты побочно вытекал.
Она-то ведь как будто колокольня,—
Нужна же, мол, в деревне вертикаль!

Пусть никого не манит позолота.
Цель у меня на все года одна:
Лишь только б дрогнул тонкий трос от лота,—
Вот верный знак, что он коснулся дна.

1965

* * *

Обычное, что только лишь зевоту
Способно вызывать из рода в род,
Что стало общим местом, взяв как воду,
Разъять на кислород и водород.

Нет ничего! Частицы по орбите
Кружат в распаде, в хаосе, во зле...

А истина?

Да вон она, смотрите:
Стакан, чуть-чуть вспотевший, на столе.

1965

* * *

Я славлю обычное. Нету на свете милей
Печеной картошки, добытой из груды углей.

Как сладко обычное! То, что вот тут. И что там.
Хоть те же картошины, что мы подносим ко ртам.

Подуть на картошину. Солью покапать. И есть.
Мне мило обычное. Тем, что не где-то. А есть.

1965

В ГОРПАРКЕ

Гордая дева волосы вниз уронила,—
Встав на колени, глядит на разбитый сосуд...
О, не гляди на упавшую урну уныло!
Скоро придут штукатуры и с гипсом бадью
принесут.

Там, где отбилось, подправят. И величавая поза,
И гармоничные складки — все это вранье!..
Мне же милей эта черная бедная проза:
Лужи. Деревья. И на суках воронье.

1965

* * *

Прибита прочно под дверьми подкова.
Мой лоб порой для рук моих тяжел...

А смерть придет? Ну что же тут такого?!
Я жил. Я был. Я мыслил. Я ушел.

1965

* * *

Товарищ мой, уж коль взяла за горло
Тебя последней хваткою беда
И если жизнь вдруг так тебя приперла,
Что деться не придумаешь куда,
И вместо всех надежд и детских бредней
Ты встретишь мрак без края на пути,—
Ты беспощадной правдою последней
Открывшуюся правду не сочти.
Еще не все. Хрипя, не крикни злого,
Не вынеси проклятья. Не хули...

А выскажи неторопливо слово,
Лишь забелеет тоненько вдали.

1965

КАМА

Почти что год уже идет война...
О, как пустынен городок на Каме!
За пристанью покойна пелена.
Река перекликается гудками.

Сидит над Камой в сквере инвалид.
Тельняшка под халатом полосата.
Скрутить рукой сигарку поровит
Из крупного, как шалки, самосада.

Мы кончили на днях девятый класс.
И парень нам рассказывает вяло,
Что выбили ему под Ржевом глаз
И что по локоть руку оторвало.

...Пространство Камы где-то там, внизу.
Как тянет рыбой, соснами, грибами!..

Еще полгода. Я в кювет вползу
И санпакет перегрызу зубами.

1965

* * *

В осенней вышине
Лишь облако да пташка...

Когда же будет мне
Невыносимо тяжко,
Я, словно маму, небо обниму.
Закрыв глаза, щекой прижмусь к нему.

1965

* * *

Я человек. Прошу, меня любите.
А вот мои два глаза. Изнутри
Они освещены. И всяк в своей орбите.
А вот мой нос. Готов держать пари:

Я человек, я богу равен ликом.
Вот он. Вот я. Никто не отличит!
То рот в улыбке. То разодран криком.
То сигарета изо рта торчит.

Я человек. И только лишь за это
Любить прошу. И я живу, храня
Внутри на дне, во тьме крупицу света.
Я человек. Прошу любить меня.

1965

ЗЕМНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Есть похоть беспредельности — ходьба.
По валунам, по пахоте, по межам.
Какая это радость, что судьба
Тебя случайно урдила пешим!

И коль в ходьбе ты понимаешь смак,
Иди, тоской пространственной влекомый...
На горном склоне задремавший мак
Тебя с утра встречает, как знакомый.

А что там путь? Переставленья ног.
До той черты, где облаков престолы.
И ты идешь, велик и одинок.
Тебя вбирают в глубь себя просторы.

И, наконец, усвоенный совсем
И без остатка растворясь в пейзаже,
Ты станешь вдруг невидим, глух и нем...

Но это ты и не заметишь даже.

1965

* * *

Кому пожалуешься, мол, болит в боку?
Да некому! Иди ищи по свету...

Напрасно черной улицей бегу
К себе домой. Там никого-то нету!

А ведь совсем не так еще давно
Она мне дверь со смехом открывала...

Весь дом в огнях! Лишь там, где быть должно
Мое окно,— подобие провала.

1965

• • •

Мне писалось лучше в поездах —
В тамбуре набитой электрички.
В самых неожиданных местах,
В силу вкоренившейся привычки.
В час, когда купать детей зовут.
Иль в аптеке покупаешь мыло.
В кассу стать бы надобно — а тут,
Смотришь, вдруг под вздохом защемило!
Мне писалось лучше у врача,
В миг, когда сидел я, раскрывая
Рот,

рукою между тем ища
Карандаш в кармане...

И живая
Та строка, что мне являлась там,
Где вовек не сыщутся чернила,
Из глубоких будней к высотам,
Как в горах тропинка,
уводила.

1965

* * *

Беги и на троллейбусе повисни.
Неси батоны,— валятся из рук!
Великая невероятность жизни
Все охватила, завертев, вокруг.

И даже если бы тебя прибили
Гвоздями ко кресту — в минуту ту
Ты бы молил, должно быть, о пломбировке,—
О, как ты рвешь обертку на ходу!

Журналы мод: какой пучок на даме! *
И, жить желая, батальон девчат
Уселся в парикмахерской рядами —
На них пучки воинственно торчат.

Побеги кверху бьют сквозь щели досок
В платформах Подмосковья из земли.
Так жить хотят! Иль, как библейский посох,
То, может, сами доски проросли?

В саду малец меж стеблей молочая
Сидит один среди синевы высот,
Он хочет жить, о том оповещая
Весь мир,
 он погремушкю трясет!

Как дикари, что рушат тяжесть палил
На всех, кто только тронет их жилье,
Жизнь уничтожит всякого, кто палец
Поднять, сердясь, посмеет на нее,

1963

ПУСТЯКИ

Э. Баблеву

Могут до смерти нас затерзать пустяки.
День подчас до отказа набит пустяками...

Мне в пустыне бы жить, говоря про стихи
Под звездою с библейскими пастухами.

Как могла б моя речь величаяя течь!
Только вечность да я. Я бы был как Исая!
И стекала б овчина тяжелая с плеч,
И нога б на песок наступала босая...

Между тем донимают меня пустяки.
День кипит. И, его подчиняясь законам,
Я куда-то иду. И сжимаю кульки.
И кричу в телефон. И бегу за вагоном.

1965

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

О, платонизм жестокого романса!
Гитара. И рокочущий басок,
Что как-то все простуженно ломался.
И крупных пальцев за броском бросок...
После блатных частушек из гулага
Ты вышла, песня, гордо на простор.
Кто пел тебя, скажи: гусар-гуляка,
Студент в крылатке, крепостной актер?

Певец не пьян. Ему ли! С этой дозы?!
Мешочки под глазами тяжелы.
У нас упорно подступают слезы
От той высокопарной мишуры.
Нам много ль надо? Он сидит сутуло
И на ногу нога. Запала грудь.
О, только бы куда-то потянуло!
Куда, не знаю. Да куда-то! В шуть!..

...Ты к нам пришла из той далекой дали,
Чтоб стать, как пайка, нужной позарез,
Оттуда, где пред зеркалом гадали
И пылко танцевали полонез...

1965

* * *

Звериное тепло домашнего уюта...
А комната — как будто бы каюта.

И кажется, качается диван.
Жизнь за окном — Великий океан!..

А комната? Ее несет куда-то!
На стенке календарь. Какая нынче дата?

А комната? Среди скитаний — стан.
По звездам держим путь. Вверх подыми секстан!..

Свисают простыни! Нестойкий привкус чада.
И ползает дитя. Бьет погремушкой. Чадо!

За стенкой холода. Но ход необратим —
И потому вперед куда-то мы летим.

Дитя бубнит во сне. И пар от молока...
Пронесется в окне со свистом облака!

1965

НЕИЗВЕСТНОЕ

Когда на фронте я входил в село,
О нем, притихшем, ничего не зная,
О, как оно к себе меня влекло!..
Что там за огонек мигает с края?

Я шел в густую темень, словно в брод.
Не дрогнет ветка. И не скрипнет полоз.
Быть может, девушка мне отопрет
С распущенными косами по пояс?..

Неведомое! Что там впереди?
А огонек вдали лукавит где-то...

Рукою шаря, дверь во тьме найти.
Пригнуться... И ослепнуть вдруг от света.

1965

ДУХ ГОМЕРА

От ужаса уничтоженья
Их шайка признавать могла
Один в природе вид движенья:
Коловращение стола.

Не только всё с женой, да с другом,
Или с попутчиком в пути,
А, право ж, почему бы с духом
Вдруг разговор не завести?

С потусторонним адресатом,
Явившимся как бы в дыму,
Шутя о пятом, о десятом
Не поболтать бы почему?

И дух, являсь, оттуда, сверху
Взгляд в собеседника вперит...
Но проходимцем на поверку
Оказывается спирт.

И все ж другие в мире этом
Есть разновидности бесед.
И дух — а пчелы роем следом! —
Войдет, и величав и сед.

И залепечешь неумело,
Куда девать не зная рук, —
Перед явлением Гомера,
Возникшего из мрака вдруг.

1965

* * *

Я мужество воспринимаю
Как то, что мудрости ценней,
Хотя я и не отнимаю
Всего, что сказано о ней.

О, сколько мудрости у басен,—
Веками скоплен ум, как мед!

Но как же первый шаг опасен
Встающего на пулемет!

Могилу выкоют кирками.
Положат. Встанут, шапки сняв!..

А мудрость разведет руками,
Так ничего и не поняв.

1965

БЫТОВЩИНА

Смачная поперла бытовщина,
Словно омут начала кружить.
Человек на свете — молодчина!
Что бы ни случилось — хочет жить!
И предсмертной рвотою марая
Простыню иль, вдаренный в висок,
Ртом он ловит воздух, умирая,—
Хочет заглотнуть еще разок!
Зубы втиснуть в яблочную мякоть.
Слыша скрипку в жалостном ключе,
Хочет доверительно поплакать,
Захмелев, у друга на плече.
Хочет страстно видеть, как обертки
В теплый полдень сходят с эскимо,
Так же как с медлительной красотки
Падает наряд перед трюмо.
Хочет, чтобы на месткоме снова,
Вставши фертон, выкатив белки,
На вопрос: «Не снять ли нам Петрова?»—
Тонко крикнуть: «Руки коротки!..»
Хочет он какой-нибудь утехи,
Коль понижен иль переведен.
Хочет он, идя домой, в аптеке
Не спеша купить пирамидон.
Хочет жизни. Все равно — сидячей
Или не сидячей. Да, любой!
Хочет, чтобы день кончался дачей,
Вдалеке полоской голубой.
Чтоб в жене вдруг завязалась завязь
Чтоб гулял бы голубь по трубе.

Чтобы взял его сынчика за нос
И, пребольно, потянул к себе..
Что еще? Еще, пожалуй, надо
На карачки во дворе присесть,
Пальцем тыкать: теплые щенята!
Мазью в суку. Рыжевата шерсть!
Да однажды тянуть из бутылки
И, споткнувшись, прямо в сад упасть,
Дай ему, бродяге и чудиле,
На земле покурлесить всласть!..
Но всего сильнее ему охота
Прежде этих всяких там вещей,
Как бойцу, что прибыл из похода:
Ломоть хлеба да тарелку щей.
Да чтоб мать звала его Васютка —
Ничего, что хмур и бородат.
...Никакие доводы рассудка
В том его не переубедят.

1965

СИРОГА

Нам в детстве сказок не читали.
На сказки был тогда запрет.
О целлюлозе, о металле,
О нефти знали из газет.

Но раз — не рапорты, не сводки —
Мы слушали, открывши рот,
О замерзающей сиротке
В ночи, под рождество...

В тот год,
Гремя, страна вооружалась.
Шли к Пресне танки неспроста!..

И тайно наше сердце сжалось
При тихом слове «сирота».

1965

Т РА М В А И

В нашей комнате, днем сотрясаемой дрожью
Проходивших трамваев, меж окон в углу
Шкаф стоял. Я когда-то, бывало, к подножью
Шкафа этого шел. Я играл на полу.

Год был 37-й. Приносили газеты.
Расстелив, я их лежа читал — на локтях.
И веселые зайчики, солнечные непоседы,
Безмятежно плясали на страшных статьях.

Грохот был — по причине плохого настила!
Нашу комнату этим голубеньким днем,
Будто бы истеричку, с утра колотило
От трамваев, несущихся вскачь за окном...

Только ночью была тишина. Как молитва.
На подушке щекой, засыпая уже,
Думал я в полудреме о дверце от лифта:
«На каком она стукнет сейчас этаже?»

1965

• • •

Крепкоспинны и коренасты,
На скамейках сидят борцы.
Разминаясь, гуляют гимнасты,
Потирают ладонью крестцы.

Детвора облепила заборы,
Зданыя флагами обагрены,
Зубоскалят в кружок дискоболы,
Углубились в себя бегуны...

Но ракета еще не взлетела,
Как бы кто-нибудь не отложил
Этот праздник вспотевшего тела,
Вздутых мышц и напрягшихся жил!

Ведь еще утрясают составы,
Где-то кубки, медали, венки!
Пусть же хрустнут бесстрастно суставы
И проступят сильней позвонки!

Пусть ж лента летит голубая!..
Пусть замрет в повороте бедра,
Руку медленно выгибая
Над собою, толкатель ядра.

Сокращается бицепс упруго..
Пусть штангисты присядут слегка,
Чтоб надулась на шее баруха —
Складка крепкая, как у быка.

Знаю, прежде чем кончить речамъ
Этот день, — под мотив «Сулико»
Выйдут девочки с обручами
И станцуют легко.

1965

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Посмейся надо мной! Скажи какой чудаки..
Я буду говорить. Все выскажу к рассвету.
Я знать хочу: что бред! Что все это не так!
Что страх напрасен мой! Что ничего ведь нету!
Детали приведу. Тут факты, мол, одни!
Вот так-то, мол, и так. Все просто, мол, донельзя!
Я буду говорить. Ты уши вдруг заткни.
Скажи: какой дурак!

И надо мной посмейся.

1965

ВЕРНИТЕ РУКОПИСЬ

«Не последние рукописи
авторам не возвращаются».

Возвратите рукопись, верните!
Рукописей, говорят завал!..
Может быть, он сам суровой нитью
Хмуру эту рукопись спивал.
Возвратите! Он ее, быть может,
Не отдаст под сельдь в кооператив —
Сам в горячей печке уничтожит,
Мрачно руки на груди скрестив...
Ничего, что, как живое тело,
Вся исполосована ножом!
Рецензент ее — для пользы дела! —
Красным искромсал карандашом...
Возвратите! Там ведь есть виньетки.
Мало ль, что ли, на земле чудил!
Голубей и вьющиеся ветки
Сам ногами вдумчиво чертил.
Мятую. В каком угодно виде.
Может, на пол кто-нибудь бросал!..
Возвратите рукопись. Верните!
Он старался все-таки! Писал!
Не чета какому-то ломаке,
Он все ждет. Так будьте же добрей!
Возвратите! Там одной бумаги
На десятки, может быть, рублей.
Вас рассудят в будущем потомки.
А пока верните-ка назад!..
...Папка. И кальсонные тесемки
Из нее загадочно висят.

1965

• * •

В тот Новый год я выпил водки
Впервые. Гомон вокруг стола!
А Левштан закончил сводки,—
На фронте кислые дела.

...И закружилась, полетела
Вдруг комната. Упала прядь —
И брэнного не в силах тела
Я был от стула отодрать.
Но все же я привстал и валко
Пошел. «Налей! Еще хочу!..»

И в шутку одноклассник Валька
Меня ударил по плечу.
И я схватил его в отместку
За шею. Хохоча! Без зла...

...Не знал я, что уже повестку
Мне дворничиха принесла.

1965

ЧУТЬЕ

Брожу в тайге. В селе ночую...
Не катаньем, ну так мытьем —
Я то, что не пойму, почую
Глухим, прадедовским чутьем!

Меня к познанию приохотят,
И озаренья закипят.
Пойму, откуда происходят
И паводок и звездопад.

Мир как разрытая порода —
Без золота. И я увяз...
И мне признается природа
В том, что таит она от вас.

1965

ПУТЕШЕСТВИЯ

Тот в Гватемалу, а другой на Кубу.
Один с вокзала, этот на вокзал.
А я пошел по направленью к клубу.
Пришел. Бутылку пива заказал...
Быть может, где-то, виски попивая,
Глядите в синем аэропорту,
Как потолка великая кривая
В прямую обрывается черту,
И снова закругляется, и снова...
Друзья, вы так спокойны!

К сроку сдан
И движется до лифта подвешеного
Ваш в лаковых наклейках чемодан...
И тяга к путешествиям —

а я-то
Всегда считал: мол, в детстве умерла! —
С тяжелой каплей ласкового яда
Вдруг больно входит в сердце, как игла...
Я вижу гималайские просторы,
Где виснут накрененные орлы.
И даль, где пальмы воткнуты в атоллы,
И паруса,
то сини, то белы...

1965

* * *

Стареет все. И то, что устарело,
Таинственность имеет старины.
Сарматская стрела от самострела
Иль мшистый камень крепостной стены.
Года величье придают платану...

Столетия повернется колесо,—
Такой обычный,
я однажды стану
Далеким и загадочным...
Как всё.

1965

НЕ ПЛАЧЬ

Ты не плечь, не плечь, не плачь. Не надо.
Это только музыка! Не плачь.
Это всего-навсего соната.
Плачут же от бед, от неудач.

Сядем на скамейку.
Синевато
Небо у ботинок под ледком.
Это всего-навсего соната —
Черный рупор в парке городском.

Каплет с крыши дровяного склада.
Развезло. Гуляет черный грач...
Это всего-навсего соната!
Я прошу: не плачь, не плачь, не плачь.

1965

Я, ЛЮДИ, С ВАМИ ЕЛ И ПИЛ

Я, люди, с вами ел и пил...
Я, единица, не был дробью!
И все же род людской лепил
Меня по своему подобию,
Чтоб я вставал во всей красе,
Подняв гранату перед дотом,
Чтоб я хихикал, как и все,
Давясь скабрзным анекдотом.
Я в разговорах долгих вяз,
И если опустить детали,
Ведь вы меня одним из вас
По праву полному считали!
И на полу в товарняке
Меж лыж и плотницкой пилою
Дыханье ваше на щеке
Я чувствовал ночной порою.

Я, люди, с вами ел и пил...
Шел на дневальство, покалякав.
Могучий дух над Русью плыл
Казарм, госпиталей, баракон.
Мы сами все чуть что — содом!
Мы спорим, горячимся, ропщем.
А ведь другому не даем
Над мнением подняться общим!
И будто бы мне вменено
В обязанность: в тени горсада
Играл я с вами в домино,
Поддакивал, коль было надо.

О, как ваш переменчив нрав:
Лишь крик: «Ребята, неужели?!» —
Хрипя, бросались, растоптав.
Но миг — и вы уж пожалели.

Я, люди, с вами ел и пил...
Я не гнушался хлебом-солью,
Я тоже отдавал свой пыл
Бродяжьей песне и застолю.
Галдели мы у переправ.
Сходились для ночной облавы...
Ну что ж, я в чем-то был неправ, —
Но в чем-то были вы неправы!
Бежали мы одним путем, —
В метро со злобою во взоре
Меня толкали вы локтем,
Я наступал вам на мозоли.
Я кашлял, я потел, я сип.
Нельзя быть вроде отдаленней!
Но вы передавали грипп
Сквозь вашу теплоту ладоней.

Я, люди, с вами ел и пил...
Спал под шинелькою одною
И одиночество купил
Неимоверною ценою!
Под тентом в глубине Москвы
Сидел я, пиво попивая,
Хоть кружку захватили вы,
Как ручку старого трамвая...
Я не был сладок, не был кисл.
Давался гладить по головке.
Как был противен здравый смысл
В заплесневелой поговорке!
Вне очереди влезть хотел.
Воды ждал в захрипевшем крае,
А дым от перегретых тел
Стоял до мокрых балок в бане.

Я, люди, с вами ел и пил...
Носил одежды «Москвошвея».
Стандартный галстучек купил.
До рези натиралась шея.

К чему отличия печать.
Вы люди. Правильного склада!
Вам дали право обучать:
То делай! Этого не надо!
Прислушиваясь к деревьям,
Я ночью шел в лесу, далече...
О, как меня тянуло к вам,
Где щи, где пар, где ваши речи!
А ну попробуй не уважь!
Отец! Но вы бывали строже!..
Я был затерян среди вас.
Вы люди. Но и я ведь — тоже!

1965

О В Л А Д Е В А Н Ь Е

Овладевай домами!
И собственной судьбой.
Подвалами. Дымами.
Сиденьем. И ходьбой.

Есть тайные пружины,
Знай нажимай — давай!
Вождением машины
Смотри овладевай!

Своею головою.
И ветерком с морей.
Всемирной кладовой
Овладевай смелей!

И флейтой чародея.
И верою в людей.
Живи, пером владея.
Волненьем овладей!

Будь и простым и милым.
Мир побеждай! Живи.
Смелее с этим миром
Себя отождестви...

А я во тьме привала
Был к звездам вознесен.
И мной овладевала
Вселенная, как сон.

Как в танцевальном зале.
Мелькало все вокруг.
А вещи ускользали
Из вытянутых рук.

И, предаваясь спорам,
Гудел, под ливнем мок
Тот странный мир, которым
Я овладеть не смог.

1953

• • •

«Вкушая, вкусих мало меда...»

Как сладок мир! Он будто б весь в меду.
О, как на жизнь вы, сластолюбцы, падки!..
И, кажется, вот дух переведу —
И снова припаду к тяжелой кадке.

И прелести тягучего глотка
На свете нет, наверное, предела!..
Как сладок сон. Как синева сладка.
Как сладко славно выбранное дело.

Струится мед, прозрачен, как стекло.
К моим губам все б кадка прилипала!..
«Ну, сладко было?» — «По устам текло,
Да что-то в рот как будто не попало...»

1965

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В усадьбе с колоннами — в центре поселка
Музей краеведения расположен...
Тут чучело цапли. А рядом двустволка
Тургенева. Ржавая сабля без ножен.
Какие-то кости и бляха: находки
В разрытых сарматских курганах. И видов
Различных густые сапожные щетки, —
Их выпускает артель инвалидов.
Портрет: дама в локонах белых. По сини
Овальное личико. И опахало.
Когда-то играла на клавесине.
Гусара ждала из похода. Вдыхала!..
Стою посредине. Торчат мои уши.
И шея вытягивается. И к даме
Мое подымается сердце. И лужи,
От снега растаявшего, под пимами...
История, что же мне делать с тобою?
Вдоль шлемов, что цветом горят побежалым,
Вдоль стертых пицалей неслышной стопою,
Как кошка — побежкой, движусь по залам.
О чем говорят они, эти предметы?
Осколки кувшина. Лоскутное знамя...

Мы мчимся вперед, и — как хвост у кометы —
Пропешдшее вытянулось за нами.

1965

СТРАСТИ

Сгребают выигрыш горстями.
Иль с маху прыгают в седло...

Изборужденное страстями
Я вижу пред собой чело!

Как тот силач, что, крякнув, разом,
Озлясь, сгибает кочергу,
Вот так прямолинейный разум
Вдруг превращается в дугу.

Но все проходит, лишь — жестоки! —
Домашние былым корят
Да брыльями отвисли щеки,
Чубук до пола да халат.

И снова полон мир страстями:
Глаза партнеров ледяны,
И козырь кроется крестями,
И вновь «лепажи» взведены!

Как распрямленная пружина,
Что вверх, раскручиваясь, бьет,
Миг — зеркальная плешина
Обильный выделяет пот!

Дедок крадется к молодойке...
За вилы! Мор, и трус, и глад...
С кайлом ползет чудак в Клондайке,—
Он отыскать собрался клад!..

Квартиры коммунальной сцены!
Как толком взорванный уют!
Хранить умеют тайну стены,
Когда в сердцах посуду бьют.

А после пишут письма. Плачут!
Снимают карточку с гвоздя...
Глаза заплаканные прячут,
На службу утром приходя.

Кто ведает: что там, в камере?
Но лад — на людях. При гостях...

Вопят больницы, загсы, морги
О человеческих страстях.

1965

ПУСТОЙ ОБРЯД

Суровой повседневности обряд,—
Вопрос: «Как жизнь?» И тут по ритуалу:
«Да ничего». — «Ну будь...» — «Вот так-то, брат...»
Но человек начнет мало-помалу
Рассказывать:

«Такие, брат, дела... —

Сначала, так, с неловкостью, несмело.—

Жена на той неделе умерла.

Дочь что-то, между прочим, заболела.

Зашел бы. Как-никак...»

Я на него

Гляжу. Он козырек надвинул. «Э, он плачет...»

...Спроси: «Как жизнь» — ответят: «Ничего...»

Но это ничего еще не значит.

1965

ОПЗДАЛ

В поездах есть что-то отчаянное...
Я стоял одиноко на обледенелом перроне,
Затерянном среди степей Башкирии.
Что может быть фантастичней и безутешней,
Чем свет электрического фонаря,
Качающегося на ночном полустанке?

Мимо меня изредка проносились составы.
Они обдавали меня дребезжаньем
И угольной пылью.
И всякий раз я придерживал пилотку,
Словно здороваясь.
Кривое, голое дерево, росшее у платформы,
Вытягивалось вслед за ними...

Я ждал, что какой-нибудь эшелон
Все же наконец случайно остановится!
Вдалеке чернела глыба леса...
Я поднимал голову:
Надо мною было несчетное
Воинство звезд.
Полки звезд. Дивизии звезд. Армии звезд.
Они все двигались куда-то...

Час назад я отстал от эшелона,—
Бегал за кипятком.
Мне угрожал трибунал.
Я стоял, —
Снег вокруг моих ботинок подтаял,
А в алюминиевом чайнике,

Который я держал в руке,
Вода уже покрылась корочкой льда...

Я видел над глыбой леса,
Далеко-далеко, в стороне от других отставшую,
Одну маленькую звездочку.
Я смотрел на нее.
И она смотрела на меня.

1965

* * *

Не знаю, для чего дано и мне
Нелегкое стремленье к вышине?..

И как меня бы до земли ни гнуло,
И как бы ни давил вселенский крен,
И как бы ни склонялся я сутуло,
Лицо свое упрятав меж колен,—
Я встану, разогнусь и протяну,—
Зачем? — не знаю,— руки в вышину.

1965

ЗЕРКАЛА

Один идет, чтоб пасть в дыму сраженья,
А этот — ни двора и ни кола...
Но есть она, потребность отраженья,
И требует, чтоб были зеркала.

Чтоб на стене они под стать обоям
Мерцали в рамках на старинный вкус,
Чтоб можно было лихо перед боем
Накручивать кудрявящийся ус.

Иль, насбивавши в торбу за день корок
И перестав тянуть гнусаво нудь,
Сесть тихо, вынуть зеркальца осколок
И наконец-то на себя взглянуть:

«Да, весь в пыли, но близко до ночлега.
Морщинки что-то возле глаз, — устал...»
Чтоб лик нерукотворный человека
В ладони вдруг негаданно предстал...

...Лишь посмотри — и как на фото снято!
И, трещинку потрогав на губе,
Сказать: «Эх ты!» Наверно, это надо...
И улыбнуться самому себе.

1965

ОДА ЛИНИИ

На мир скорее посмотри —
И легким мановеньем рук
Из мира контур уברי,—
Мир в хаос превратится вдруг!

Ну, так какого же рожна
Кричим, не смысла ни черта?
О, как же на земле нужна
Ограничения черта!

Я более скажу: и нет
На свете ничего важней,
Чем линия,— любой предмет
Предметом делается с ней.

Какая странная игра!
Ты линией к себе влеком:
Кривая линия бедра,—
И к горлу подступает ком.

Беру перо: вмиг создана
Корова росчерком одним.
Я славлю линию! Она
Живое делает живым.

Будь власть моя,— все ерунда!
Мне право, бред всегда претил —
Я б параллельным навсегда
Пересекаться запретил.

Так в чем ее все ж будет суть?
Долбили ж в голову тебе!
Она? Так то кратчайший путь.
Меж точек, помнишь, А и Б.

И мы куда-то все идем.
Пред нами линия вдали
Лежит,— то вечный оксем—
Слиянье неба и земли.

1965

СТИХИЯ

Я фото видал в иностранном журнале:
Потоком разрушенные мосты...
Стихия!

А в средних веках не она ли —
Сред неба вдруг огненные кресты?!
И голос ее, сокровенный и древний,
Пугал обмирающие моря.
И падали дружно в степи всей деревней,
Стихию о милостивости моля.

Но ни справедливости и ни пощады
Не знает она.

Мановенья руки —
И домики, трогательны и дощаты,
Смывает, как спичечные коробки.
Приходит стремительная и слепая!
И праведник в ней погружался — до глаз.
И рот открывает он, утоная,
Чтоб плюнуть в лицо ей в последний раз...

В секунду настигнут смертельною лавой,
Спит город.

Из кратера медленный дым!
И вот победитель, увенчанный славой,
И раб накрываются пеплом одним.
И гнутся уныло простертыя рощи,
Корнями над пропастями вися...

Кто устоит против натиска мощи,
Уничтожающей всё и вся?..
...И я слышу голос остудный стихии.
Бьет в стекла! В осоку забрались чирки...

И что ж! Ты уж ноженьки греешь сухие.
И мокрые виснут на стуле чулки.

1965

ПОБЕГ С УРОКА

Как сладок был побег с урока!
Бреду. Распахнуто пальто.
Мокры деревья, и сорока
Кричит, как бы узнав про то.

На пальцах синие чернила.
Что делать посредине дня,
Когда свобода осенила
Своим сиянием меня?

Сейчас сидят сутулясь в классе.
Учитель хмуро мел крошит.
Бреду. Обрушились все связи.
И воля голову кружит.

Вот так ходили в перепалки!
Так погибали на кострах!
Бреду в Сокольническом парке
И сладкий ощущаю страх.

Примкнувший к трепетному стягу,
Я больно чувствую в себе
Преступную, по сути, тягу
К неразрешенной синеве.

1965

ПОБЕДА

— Что мрачен ты? Да здравствует победа!
Как Иаков с богом. Вот была возня!
Ты обогнал на полвелосипеда.
Ты обошел на голову коня.

Досталось всем! Помучались! Несладко!
Сейчас справлять бы надо торжество.
Окончена стремительная схватка.
Что ж плачешь ты?
— Я победил его!

1965

МУЗКОМАНДА

Тем гимнастерки узкозаты,
А этим слишком велики.
Стоят солдаты музкоманды,
Нестройные фронтовики.

Война в них мужество вселила,
Но только флейты в их руках.
И алюминиевая лира —
Как капля на воротниках.
Идут. И глухо стонет глина
Под грохот кружек жестяных.
Гармония и дисциплина —
Двоеначалие у них!
И на привале парень тронет
Ртом инструмент — и сразу ж тут
По дому полк в тоске застонет,
Офицера слезу смахнут.
Но кто же бросит комсоставу
Упрек из-за одной слезы,
Не запрещенной по уставу, —
Коль в неслужебные часы?..

Под артогнем, во рву, у края
Оркестр гремит, судьбой храним,
Мир хаоса преображая
Искусством праведным своим.
В пилотках набок — неказисты:
Вот тот сутул, а тот в очках.
В шинелях латаных артисты,
Богема в мятых сапогах.

Восторг в их души жизнь вдохнула.
И как легко они парят!
Развод ли это караула.
Иль похороны. Иль парад.
Им важно все. Им все едино.
Ведь тонко чувствуют они:
Гармония и дисциплина
Друг другу в глубине сродни.
Достаточно фальшивой ноты,
Чтобы в казарме мыть полы!
Искусства ж вечные высоты
Недосягаемо белы.
Что там? Армейская палатка?
Иль врывшийся в суглинок дот?

Бог стройности и бог порядка
Вперед их за собой ведет.

1965.

* * *

Мыслители по старинке
Цедили слова. Роняли!..

Сократ целый день на рынке.
Олеша в «Национале».

А мы-то на свете белом
Все мечемся, все хлопочем!..

Они-то ведь между делом!
Они-то ведь между прочим!

Стакан подымая мутный,
Из-под бровей зрачками
Грозил. Но выходит мудрый,
Поддерживаемый учениками.

Они почти не писали!

И все же, словно на меди,
Все то, что они бросали,
Поныне живет на свете.

1965

ТАНЦЫ

Какое странное занятие!..
Стоять вот этак, чуть бочком,—
В два пальчика берется платье...
И вдруг притопнуть каблучком.
И вот, стуча нога об ногу
И улыбаясь ни к селу,
Перемещаться понемногу
По направлению к углу.
Не потеряться б с кавалером!
Он чувствуется, как магнит.
Он рядом этим же манером
Ногами быстро семенит.
Лететь как бы спираль — витками.
Взопреть. О, пота остротца!
Упасть на стул. Махать руками
Вкруг темно-красного лица...

Чуднее этого занятия
Найти, ей-богу, мудрено!
Ведь точно сестры, точно братья
Мы все, кого кружит оно.
Кружить давайте ж, словно дети,
Хоть это будто мир старо,
И в «барыне», и в менуэте,
И в гопаке, и в болеро.
Давайте же лететь! Быть может,
Кто знает, ведь судьба слепа,
Вдруг смысл вселенной нам поможет
Понять какие-нибудь па.

Пусть выются юбки, словно флаги,
И креп-сатин и креп-жоржет.
Пусть черные кружатся фраки
И нитка белая манжет.
Давайте щелкать каблучками,
Чтобы, хватаясь за сердца,
Вдруг сесть на стул, махать руками
Вкруг темно-красного лица.

Знать надо, чтобы это было.
А нет — так надо б то создать,
И чтоб нога бы ногу била.
И взвизгивать. И приседать.
Причины этому глубоки,
А следствия-то велики!
И надо, чтобы — руки в боки —
Дробь выбивали каблучки.
Знать, есть потребность в самом деле,
Чтоб в пальцах был подол зажат,
Чтоб кровь, свистя вращалась в теле,
Чтоб мчались волосы назад.

1965

* * *

Идет спектакль. Идет Мольер!
Идет? Несется во весь карьер!..
Невеста. Сводня. Жених. Отец.
Хвостун. Мыслитель. Чудак. Хитрец.
Здесь что минута — другой типаж!
Гризетка. Циник. Аббат. Апаш.
Старушка вяжет. Влетел нахал.
Поет гуляка, подняв бокал...
Идет спектакль!.. Идет Мольер!
Идет? Несется во весь карьер!..
Хоть почву в метр перепаши —
Как репки вырастут вновь типаж,
Кудряв — мечтатель. Бедняк — горбат.
Скупец. Ученый. Транжира. Фат.
Один в бостоне. Другой разут.
Спектакль мчится! Они идут.
Конец!.. Но снова! И в свой черед:
Злодей. Красавец. Святой. Урод.

1965

РИТМ

1966

* * *

Что там ни говори, а мне дороже
И все милее с каждым годом мне
И ритм деревьев, зябнущих до дрожи,
И ритм капли на моем окне...

И от того, что сущность мира скрытна
И до сих пор темна еще она,
Нам истина того простого ритма
Как истина последняя дана.

1966

ПРОРОК

И вот я возникла у порога...
Меня здесь не считают за пророка!
Я здесь, как все. Хотя на меня втроем
Во все глаза глядят они, однако
Высокого провидческого знака
Не могут разглядеть на лбу моем.

Они так беспощадны к преступленью!
(Здесь кто-то, помню, мучился мигренью?)
— Достал таблетки?! Выкупил заказ?
— Да разве просьба та осталась в силе?..
— Да мы тебя батон купить просили!
— Отправил письма? Заплатил за газ?..

И я молчу. Что отвечать — не знаю.
То, что посеял, то и пожинаю.
А борщ стоит. Дымит еще, маляц!..
Но я прощен. Я отдаюсь веселью!
Ведь где-то там оставил я за дверью
Котомку, посох и багряный плащ.

1966

АВТОБИОГРАФИЯ

А надо мной, как меч Дамоклов,
Мой смертный час, и я спешу.
Ведь я свой собственный биограф, —
Я биографию пишу!

Где я родился. Где я вырос.
Чем занимался. Где служил...
Рубахи нижней длинный вырез
Мне грудь по пояс обнажил.

Вот мелких дел моих реестр...
Я современник свой живой.
Что делать мне?
Ведь я свой Нестор —
Полночный летописец свой.

Кем был. Что значу. И что стою...
Что руку двигает мою?

Черту — помалу — за чертою
Я свой портрет воссоздаю.
Я мог бы обзреть, конечно,
Своих деяний громкий круг.
Как смел я! Как любил я нежно!

Я — как отец. Как муж. Как друг.
Как мудр! И где мои истоки.
Намек на что-то — остротца!..
И замер я б навеки в тоге
Неустранимого борца.

Но откровенности кривая
Несет. Во мне тоска живет,
Грудь перед миром раскрывая,
Как пред анатомом живот.

1966

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Веселые самоубийцы
Мчат, накренившись, по шоссе.
В пятно смешавшиеся спицы
Поблескивают в колесе.

Ведь есть автобусы. Трамваи!..
Покинули родимый кров.
Иль мало вам поотрывали
За всю историю голов?!

Им ли листать томов страницы,
Воспоминая вороша?!
Веселые самоубийцы, —
Им сладок ужас выража!

Неужто же все песни сны?
Вот тот сидит: кум королю...
Мчат по шоссе велосипеды,
Припали головы к рулю.

О указательные знаки!
Вы не для тех, кто половчей.
Какие делают зигзаги
Меж ЗИЛов, «Волг» и «москвичей»!

Что гонит? Вместе всех и порознь!
Какого надо им рожна?
А ничего! Одна лишь скорость
На этом свете им нужна.

Чтоб от дороги, не иначе,
Был угол к линии спины:
Они решением задачи
Статической увлечены!

Чего бояться? Если даже —
Удар! На людях смерть красна!
Что смерть? Ведь если это в раже,
То как проснуться ото сна!..

Велосипедный мир в упадок
Придет еще не скоро. Вот.
Великая работа пяток
Все злей и злей из года в год.

Лети, не ведая покою!
А воля? Иль она слаба?!
Лишь только иногда рукою
Пот все же вытирай со лба.

Так жми сильнее на педали,
К рулю щекою припади
И где-то в беспредельной дали
В пыли дорожной пропади!..

Ну что же, глянем беспристрастно:
И прежде были рысаки.
Ты хочешь рассекать пространство?
Ну что ж, прекрасно! Рассеки!..

Чтобы, застыв в безмерном крене,
Лететь на дом, на столб, на сад,
Чтобы ходили вверх колени
До подбородка и назад.

Руками лишь всплеснешь: — Поди ж ты!
Им все пустяк! — Осенним днем —
Шоссе. И велосипедисты
Как бы кузнечики на нем.

В канаву сядет, чуть не плача.
А раньше ехал фон-барон!

Что это? Спала передача
Или не выдержал баллон?!

Регулировщик, делай пассы!
Но ведь средь городских громад
Большой смелости запасы
Их изнуряюще томят.

Ее оставил дед и прадед.
Любой был в скорости горазд!
Они ее и жгут, и тратят,
И скидывают, как балласт.

Их било. Ноги им ломало.
Казалось — хватит. Прекрати!
И все ж ее еще немало
Под майкой слева, там — в груди.

Вот встала с лошастью повозка.
Удар! И вот уж мертв и глуп
Лежит, и синяя полоска
Взамен потрескавшихся губ.

А ничего — сработал чисто!
О дышло прямо головой...

Могилы велосипедиста
Вовек не зарастет травой...

Так вот она пришла, расплата
За безрассудство этих трат!

...Их кепочки, как бы опята,
Опять на улицах пестрят.

ПАМЯТНИКИ

Отпела. Отсверкала. Отблистала.
Что говорить! Все кончено. Прости!..

И памятники сходят с пьедестала,
Чтоб вдаль куда-то через пыль брести.
Они бредут там, где в узлах коренья,
Где капли от дождя, как будто ртуть.
На бронзовые падают колени.
И каются. Бьют кулаками в грудь.

Мне жалко их! Какая это мука.
Все не уметь и все на свете знать!..
На бронзу лба, жужжа садится муха,
А нету силы, чтоб ее согнать.

И робкие, как бы в часы учебы,
Они стоят там, где следы копыт,
Где камешки. И все то ничего бы,
Да прошлое величье тяготит.

1966

* * *

Катары, астмы и подагры
И прочее — не ерунда.
Так поезжай-ка, брат, под Гагры.
Иль в Ялту. Иль еще куда...
Ну вот уж, право, не хватает,
Чтоб впасть растерянно в скулеж,
Когда за сердце вдруг хватает
Угрюмый атеросклероз!
И все ж я верю, нет болезней!
Я думаю: болезни — блажь...
Что моря может быть безбрежней?
И бесконечнее, чем пляж?!
Чтобы подкатывали волны
К тебе, — а ты сидишь разут...
Пусть вороваты и проворны
Подтащатся и отползут!
Ты был и мнительным и скрытным.
А водоросли здесь святы!..

Лечить себя на свете ритмом
Неотдыхающей воды!
Ложись щекой на мокрый щебень.
Пусть под тобою мир развёрст!..

На свете ритм воды целебен
Да мерное мерцанье звезд.

1966

* * *

Как трудно оторваться от зеркал
В семнадцать лет! И служат зеркалами
Река Москва и озеро Байкал,
Браслетка и стекло в оконной раме.

С велосипедом парень. И как раз
С девчонкою наладилась беседа!
Она молчит. И все ж скосила глаз
На никель обода велосипеда.

И девушка-геолог попила,
Рюкзак огромный скинув, из болотца,
А все глядится... «Встань! Уже пора!..»
А все никак, никак не оторвется.

Наверное, в том все же что-то есть!
В трюмо себя счастливым взглядом смертью!
Но где-то там за все готова месть:
Завешивают зеркало при смерти.

1966

ИСТОРИЯ

На улице, и средь застолия,
И в час, когда лежал больной,
Всем верховодила История.
Она стояла надо мной...

А я в совхозе сено кашивал.
Следил глазами поезда.
И — маленький — ее я спрашивал:
«За что? Кому? Зачем? Куда?..»
Темнело. Стало что-то ветрено!
О косу я водил брусок...
Знал: мне увидеть предначертано
Ее, Истории, кусок.
Трассировали в небо синее,
Пересекая ночь, тогда
Ее светящиеся линии.
Ее гремели поезда.

1966

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Я научился понимать
Явления большого ряда...

Меня вела за ручку мать
Туда, на таинство парада...

Сперва пехоты шли полки.
Вдруг пушки — без конца и края!..
И, страшно выкатив белки,
Я только охнул, обмирая.

Людей пугая не со зла,
В воинственных доспехах бранных,
Мощь государства снизошла.
В знаменах. В трубах. В барабанах.

И чтобы шире даль была,
На плечи взял меня верзила...

Меня до пяток потрясла
Вдруг государственности сила!

Бьют в камень миллионы ног.
Пехота движется морская.
И маршал, вытянув клинок,
Стоит, колонны пропуская.

И снова ужас охватил
Мистический, как и вначале,
Когда о стонущий настил
Тупые танки застучали.

...На площади клочки сена.
Дрожит под маршалом кобыла...
И государство, как птенца,
Меня крылом своим накрыло.

1966

* * *

До мая несколько недель,
Но с крыши нашей жилконторы
Стучит тяжелая капель,—
Я остро чувствую повторы.

Я ритм улавливал во всем:
И в том, как каркала грачиха,
И даже в том, что за овсом
Шла белой полосой гречиха.

Брала порою даже злость,
Покою не знавал за сутки.
За стенкой забивают гвоздь —
Я ж отмечаю промежутки.

Иль вот сидишь себе в гостях...
Но хватит умножать примеры!
Короче, я вдруг поднял стяг
Восстанья против четкой меры.

Я думал, хаотичен свет
И все навалено навалом,
А пульс стучал мне: нет да нет
С определенным интервалом.

1966

ОДИНОЧЕСТВО

Из пушек бьют. Идет игра за кроны.
Блистают шпаги в глубине траншей...

А жизнь обычна. Есть у ней законы,
И знаю: нет их ничего страшней!

О, горестная повесть одиночек
Квартиры коммунальной. Без волчка.
Нет, не Дюма, а Диккенс. Добрый счетчик
Здесь роль играет верного сверчка.

А к Тюильри съезжаются кареты.
Выходят люди в масках и плащах...

Но в доме ни единой сигареты.
Жирок застыл кружочком в старых щах.

1966

СЕРЬЕЗНОСТЬ

Кричим, шумим, хохочем,
Но посредине дня
Серьезность, между прочим,
Вдруг посетит меня.

Как бы колдун колдует!..
Она не без причин
Мне на чело надует,
Как на реку, морщин.

Не соловей о розе!..
Я движусь напролом —
На полном «на серьезе»
Сижу, скребу пером.

Не слизыванье крема
Иль пенки с молока!..
Центральная проблема,
Как бездна, глубока.

Какое продолженье
С потерей ферзя?!
Серьезно положенье.
Серьезней быть нельзя!

Я не меняю позы,
От лампы резкий свет.
Поставлены вопросы,
Я должен дать ответ.

Пифагореец мелет
Про тайны разных числ,
Но все же мир имеет
Какой-то главный смысл.

Конечно, не снаружи,
Конечно же, внутри!
Перо сжимай потуже
И в суть вещей смотри!

Я думал: я не вечен!
Коль так, то все — слова!
И я бывал беспечен:
«Все пена! Трын-трава!..»

И в мир я верил слабо,
Во все его дела.
Но на плечо мне лапа
Серьезности легла.

Я, не жалея пыла,
Кричал: «Мне все равно!..»
Серьезность проступила,
Как через бинт пятно.

Мне дух ее явился,
И думал, что умру!
Я шуткой подавился,
Как костью на пиру.

Суровы в мире песни.
Серьезны фонари.
Серьезен мир, хоть тресни.
Хоть лопни. Хоть умри.

1966

* * *

Жизнь — это конь, что рвется из удил,
Что вертит крупом, скинуть наземь метя...

Жизнь может вдруг подмять,— и я ходил
С рогатиной на жизнь, как на медведя.

Жизнь — это бойкий боток посреди
Бездн и высот. Гребни же, бел от злости...

Тебе ответ? Так вот он: победи!
Как сказано в грузинском древнем тосте.

1966

* * *

Вскинь классический лук и сквозь щель
амбразуры

Жертву высмотри и порази!..
Вы порхали легко, фронтовые амуры,
Ваши крылья в крови и грязи.
Ваши стрелы — они беспощадны и метки.
В блиндаже что б поделать смогла
Санитарочка — только что из десятилетки,—
Если в сердце попала стрела?
Вы летали свободно, босые ребята,
Не боясь под бомбежку попасть,
Чтобы в рыжих глазах диковатых комбата
Загорелась тяжелая страсть.
Чтоб текло бы под пальцами девичье тело
Да лохматой овчины пола...

Только перышко, колыхаясь, летело,
Мягко выпавшее из крыла.

1966

И Г Р А

А на земле идет гигантская игра.
Играет море. Облака играют.
Мальчишка, мяч держа, кричит: «Пора!
Айда играть! Команду собирают!..»
Как в мире разыгралось все — смотри!
Играет крупом конь — струится грива.
Играет свет и тень. И фонари
Подмаргивают в сумерках игриво.

...Мне тож не чужд безудержный азарт,
Но я не выношу игры без правил!
Нельзя фигуру отдавать назад,
Уж коль противник твой ее подставил.
И взгляда вбок лукаво не коси,
Подобно хитроватому авгуру,
И сам, смотри, обратно не проси
Потерянную второпях фигуру.

Бьет карта карту. Нечет! Снова чет!
Игра идет по крупной. Просят сдачи.
«Ты жил?!» — «Да, жил!» — «Так вот пришел
расчет,
Давай плати! А как же, брат, иначе!»

1966

НАСЛАЖДЕНИЕ

В окне полуовальном — здание,
Портал, ворота, как пролом...
И — словно школьное задание —
Он водит нехотя пером.

Но, понемногу пламенея,
Он подошел к такой черте...
И вдруг внезапная идея
Все осветила на листе.
И вот огонь уже играет,
И вот котел уже кипит.
Он только руки потирает,
И только стул под ним скрипит.
Приговоренный самосудом
К служенью, он, как Вечный жид,
И вот по жилкам, по сосудам
Истома, булькающая, бежит.

И все пройдет: стихотворенье,
И стул, и за окном портал...

Но вечно это наслажденье,
Которое он испытал!

1966

УХОД

Добытое за жизнь с таким трудом,
С таким азартом и с таким запалом,
Вдруг кинуть все: очаг, семью и дом,
И, палку взявши, в даль уйти по шпалам...

«Не понимаю! — пусть кричат друзья. —
Ведь это же ни с чем не соотносно!..»

В том, видно, что-то есть! Подчас нельзя
Преодолеть извечного соблазна.

«Не понимаю! — пусть кричат. — Хоть режь!»
Пусть спорят, негодуя и смекая...

Тебе ж сидеть, помешивать кулеш,
Смотреть, сощурясь, в пламя, не мигая.

1966

* * *

Спит сержант на концерте,
Упав на барьер головой.
...Там актеры как черти
По сцене бегут круговой.

В тонких юбочках феи
Там ножками бьют на лету.
Знатоки, корифеи,
Ценители в первом ряду...

Спит сержант на концерте.
(Он топал по вмятинам шпал!..)

Захотелось до смерти
Уснуть... Головою упал.

Гул все глуше и глуше.
А вот и последний хлопок.
И гигантские лужи
Стоят у гигантских сапог.

Спит сержант на концерте.
(Дороги вовсю развезло!..)

Как спалось мне под Верди!
Как было тогда мне тепло!

1966

* * *

Ты надулась опять сегодня,
Как обычно это бывает,
Если я прихожу позднее,
Чем тому положено быть.
Ты сердито гремишь на кухне,
И стремительно хлопают дверцы
У того невысокого шкафа,
Где лежит в корзиночке хлеб.

И тогда я пальто надеваю
И спускаюсь по лестнице снова,
Чтоб, пройдясь под парящим снегом,
Наконец-то обдумать себя.
Неужели я тот же самый,
Что в пять лет сообщил тщеславно
Во дворе, что всего Карла Маркса
Я уже давно прочитал?
И неужто я тот подросток.
Что, смывая кровь после драки —
Был один я, а их было восемь! —
Понял вдруг, как реален мир?..

1966

ТЕЛО

Помню, в некой иностранной
Кинодраме неспроста
Появилась вдруг из ванной
Голая кинозвезда.

И стряхнуть не слясь воду —
Ей лавровый бы венок! —
Демонстрирует народу
Оголенность наглых ног.

Вспли богословских споров!
Тыщи лет: хула! Хула!..
С колоколен всех соборов
Дико бьют колокола.

В кружку падают динары.
Братия бредет, боса...
Тело хаот кардиналы,
Руки вскинув в небеса!

Женское блистало тело
На постелях. Не в гробах...
То белело, то желтело
Через вырезы рубах.

Телу этому рожать бы!
Обнажается, дабы
Загореть во время жатвы
И во время молотбы.

К сорока годам увянув,
У дородной попадьи
Тело прет из сарафанов,
Как опара из бадьи.

К открыванию Америк
Подготовлены юнцы.
А на теле от бретелек
Темно-красные рубцы.

Голая поет на нарах
Женщина во весь барак!..
В изумрудах и опалах
Плечи дамы на балах.

Вот у волейбольной сетки
Встала в трусиках с мячом,
И две оспинки-отметки
Между локтем и плечом.

При стечении округи,
При стечении большом
Пляшет баядера — руки
Вскидывает, голышом.

В женские тела, как в реки,
Входят. Но ведь, как богам,
Древние молились греки
Шеям, бюстам и бокам!

Здесь величию нет предела!
Глянь сквозь слезы, не дыша!
Разве же в изгибах тела
Не скрывается душа?

Все от пят до самых дланей
На холстах отражено..
Скотство низменных желаний
Все ж таки таит оно!

Обнаженное несмело,
Девок, теток, молодух.
Предано проклятью тело!..
Вечно восхваляем дух.

Дух, тебя встречать «осанной».
Плоть, тебе позор всегда!..

Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!

1966

* * *

Когда нацизма вырвалась машина
На новый стратегический простор,
То в ползунках лиловых из сатина
Я выполз в коммунальный коридор.

...Вопил Бриан. В Мадриде шла коррида.
В Нью-Йорке ждали повышенья цен...
Я выползал. Соседские корыта
Поблескивали дьявольски со стен...

Еще чуть-чуть, и ринуться армадам!
Смотри: забился кубик за комод!..

...Я подымусь на бруствер. С автоматом.
И тотчас мне землей глаза забьет.

1966

РИСК

Все в мире начиналось с риска.
Я в руки передал из рук,—
И все ж к учителю записка
На физике попала вдруг.
Что в мире может быть без риска?
Вдруг как-то встал

и по путям
Пошел, и сразу ж дом, прописка,
Семья — вся жизнь! — летят к чертям.
Мир — это риск.

Все мирозданье
Как будто бы накрепко.
А как опасно прорастанье?
Всегда на риск идет зерно.
Быть в мире, не рискуя,— низко,
Ведь мы же быть хотим людьми!
В конце концов и зубочистка
Подчас опасна, черт возьми!
Легко ль хождение по канату?
Немного побледнев с лица,
Как сладко разбирать гранату
Неведомого образца.
И прожит день, считай, без толка,
Коль не было в тот день высот,
Но сразу ж славно жить, лишь только
Под ложечкою засосет.
Как смело верх берет хористка!
Рыбак рванул — сорвется сом!
Ведь злая соль святого риска
У нас подмешана во всем.

Вдруг в рост подняться на трапее...
И не поставят обелиск!

...Но нет фундамента прочнее
Для наших дел земных, чем риск.

1966

СПОР

Да! Торжествуют в поле,
Противника поправ!..
А кто же в нашем споре
Окажется вдруг прав?
Мечи? Что в том картоне!
Других же нет примет...
Он выставил ладони,
Как будто аргумент.
Он пробует, упарясь,
Как бы схватить ферзя...
Я поднимаю палец:
— Э! Так нельзя! — грозя,
Я подбираюсь с бока...
Я чую неприязнь...
Тут он берет на бога,
Беснуясь и плюясь.
— Однако ты полегче!
Ну, знаешь, брат, не шей!..—
Развел руками — плечи
Касаются ушей.
Но вот уж он, как другу,—
Мол, в толк взять не могу! —
Прикладывает руку
С доверьем к пиджаку.
Но, как в трясине, в гаме
Я вдруг опять погряз...
Я комнату шагами
Измерил двадцать раз.

Не спор, а рукопашный.
Не диспут, а слалом...
И остается каждый
При мнении при своем!

1966

АРТЕЛЬ ПО ВЫВЕДЕНИЮ ПЯТЕН

Над драгой с золотом потели...
С пилой за тридевять земель...
Есть в мире разные артели,
Но это тоже ведь артель!

Вид человека неопрятен,
Коль не отправит в чистку брюк.
Артель по выведению пятен,
Пыхтя, не покладает рук...

Коль пятна от вина — гуляка.
Халаты в йоде — у врачей.
Тут пятна от микстур, от лака,
От дегтя и от щелочей.

Мир в самом деле необъятен!
Чего-чего в нем только нет!
Артель по выведению пятен.
Скоблит и трет, глядит на свет.

Бывает всяко на планете.
Сюда идут как бы на суд.
И даже маленькие дети
Свои передники несут.

Прими крахмальную манишку.
От пятен прежних ни следа!
Твое пристрастие к винишку
Мир не узнает никогда.

А это? Ром? Или томаты?
Ведь часто капает с бород!..
Опасный след губной помады
Артель в мгновение уберет.

Что за полоска? В самом деле?!
Цвет у полоски голубой?!
Так это, помнишь, мы сидели
Весною на скамье с тобой!..

Хотя бы сверху только — ладно!
Полою о полу потри!
А то бывает так, что пятна
Вдруг проступают изнутри.

Пятно навеки опорочит!..
Артель бессонно на посту:
Суконки грозно спиртом мочит,
Макает щетки в кислоту.

Когда ж бывает непонятен
Пятна генезис,— тут как тут
Доцент по выведению пятен!..
На консультацию зовут!

И он определяет разом:
«Да, консистенция жирна!»
Почти не видимые глазом
Закономерности пятна.

И судит он, подобно магу:
«В особом случае таком
Через вощеную бумагу
Прогладить надо утюгом!»

И так с восхода до заката
Идет потеха. Труд как труд!
Кряхтят бойцы. Идет зарплата.
Скребут. Скоблят. Счищают. Трут.

Пусть бархата поверхность рыта.
Где тут ликер?! Где пастила?!

В поту ребята. Шито-крыто.
Идет работа. Ну дела!

Когда же в мире троекратен
Архангела раздастся глас,
Артель по выведенью пятен
Толпой предстанет в тот же час.

И богу сумрачному в пику,
И к справедливости глухи
Расчетную предъявят книгу,
Где все отчищены грехи...

Но есть одно: раз осенило
Меня на два иль три часа!
Случайно капнули чернила
Ко мне на свитер — как роса.

Пусть все сотрут борцы артели!
Но я бы все же сохранил
Вот эту — видимую еле —
Святую капельку чернил.

1966

ИСКРЕННОСТЬ

Мне б вывернуться наизнанку,
Как искренним я быть хочу!..
Так в ночь кодпруют морзянку,
Глухому так кричат хрычу.

Лицо. Мое лицо! Не маска.
А ну дерзни-ка, нараспах!..
Вранье тягуче, как замазка,
Все вязнет на моих зубах.

Закружен, как коловращеньем.
Тошнит, как от гнилой трески!
Выплюываю с отвращеньем
Как будто легкого куски!

У искренности нет маршрута.
Ее тяну я — поддержи! —
Из поджелудочной, оттуда,
Из глубины, от железы.

Как Дон-Кихот, — в любых беседах —
Мощь испытать на ветряках!..
Чтоб все вот так, а я вот этак,
Смотрите нате — вот я как!

Той искренности подноготной
И самой подлинной хочу,
Не нужной, никуда не годной,
Той, что и мне не по плечу...

Как чистая вода под ряской,—
Я б пил, рукою отведя..
Той и бестактной и дурацкой!
Ее хочу я, как дитя.

Той, что мне, может, станет ямой,
Той, что как встану ото сна!..
Хочу ее одной, той самой,
Что — и настолько — не нужна.

1966

ЛЕГКОСТЬ

Низка моя осадка:
Набит мешками трюм
До края. Скажем кратко:
Да, я тяжелодум.
Жизнь — дьявольская штука.
Мне легкость не с руки:
Ворочаются туго
Тяжелые белки.
Ворочаются в мозге
Слова. И будут впредь...
Ах, славно б на подмостки
В один прыжок влететь!
Надбровия нависли...
А я ведь не глупей!
Ах, мне пускать бы мысли —
Бумажных голубей!
Раздуть пузырь из мыла.
Ах, сколько здесь утех!
Чтоб легкость изумила
И этих бы и тех.
С осанкою сутулой
Сижу, перо держа...
А дума вслед за думой,
Как за баржой баржа.
Мысль, словно бы заноза, —
Попробуй извлеки.
Я силюсь: кровь из носа!
Потуги велики!
Я занят только сутью...
Болотный пласт упруг.

Я налегаю грудью
На неуклюжий плуг.
Вот лопнет перепонка!
За гатью снова гать...

Ах, шариком пинг-понга
Над безднами б скакать.

1966

СОРОК

— Сорок! — кричу я. — Сорок!..

Есть разные степени
Представления о счастье.
Первая степень: сухие ноги...
Я ощущаю сухость, как подарок.
Нога нежилась в сапоге,
Сладострастно томилась.
Я шевелил пальцами,
И ничего не хлюпало и не чавкало,
Наоборот! Тепло поднималось
Вверх и разливалось по телу,
Наполняя меня радостью.
Нет, не радостью.
А каким-то странным щемящим счастьем,
Чуть-чуть грустным,
Потому что оно казалось непрочным...

Я сижу у железной печки,
Почти прозрачной от нагрева...
— Сорок! — кричу я. — Сорок!..—
И мой сосед,
Откусив не спеша мокрый клочок газеты,
Протянет мне тот окурок,
Которым я затанусь...
Я зажмурю глаза,
И где-то в глубине груди,
Как пчела,
Ужалит меня первая затяжка...

Я не беден. Что такое бедность?
На мне хлопчатобумажные брюки.
На голове суконная пилотка.
Для постороннего глаза пилотки
Все на одно лицо,
Все цвета хаки, все в пятнах от пушсала,
Мятые.
Но для нас каждая — индивидуальна
Своей особой, острой индивидуальностью.
Я различу свою
В груди пилотов всего полка!
Сваленные в кучу,
Они представляют из себя
Толпу индивидуальностей.
Я знаю пилотки соседей!
Новые,
Стандартные,
Абсолютно свежие, как майские листочки,
Они уже через час бьют в глаза
Чем-то личным...
Что это?
Форма ли бритой
Округлой мальчишеской головы,
Которую пилотки принимают
Покорно, как вода форму сосуда?
Если дневальные перепутают их ночью
Во время уборки,
Утром все равно мы за одну минуту
Расхватаем их.

Бедность? Что это такое?
Разве я беден?
Я замерзаю в поле. Я хочу курить.
И вдруг я вижу, что сосед
Сворачивает закрутку.
— Сорок! — кричу я. — Сорок!.. —
И вот я обретаю возможность
Ожечь, затянувшись, грудь.
Я иду полями.
Я сижу над горкой углей...
Вдалеке, как в щели сарая,
Алеет закат...
Я не беден — я молод!

— Сорок! — воинственный клич
Моей молодости.
Сигнал о бедствии — «SOS»
Среди снежных равнин.
Крик о помощи! Крик отчаяния.
Это пароль, по которому
Мы узнавали друг друга.
Вопль веры в человека.
Священное число пифагорейцев.
Крик счастья,
Подобный крику: «Земля!»
На измотанном качкой корабле
Или подобный крику: «Эврика!»

1966

* * *

«Мир приключений» — был такой журнал,
Я, помню, раздобыл подшивку где-то...
Кто не сидел над нею до рассвета —
Тот сам себя безбожно обкорнал!

И как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в себя ночное чтиво...
Надвинутая кепка детектива.
Корабль, затертый насмерть льдами. «SOS».

Жизнь — приключение. Иди. Живи!
Вон — побережье моря, реки, взгорья...
...Но ты смотри на помощь не зови,
Когда вдруг жизнь возьмет тебя за горло!

В глухой тайге напьешься из корца...
Умрешь — положат в Грузии к чинаре...
И жизнь твоя, как повесть без конца
В том чудном и растрепанном журнале,

1966

* * *

Поэту все мешает на планете:
Когда соседи рядом гомонят,
Безмолвие, и если плачут дети,
Коль есть семья, и если не женат...

И он, как знахарь, не спеша мешает
Все то, что закипает в глубине.
Поэту в этом мире все мешает:
Воротничок, картина на стене...

Он, как сквозь чащу, движется сквозь вещи,
Здесь топь. Мгновенье. И смотри: погряз...
...Он гонит все, чтоб проступала речке
Та суть, что укрывается от глаз.

1966

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ТЕТРАДИ

ПОТЕРЯ ПАФОСА

Легким горлом поется
Сегодня на клиросе певчим.
А в подвалах горит воспаленность
На лицах гуляк.
Только ночь холодна,
Только ночи похвастаться нечем.
И на древнем барокко потрескался лак.

Где же пафос достать?
Может, дать объявление в газету?
Где простертые длани?
Где молний удар из очес?
Люди мерно жуют, путешествуют, ссорятся...
Негу!
Все на месте, как было.
Но пафос исчез.

Как случилось, что пафоса вдруг
Оскудели запасы?
Не запасы урана. И не запасы угля...
И выходит актер.
И, как фокусник, делает пассы,
И уходит он, зала не расшевелия.

А чего там кричать?
Ну, чего горячиться?
Ироничность и тонкость?

Да я ведь их тоже ценю.
Но нельзя же иронией жить!
Это только горчица,
Лишь приправа.
А, собственно, где же меню?

Прежде, словно меха,
Раздувавшие горны,
Поднимались манишки.
Но пафоса нет и следа.
Ведь летящие волосы
Нынче и ложны и вздорны?
Пафос вышел, как в трещинку
Тихо выходит вода.

Писем пылких не шлите.
Бросайте сухую открытку.
Не летите стремглав,
А ползите,
Слегка тормозя...
Тот поплатится жизнью,
Кто сделать способен попытку
Стать высоким,
Когда быть высоким
Нельзя.

Брюссель
1963

по ту сторону лица

Я как-то раз
На горячей дороге в Альпах, в местности,
Где были когда-то концлагеря,
Попал в самую середину пыльного
Стада овец.

Овцы равнодушно обтекали меня,
Как островок,
С обеих сторон.

Они тыкались своими тупыми
Курчавыми мордами
В меня и друг в друга.

Они шли, как шли по этой дороге
Тысячу лет назад,
И две тысячи лет назад.
Они текли, как текла бы
Долина вместе с травой,
Как текли бы холмы,
Как небо с облаками...

Пастух схватил одного барана
И вынул складной нож.
Другой пастух стал разводить
Костер для ужина.

Но если поднять лицо человека,
Как крышку бака,
Под ним будет клубиться
Хаос.

Заульгау
1964

НА РЫНКЕ В РИМЕ

Торгует женщина случайными вещами,
Протертый плащ она б хотела сбыть...
Она глядит прекрасными очами,
Которые нельзя не полюбить!

Вокруг галдеж! Шумят необычайно.
Пятно скоблят. Сукно глядят на свет.
Что говорить, на свете все случайно,
Не случаем ли сам явился ты на свет?

Проуженное пальто. А вот пиджак линючий.
Примерить бы его, а свой бы, право, снять.
Попробуй подойди! Не тот ли это случай?
Кто может что-нибудь на этом свете знать?

Рим
1962

В ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

(У картины «Голгофа»)

Мы все той ночью крепко спали.
И кто не ел. И тот, кто сыт.
Проснулись: а его распяли!
Глядим: а он уже висит...
И будто бы на карусели —
Вдруг завертелось все вдали...
И мимо окон фарисеи,
Жестикулируя, прошли.
Шли саддукеи группой чинной,
Заспорив о добре, о зле...
А был всему тому причиной
Тот, что приехал на осле.

Дрезден

1964

* * *

Рассматриваю древности столиц
Без всплесков рук, без громких междометий,
Упорно на меня с погасших лиц
Глядят глаза пятнадцати столетий.
Но не сладка на вкус, не солона
История, а как-то пресновата!..
Под стеклами осела старина.
Примята под реликвиями вата.

История. Стоим на рубеже!
Твои уже не чувствуются токи.
Как будто б ты окончилась уже
И время подводить уже итоги.

Мюнхен

1963

* * *

Художники, мы жили, снясь
Самим себе, но нас будили...
А жены? Те любили нас,
Но из подвалов уходили.

И, словно бы удар в висок,
Восторг был нужен для начала,
Затем, чтобы запел мазок
И чтобы краска закричала!
Откуда ж взять его? Глубок
Покой бессилья. Ждали днями...
Смешно,— но к нам спускался бог
И ел из миски вместе с нами!
Мы с ним рассориться могли б
За мелкой жизнью гулевою,—
Вдруг тоже появлялся нимб
Над нашей бедной головою.

Брюссель
1965

РИТМ

Шоферы боятся самоубийц.

Однажды, видя, как парикмахер
Натачивал бритву на ремне,
Я подумал, что ритм правит миром.
Ритм задан миру.
Мир заведен, как бывают заведены туго,
До отказа часы.

Ночь с необходимостью сменяется днем.
На улицах помаргивают светофоры.
Ложечка методично вращается
В стакане швейцара Музея восточных культур.
Луна руководит в океане отливом и приливом.
Ритмичны пуговицы на жилете.
Мать, вытащив тяжелую, как гиря, грудь,
Покачивает ребенка.
Все живое пульсирует, как звезды.

Но кто знает, что может прийти
Человеку в голову?

Брюссель
1964

Зрелища

1968

ЗРЕЛИЩА

Ты незаметно все-таки созреешь
Для постиженья острой новизны.
Ты ночью возвращаешься со зрелищ.
Ты будешь спать. Ты будешь видеть сны.

Я полагаю, нету балагана
Пестрей, чем жизнь. Я в памяти припас
Гром мотоциклов, пафос барабана,
Веселость масок и тоску гримас.

Я говорил: и если ты не робок
И если не боишься пестроты,
Иди вперед. Есть много в жизни тропок.
Иди по ним и... только ахнешь ты!

Вот мы живем. Немножко что-то ноем:
Все, дескать, будни. Нету их мелей.
Вдруг зрелище: выносятся прибоем
Сверкающие чудища морей.

Доводит до безумья страсть иная.
Я зрелищ раздражающих алкал,
От гонок мотоциклов начиная
До комнаты кривлявшихся зеркал.

И зрелища передо мной плясали.
То яркость охр, то желтизна мастик!
И, как картошка жарится на сале,
Шел треск от фейервергов и шутих.

И подползали зрелища, как звери,
И делали вокруг меня круги.
Глаза сверкали. Пасти розовели.
Приоткрывались медленно клыки.

А скоморохи выставляли рожи,
То хохот, то тоску изображая.
Я наблюдал процессии,— и строже
И чопорней вообразить нельзя!

Чего-чего, а зрелищ было много!
Смешней, чем цирк, страшнее, чем расстрел.
В сообществе с людьми — не одиноко —
И я на эти зрелища смотрел.

Толпа, как тесто,— нет трудней замеса...
Взбегает в небо планер по жнивью.
Клубится литургия, стонет месса.
И в юбочках выходит «Айс-ревю».

Был стадион пестрее, чем саванна.
Плясал мулат, сняв шапокляк в бистро.
Вот зрелище ночного котлована —
Все в огоньках гигантское нутро!

Как мы тогда во все глаза глазели.
Я так же изумлялся, как и все.
И я летел, кренясь, на карусели.
На чертовом кружился колесе.

Китайские на стенах ходят тени.
На ринге клоун прыгает — носат.
Миг — и балет классический на сцене.
Спускается, как авиадесант!

И все казалось мало, мало, мало.
Я всасывал в глаза свои балет.
Тогда администрация взымала
Уж четвертную плату за билет.

Бежали кони группкой разномастной.
Мы, вымокшие, жались у перил.
И, словно тяжкой схватываем астмой,
Я воздух ртом в отчаянье ловил.

Нам что! А им, актерам, может статься,
Невозмогу. Так за верстой версту
Шла женщина дорогой трудной танца
В сверкающей тунике и в поту.

Мы ежились на зрелищах, как в душе.
Бежали к ним, как в поле, как в леса.
И зрелища нам раздирали души
И, подымали дыбом волоса.

Но все-таки есть и дрянной народец,
Что ожидает, стоя вдалеке:
Когда ж сорвется вдруг канатоходец,
Когда ж пилот не выйдет из пике?

Но есть на свете зрелище за гранью,
Как говорится, и добра и зла.
Гремит киргизский праздник козлодранья,
И кровь толчками хлещет из козла.

Я верую в необозримый тезис,
Что этот мир был создан напоказ!
Я видел как-то с самолета свесясь,
Извилистый, как будто мозг, Кавказ.

И, на глаза не надевая шоры,
Я жил. Входи! Давай — билет купи!
Мои глаза, как будто два обжоры,
Все смачно пожирали на пути.

Но фильм подчас закрутят в десять серий!
И мы почти уж падаем без чувств
При зрелище немислимых мистерий
Публичных тайнств и святых кощунств.

Чуднее свадеб и ужасней боен.
Тянулся, как слепец к поводырю!..

Закинув руки, средь травы, спокоен,
Сейчас я в небо чистое смотрю.

* * *

Нет, не гордое паренье!..
Вид у ней нехитр и прост:
Ящерица вдохновенья
Ускользнет, оставив хвост...

И опять дневной прогулкой
Ожидать тебе одно,—
Что — и скользкою и юркой —
Вновь подкрадется оно...

1967

СМЕХ

Хохочут боги у Гомера,
Схватясь руками за бока,—
И эхо гулко прогремело,
Как будто в коридор, в века.

И тех богов громовый тогот
До сей поры для нас пример...

Лишь добряки смеяться могут!
Хихикать может лицемер.

Когда услышишь, как в гортани,
Подобно грому горных рек,
Вдруг возникает клокотанье,—
То, значит, весел человек!

Пускай толстяк, давясь от смеха,
Стирает пот, как при жаре,—
Смех — он священнее, чем Мекка!
Так пусть трясется, как желе!

Пусть где-нибудь за рюмкой, в блинной,
Среди районных забулдыг,
Худой старик хохочет, длинный,—
Пусть ходит вверх и вниз кадык.

Над всем — над миром, над собою —
Пусть будет поводом пустяк!
И в одиночку, и гурьбою,
И без причины — просто так!

И ничего тут не поможет,
Когда какой-нибудь трепач
Вдруг смех утробный вызвать сможет,
Почти переходящий в плач!

От кепки и до самых стелек!
Трясутся в голове мозги!
Но есть и страшный смех истерик,
Смех ужаса и смех тоски.

Пускай, шатаясь, как от качки,
От смеха рот открыт, как пасть!..
Даваясь, садятся на карачки,—
Смех может навсегда заковать.

Повизгивает пусть кокетка,
Порозовевшая слегка.
Трясется пусть грудная клетка
Подвыпившего моряка.

Как уши натирают снегом,
Как вкус лекарства на губе...
Есть в мире очищение смехом,
Ведь в правду смех — возврат к себе!..

Твой жребий как бы ни был горек,
Но испытать обязан ты
Смех, изнуряющий до колик,
До судорог, до хрипоты.

...Гремит по коридорам эхо
Хохочущего чудака!

Что говорить: но тайна смеха,
Как тайна плача, глубока.

1967

* * *

Мне быть хотелось просто честным...
Среди полей, в густой толпе,
В теплушке, и в четырехместном
Летащем по стране купе...

А век об этом думал мало!
Все штурмовали перевал.
И честность предо мной вставала
Как невозможный идеал.

А где опора? Где перила?
Как поступить? Хотя б намек!..
История тогда царила,
И что против нее я мог?

И вот ни доброго, ни злого.
Смотрите, спутались умы...

Но честное вдруг было слово,
Как будто молния из тьмы!

Легко ступить на край могилы,
Запеть, взойдя на эшафот...
А честным быть? Не хватит силы,—
Кровавый проступает пот!

Мне быть хотелось просто честным...
Я жил, решительно сопя.

* * *

Человек парадоксальный.
В северный уйдет полет.
Анекдотец выдаст сальный.
Песнь, рыдая, пропоет.

Все смешалось, все смешалось!
Ничего понять нельзя,
Где серьезность в нем, где шалость?
Закричит, перстом грозя.

То покорность вдруг во взоре...
Удила вдруг закусил!..
Все в нем словно бы в растворе,
Что взболтнули что есть сил!

То он к доту подползает...
То сидит, сердя чело...
Человек и сам не знает
Кто он, что он, для чего?

1967

* * *

Лежачих не бьют...

Любят падчерицы мачех.
Я слышал в болотцах рачьих
Свист. Но я вас потрясу:
Я видал, как бьют лежачих —
Каблуками по лицу.

Хвост цыган пришил кобыле.
Было раз — скалу разбили
Криком: «Отворись, Сезам!»

...Я видал: лежачих били
По глазам и по слезам...

1967

* * *

Я люблю людей угрюмых.
Эти, словно корабли,
Медля то провозят в трюмах,
Что с трудом приобрели.

Ненавижу белозубых,
Не люблю весельчаков,
Я боюсь румянцев грубых,
Ослепительных очков.

Первые и в споре резче,
Знают: мир решен вчерне!
И угрюмо видят вещи
В их последней глубине.

1967

ИЛЛЮЗИЯ И ХЛЕБ

Меня и гнуло и ломало
Затем, чтоб в трудностях окреп...
Ведь человеку надо мало,—
Нужны: иллюзия и хлеб...

И занимал я место рано,
Когда души нет ни одной.
С неимоверного экрана
Мир раскрывался предо мной!

Центростремительная сила
По мановению руки
Меня тогда переносила
На дальние материки!..

За полминуты до отбоя,
В квадрате белом на дворе
Видал влюбленного ковбоя
С красавицей в одном седле...

...Потом на нарах поздним часом
Все это — вновь! — переживал
И, спрятанную под матрасом,
Горбушку черную жевал...

1967

* * *

Я мало отдаю внимания природе...
Ведь только заглядись — и был таков!

Что скажешь в миг паденья о пилоте?
Он круглых не оценит облаков!
Что вспомнит он, вернувшийся на базу,
Когда бензин машина дососет?..

Спасенному от смерти водолазу
Не до подводных радужных красот!

Хрипит солдат, из лужи муть глотая,
Макая в воду камень сухаря.
Что в том ему, что где-то золотая
Над ним стоит, никчемная, заря?!

А колокольчик все звенит поддужный.
Сидит поэт,— все степь пред ним вдали!..

...Природу зло и честно равнодушной
Еще в минувшем веке нарекли.

1967

* * *

Моего поколения люди,—
Сколько боли, потерь и утрат!..
И глаза, словно капельки ртути,
Все на месте никак не стоят.
Вот седины, вот мощные плечи...

Артиллерию выгнав в луга,
Вы ломали ведь в юности бреши
В укрепленных районах врага!..
Вы в глубоких разведках сидели,
Заставляли народы дрожать...
Вы на долгих собраниях сидели
И боялись от страха дышать.
Вы кромсали круги каравая,
Батальон подымали на дот.

Лизоблюдов улыбка кривая
Так, ребята, ведь вам не идет!..

Моего поколения люди,
Мы ушли, отработав, в запас.
Я чего-то стыжусь, а по сути
Мне бы надо гордиться за вас.
Мы сидим словно перед заданьем...
И как в муке кричим родовой.
Так давайте же песню затянем —
Этот хриплый припев фронтовой.
Мы бывали пьяны и тверёзы:
Сколько чаш — этих горьких цыкут!..

Мы поем, и серьезные слезы
По серьезным морщинам текут.

1967

ЗАЦЕПКА

А все-таки в мире нужна мне зацепка,
Чтоб не был я будто случайная щепка.
На гребне, бродяга иль аноним,
Чтоб не был как пасынок, миром поним...

А все-таки в мире нужна мне зацепка,
Чтоб крепко сидел я на грядках, как репка,
И веки чтоб сам, — когда буду без сил, —
Закрыл я и землю бы сам отпустил...

1967

ДЕЗЕРТИР

Левее склад. А тут сортир
Дизентерийного барака...
Без шапки вышел дезертир
Довольно шупленький. Салага.
Как видно, не хватило сил
Играть со всей эпохой в жмурки!
Он разрешенья попросил
С земли пособирать окурки...
Сок у березы на коре.
И солнце празднует победу...
Полк выстроен уже в каре.
Но время движется к обеду!
Левой барак. Правее тир.
И взвод особого отдела...
Скребет затылок дезертир.
Сейчас пожрать бы — то-то дело!..
...Труба таинственно дрожит.
Молчат знамена под чехлами...
Без шапки дезертир лежит.
Все точно. Словно по программе.

1967

* * *

Страшные нужны усилья,
Подвиг злой и озорной,
Чтоб распластанные крылья
Приподнялись за спиной.

Сколько ж, сколько ж надо пыла?!
Смертным потом пропотей!..
Надо, чтобы проступила
Нынче кровь из-под ногтей.

...На губах предстанет пена...
И тогда внизу, вдали,
Вдруг растают постепенно
Очертания земли.

1967

* * *

В замке плакала принцесса!..

Все маркизы и князя
Знали: этого процесса
Задержать уже нельзя.

...Акробаты, лицедеи,
Безобразные шуты,
О, насколько вы слабее
Той плаксивой красоты!

Скоморохи скачут мимо,
Скачут с воем, мимо... Пусть!
Юности необходима
Та воинственная грусть.

1967

* * *

Уменье забывать,
Ходить спокойно в гости.
Уменье забивать
Упорно в крышку гвозди.
Уменье засыпать,—
Как в пруд, в подушки падай!
Уменье засыпать
День прожитый лопатой.
Молчать наперекор
Параграфам опросным...
Уменье прочно кол
В грунт вколотить над прошлым,

1967

ВРЕМЯ ХЛЕЩЕТ

Ты задумался. Или ты болен.
Или замер с котлетой у рта...
Время хлещет, — вот так из пробойн
Хлещет в трюм что есть силы вода.
Ты балетом любишься. Или
Спишь, укрыт одеялом по грудь...
Время хлещет, как будто забыли
В кухне кран до конца завернуть.

1967

КРЕСТОНОСЦЫ

У того, видать, стезя прямая,
Кто подспудным пламенем палим...
Крестоносцы перли, принимая
Каждый город за Иерусалим.
Били, жгли, топтали и давили,
Уводили жителей в полон,
А потом руками разводили,
Говоря: — Так это же не он!.. —
Но опять, вдали заметив шпичи
И забрала опустив до глаз:
— Уж не ошибемся,— говорили,—
Мы на этот раз.

1967

* * *

Где ты, русский степенный мужик с бородой,
С головой, постным маслом густым политой,
Что отвозит горшки гончарам на обжиг?!
Где ты, в белой посконной рубахе, мужик?..

Ты уже парикмахером голо обрит,
Ты помятой кепчонкою сверху покрыт...
Но ты так же раздолен и так же велик,
В пиджаке ширпотребовском,
русский мужик!

1967

* * *

Не доверяйте очевидцам,
Их собранным в гармошку лбам,
Их разрумянившимся лицам,
Их оттопыренным губам,
Их скороспелым заявленьям,
Когда они кричат, светясь,
Их громогласным озареньям,
Их фразам: «Помню как сейчас...»

Едим, как свиньи, из корытец,—
Сырые факты лезут в рот.
Поднимет палец очевидец
И всех вокруг пальца обведет!

Вы слушаете обалдело,
Как их журчит речитатив...
«Так вот как это было дело...» —
Начнет, глаза полускрыв.

Он тряпочкой поверхность вытер,
А нет, чтоб в сердцевину влезть.
Он думает, что раз увидел,
Так значит, так оно и есть.

И вот уже сидят князьями,
И вот уж требуют похвал:
«Своими видел, мол, глазами...» —
«Да что вы?!» — рокот подпевал.

Для них ведь все иное — ересь.
А я их сразу раскушу:
«Да вы же фактами объелись!» —
Я встану прямо и скажу.

...Пускай гутарят очевидцы.
Но нет, им не купить меня:
Похлебкою из чечевицы
Является их болтовня.

1967

* * *

Поэт скуласт, как азиат.
Хоть дело делает благое,
Он поднимает газават
Против блаженства и покоя!

Он с саблею, неумолим,
Полки на бой ведет... Высоко
Знамена над чалмой, над ним,
Горят, зеленые, пророка.

Он нетерпением объят...
Он столько взять успеет за день!
Поэт скуласт, как азиат,
Лукавоглаз, скуласт и жаден.

Его когда бы поскребли —
Под слоем пепла море лавы...

Поэт сжигает корабли!
Он подрывает переправы!

Его не задрожит рука...
Он связан с буйностью и риском.
Он, как десантник, «языка»
Ножом раздобывает финским,
Хоть кровь по капельке сочась...

Поэт — он лавры пожинает!
Он слово выучил «сейчас»,

Он слово «погоди» не знает.
И хочет, видно, потому
Он до зубовного скрипенья...

...Я тоже знамя подыму
Бескрайности и нетерпенья!

1967

СОНЕТЫ

ПРЕДЕЛ

Пределен мир, но мне-то нет предела,
И потому я и пишу сонет,
Что вечности на этом свете нет.
Мне до нее нет никакого дела!

Но фраза вдруг вчера меня задела,
Что мир есть только скопище планет,
Бегущих вдаль... И встал я обалдело,
И ничего не смог сказать в ответ...

Так что же: я младенец, что у края
Над вечностью сейчас сидит играя?..
Соль вешних слез и сладость бытия!

Нет, истину я вновь свою открою:
Мир то, что я пощупать смог рукою...
Пределен мир,— но беспределен я.

* * *

Я обожаю старые гравюры.
Особенно такие хороши,
Где прыгают мордатые амурсы
Вокруг Психеи, то есть вокруг души.

Тут женщин полноватые фигуры;
В гирляндах лук подняли голыши...
Но это все ведь от литературы,
От полуправды и от полулжи.

Рассматриваю древние альбомы:
Сатиры, ведьмы, бесы, фавны, гномы.
Вот Вакх стоит, с вином фиал держа...

Как вымыслов на свете много разных!
Но истина в одном: что вся в соблазнах
Моя Психея, ласточка, душа.

* * *

Когда обрыдло все, на валидоле
Нельзя же жить, потея от обид...
Когда-нибудь ты стукнешься о быт,
Как о комод в нелепом коридоре.

Есть многое в людской беспутной доле...
Вон пред тобою мир вдали рябит:
Игарка, Барнаул и Бармамыт,
Все то, о чем и знать не знал дотоле.

И, как сквозь сито, мелочь всю просей:
Долги, обиды, крошечных друзей.
И мысль сверкнет опасная, как бритва:

Навеки прочь отсюда, из угла!
И даже писем не писать со зла,
Когда вокруг вдруг все тебе обрыдло.

ГОЛОВНЫЕ БОЛИ

Мир терзают головные боли
(Хочешь — плачь от боли, хочешь — вой)
Тех, кто ходит в головном уборе,
Тех, кто с непокрытой головой!

Пей одну таблетку, но не боле.
Если не поможет, то удвой...
(От ранения на ратном поле!
От неразберихи бытовой!)

Граждане весь день как будто тени
Бродят, получают бюллетени,
От безумия на волоске.

Не снимают головных повязок...
Боль с затылка и до лобных пазух,
В темени, и стукотня в виске!

СЕЙЧАС

Нет, ничего откладывать нельзя:
Ни праздник, ни воскресную прогулку.
Быть может, завтра, тонко морося,
Дождь скучно застучит по переулку.

Сейчас пускай здесь будет радость вся!..
И вот поэт идет в свою конурку
С пакетами. И с ним его друзья.
Буылки ставит. Нарезает булку.

Девиз поэта — это нетерпенье.
Подай стаканы, разговор и пенье!..
Стихи читает и набил живот.

А завтра? Что же? То стезя иная...
Пусть все сейчас! И он живет, не зная,
Что завтра будет. Он сейчас живет.

«ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!..»

И я еще задумаюсь не раз,
Смотря во двор, там, где на жесьть сарая,
На стены, на ноябрьскую грязь
Листва с деревьев сыплется сырая.

И я еще познаю без прикрас
Ту истину, что я стою у края,
Что я уж стар, что я уже погас,
Неспешно и упорно умирая.

Я б засыпал, пришедший к рубежу.
И деснами мне б в пору шамкать постно...

И все ж в стакан я влаги нацежу,
И я сверкну глазами и скажу:
«Еще не поздно! Нет! Еще не поздно!..»

эндшпиль

Я презирал спокойствие и быт.
Я тер руками в чистом поле уши.
И до сих пор меня еще знобит,
Как только вспомню о прошедшей стуже.

Романтика всегда находит сбыт!
Ремень походный подтяни потуже,
Под стон снастей, под точный стук копыт
Я пролетал на море и на суше.

Но быт — он есть. Его убрать нельзя.
И жизнь твоя, летевшая дотопле,
Застопорит, по клеточкам ползя,
Как в той игре, когда уж нет ферзя,
А пешка лишь последняя на поле.

1967

ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Индийская философия,--
Лес, полный зверей и лиан.
Художник сидит, разрисовывая
Мир, как цветной экран.

Индийская философия,--
Храм из узорных плит...
Фиолетовая и бирюзовая
Краска везде царит.

Гимны Махабхараты,
Рамаяны, Упанишад...
Да это как будто прохлады
Вылитый в вной ушат!

Индийская философия,--
Твои аксиомы просты!
Тысячелетья текут, спрессовывая,
Как ил, за пластинами пласты...

Запевки и плачи твои, как вязь,
Надуманно и сложны.
Главы идут, покачиваясь,
Словно идут слоны.

Стоит индианка несмелая,
Точка на лбу, как туз.
В свое воскресенье веруя,
Веки смежил индус.

Нечего делать историкам
В этом краю чужом...
Кем же он станет? Кроликом?
Кем же он был? Ежом?

Белые облачения,
Спадающие до пят.
Вечного круговращения
Льющийся водопад.

Чаша тюльпана розова...
Это ль не смысл для ноздрей?
Ведь аромат для философа
Может быть книг поважней!

Но вот скорлупу разруша,
С воплем: «А я ведь всё!» —
Вышел цыпленок Пуруша,
Мыслью разбив яйцо.

Индийская философия,—
Река, что полна стремнин...

...Словно курильщик опия,
Дремлет с цветком брамин.

1967

* * *

Счастливец, он хлопает смачно по пузу
Себя, он поет, — жизнь ему не в обузу.
Жену он щекочет усами, шая.
Свисает с ноги, колыхаясь, туфля...

Но за полночь долго не спит неудачник.
Вся жизнь перед ним, как дремучий задачник,
Все ищет — а чай-то давно уж остыл! —
Ошибку, которую он допустил...

1967

ИЗ ЦИКЛА «ИСТОРИЯ»

* * *

Я о добром особо
Поведаю. Но, разъярясь,
Я бросался, и злоба
Меня обжигала не раз.

Вдруг завоет утроба,
И сразу же сходишь с высот,
Изнутри когда злоба
В глаза тебе кровью плеснет.

Стройный храм мирозданья...
Но словно б задули фонарь!
В глубине подсознания
Ты все еще только дикарь...

За пшеницу, за сало,
Со злобностью лютой какой,
Что есть силы, бросало
Народы один на другой!

Раздуваясь зобами,
Так прыгают индюки...
Вон дерутся, — зубами
Откусывают каддыки!

Злобный слышится скрежет,
Сошенье и хряск кулака...

Душат, рубят и режут
На свете — века и века.

Мавр воюет с испанцем,
В крови он своей же погряз,
Но ползет, чтобы пальцем
Противнику выдавить глаз.

Заскочив в переулок
Селенья, почти нагишом,
Весь изодранный турок
Армян полосует ножом.

Плача зло, иступленно,
Держась, как велит циркуляр,
Бьет из фауст-патрона
По танкам немецкий школяр.

...Парня выбить не могут...
А ведь над его головой
Только дьявольский хохот
Истории всей мировой.

МОНГОЛ В КРАКОВЕ

На камни костелов, откаркав,
Садится, кружась, воронье...
Задумчиво смотрит на Краков
Монгол, опершись на копьё.
Морщинисто и безусо,
Лицо наконец расплылось...

...А синие ноги Иисуса
Гвоздями пробиты насквозь.
Мучительней и смертельней
Легенды не знали века...
И лик выплывает из терний
Трагического венка.

В соборы идут краковчане...
Но всадника мучает смех,

Трясутся цветы на колчане
И лисий ободранный мех.

Как вкопанный, прямо с галопа
Он замер. Ладони простри:
Лежит перед взором Европа,—
Деревни и монастыри.

В ней всякие странные вещи...
В свой первый единственный раз
Монгол наблюдает зловеще
Европу сквозь прорези глаз.

...От Тихого океана,
Как будто бы чувствуя зуд,
Храпят табуны окаянно,
И чадно кибитки ползут.

яв гус

Он был и скромн, и учен,
И почитал святыни,
Витийствовал всех лучше он
На золотой латыни.

Никто бы в нем и днем с огнем
Не угадал титана!..
Смиранный капюшон на нем,
Смиранный сутана.

Жил бы сто лет, но как-то раз
Он, в страсти необорной,
Рукой костистою потряс
На площади соборной.

И было слышно за версту,
Как, вне церковных правил,
Апостольскую простоту
Он, содрогаясь, славил.

...В огонь вошел ученый чех...
Вселенная взывала:
«Чего ты хочешь, человек?
Чего тебе все мало?»

ВЕЩИ

Я глубоко уверен в том, что вещи
Красноречивей всяческих речей...

Вот колокол. Он собирал на вече
Лудильщиков, кожевников, ткачей.

Вот горн. Им якобинцы возвестили,
Что кончилась на свете эра зла.

Вот кочерга, которой в Освенциме
Помешивалась белая зола.

ЗА КУЛИСАМИ СЪЕМОК

Там происходят съемки...
А здесь другой резон:
Сидит актер, — тесемки
Свисают от кальсон.

Там полыхают пшаги,
Там платья из шарчи,
Там лошади, собаки,
Кирасы и плащи.

Там рыцарей раздоры...
За шахматами тут
Сидят, свистя, актеры,
Другие водку пьют...

И в этот мир забытый,
Где ящики и сор,
Небритый и разбитый
Нисходит режиссер.

«Эх, вышить, что ли, малость?!
На доньшке оставь!..»
В мозгу перемешалось—
Фантазия и явь.

И он теперь, по сути,
Стоит на рубеже:
Там все в доспехах люди,
Здесь люди в неглиже.

Там мысли все о божье...
А здесь: «Мусье, ваш ход!»
Как труден из эпохи
В эпоху переход.

МИФ ОБ ИУДЕ

Когда повесился Иуда на осине,
Как горько мать заплакала о сыне!

Как слезы материнские текли!
Кричала. Успокоить не могли.

Целует ноги синие Иуде:
— Зачем стубили сына, злые люди?

ПЛАТОН

На то указывал Гомеру
Нравочительный Платон:
Кто перешел однажды меру,
Тот вечно будет посрамлен!

В людские не вмещаясь сроки,
У них не чаша, а ушат!
Все пьют гомеровские боги,
Все жрут, горлачат и грешат.

Края одежд, пируя, мочат
И, жертвенный вдыхая чад,
До неприличия хохочут,
Воруют, тискают девчат.

Платон — он ужас чувствует края,
А складки мантии белы.
Глядит он, головой качая,
На бесконечные пиры...

посох

Есть один только способ,—
Его знала Жанна д'Арк:
Мир взметнется, лишь посох
Поднимет ереснарх...

В состоянии гнева
Не правды всем надо, а лжи,
Вдаль туда, где в полнеба
Над степью стоят миражи!

Скрип походных повозок.
Отрепья. И топот тупой...
И над всем этим посох,
Зажатый в кулак, над толпой.

что-то

Не верю в риторическую фразу,
Ни в амулет, что упасет от сглазу.
...Не рок, и не ананке, и не бог.

Но что-то есть, что отогреет сразу,
Как будто грелка, мой болящий бок.

мои учителя

Мне нравятся мои учителя...
Подперши стойку в захватском стиле,
Пивною пеной жажду утоля,
Они мне о бессмертье говорили.

Мне нравятся мои учителя,
Что рылись в исторических анналах,
Под голову засунув кителя
И ноги вольно вытянув на нарах.

Как ангелов с венцом вокруг головы,
Я вас, учителя, не нарисую!..
А все-таки натаскивали вы
Меня в те дни на вечность, как борзую.

* * *

Я понимаю все как есть...
Завет «убей!» передавая
Друг другу, люди жили... Месть
Торжествовала родовая!

Кошлем коллегу феодал
Прокалывает на турнире.
Под гнетом крепостной страдал.
Чума все пожирала в мире.

Еретика вели в тюрьму,
А он глядел чудно и шало...
Но одного я не пойму:
Любовь, кому ты помешала?

КАЗЕННОЕ ОДЕЯЛО

Со сновиденьями борясь,
Кто злым и исхудалым
Не накрывался хоть бы раз
Казенным одеялом?

Оно щеку до крови трет,
Оно во сне влезает в рот...
На нем бельмо от киселя
И жиденькой кашицы...

...Казармы и госпиталя,
Баракы и больницы!

Линялое, давным-давно
До ниток вытерто оно.

Как плачется подчас иным
По дому бедным малым
Под тем жестоким шерстяным
Казенным одеялом.

* * *

Ижедмитрии ходили по Руси.
Во всех оврагах шахло мертвечиной...
А что же ты? Возьми и порази
Придуманной себе самим личиной.

Неуловимым сделайся, как язь!
Найди себе достойное зеркало,
Чтоб вечно, извиваясь и двоясь,
Твоя улыбка из глубин мерцала.

Будь как ручей: то вот он, то иссяк.
Как мед с полынью, сладок будь и горек.
И пусть тебя в грядущем так и сяк
Все вертит озадаченный историк.

Как будто бы на гатях, на костях
Ты шествуешь в вечность без конца и срока,
Смеющийся двусмысленности стяг
Поднявши — выше некуда! — высоко.

ЛЕТОПИСЕЦ

Вея чистую бль от нелепиц,
Проходя между бездн и высот,
Летописец-старик, страстотерпец,
Страшный крест свой по жизни несет...

Там кого-то забили в железа,
Кто-то спущен был с башни в проем,
Тот представился «иже зареза»
Брата в Гжатском именье своем.

Очи скорбные, жидкие пряди,
От дворовых свободен работ,
Только правды единственной ради
Он скребет, и скребет, и скребет...

Что послы возвратились из Рима
И кто пытан на днях колесом...
Будто так уже необходимо
Нам об этом узнать обо всем!

За бойницей гудят христиане.
Им плевать, если глубже, на дно
Опускаясь в ночном океане,
Будет прошлое погребено.

Лишь один он, исполненный страхом,
Слыша в сердце неведомый глас,
Все скребет... «Аз смиренно писахом»
Не смыкает вдавившихся глаз.

Мелочь былей, что нету дороже,
Словно бусинки нижет на нить
И трещет от ужаса: «Боже,
О, не дай ни одной обронить!»

И во взгляде огонь святотатца,
И перо расщепил на листе:
«О, не дай ни одной затеряться
В бесконечной твоей пустоте!..»

Быть нельзя и худей и забитей,
Но как змий-искуситель умен:
«Что он значит, твой мир без событий,
Без характеров, дат и имен?»

* * *

Лишь только будешь ты пробит
Смертельной мыслью, точно пулей,
То сразу ж возвращайся в быт,
Где пар витает над кастрюлей.

Ты сразу отступи назад,
Туда, где в поднебесной сини
Сырые простыни висят,
Победу торжествуя ныне.

И скажешь, сев в конце стола,
Смотря, как дочь морковку крошит:
«Опасной вылазка была!
Да как-то обошлось, быть может...»

1967

* * *

Ну какой же ты поэт,
Если ты без эполет?..

Можно, правда, не иметь их,
Надо только саблю, ментик,
Пунш, костер, чубук с кресалом...
То есть надо быть гусаром.

Тройка. Степь. Да чтоб мело!..
Да гусиное перо.

1967

АРТИСТИЗМ

Прославляю актерство —
Парик, декорацию, грим...

Как я жил, как я терся
По кулисам, актерство, твоим!

...Вот галоши разули,
Разделись, в карман померок.
И уже в вестибюле
Мы слышим: гремит монолог!

Как в колодце костела
Органа стотрубная медь,—
В том величье актера,
Чтоб мрачно с подмосток греметь.

Скажут: «Бросьте, забава-с!..»
Но мы аплодируем с мест
За лукавство, за пафос,
За все разрешающий жест...

Как энергией тола,
Когда дотлевет запал,
Вдруг улыбкой актера
Застывший взрывается зал.

Пусть не громкого роста,
Пусть меч слишком тяжек и щит,
Верим мы в благородство
Того, кто с эстрады кричит,

Нам, пожившим, матерым,
И то не без пользы подчас,
Коль назвался актером —
Учи!.. Мы подремлем, учась...

Прославляю за эти
Слова, что подчас пламят!
(И за то, что в буфете
В антракте я пил лимонад.)

За твои водевили
Тебя не забуду по гроб!
(Ноги мне отдавили,
Когда я бежал в гардероб.)

При цилиндре, при трости,
Монокль и наследственный тик..
Прославляю притворство
Притворщиков главных твоих!

Только искра запала,
И вот уж и все ремесло!..
Семя в детстве упало,
И семя, смотри, проросло.

Привставал я из ложи,
И действие я прерывал...

Прославляю за слезы,
Которые я проливал!

...Ждет весь месяц зарплаты!..
При муторном свете кулис
Снимет тогу и латы,—
Да он же потаскан и лыс!

Красен нос его, право!
Да ведь не святой же он, чать!
Так какое же право
Дано ему всех обучать?!

Верим всякому вздору?!
Но я возраженья сниму:

Коль не верить актеру,
Тогда уже верить кому?

Мы уверуем сами
В восторг риторический твой.
Засыпай нас словами,—
Словами засыпь с головой!

...Бог поэзии с мирой,
А около девять сестер...

Жизнь идет,— декламируй,
На то же ведь ты и актер!

Расщепленным фальцетом
Руби наступившую тишь...
Декламируй,— подцепим
Мыслишку какую, глядишь!

К нарисованной ране
Притронься — и сразу же в дрожь!—
На немислимой грани,
Где сходится правда и ложь.

Кровью всей искупая,
Что это всего лишь игра!..
Чтоб слезинка скупая
По глупому гриму текла.

Чтобы краскою синей
Подглазья, а рот чтобы — ал...
Сатанинской гордыней
Чтоб зрителя профиль пугал.

Горло стиснет незримо
Рыданий твоих мастерство...
Убедительней грима,
Быть может, и нет ничего!

И не ртом уж, а пастью...
Накинутый плащ на плечо.
Искаженное страстью
Актер к нам выносит лицо.

Если ж слово вдруг мимо
Просвищет, как будто копье,
Ничего: пантомима
Тут сделает дело свое.

Для чего же словами,—
И жестом все можно создать!
Да одними бровями
Ты зал приневолишь рыдать.

То как корчась на дыбе,
То словно вбегая на луг,—
Сколько мысли в изгибе
Причудливо вскинутых рук!

Как деревья и травы,
Так гнется пред публикой мим.
Были б гибки суставы,—
Что надо изобразим!

Зритель крикнет: «Умора!» —
Иль вздрогнет, наоборот...

...Словно кратер,— актера
Дымится трагический рот.

МОЕ МАСТЕРСТВО

Мое мастерство, ты особого рода.
Ты мяч тот, что с силою послан в ворота.
Удар в лобовую, ты голая суть.
Ты—как там?—кратчайший меж точками путь.

Мое мастерство, ты особого рода.
Нет, ты не метафора, ты не острота...
Подайте мне смысл! — для чего мне слова?
Мое мастерство избежать мастерства.

1967

СОДЕРЖАНИЕ

Коротко о себе	3
--------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ О ДОЛГЕ

1951

«Я эти песни написал не сразу...»	9
«Я видел мир таким, какой он есть...»	10
«Мы из столбов и толстых перекладин...»	11
Начало начал	12
«И крик. И стоны. И вздулась жила...»	13
Глаза	14
«Пока есть в реках сила гнать камень...»	15
«Если в дальнем пути я не выдержу раньше...»	16
Город	17
«Ночь выла, кружила, трубила округой...»	19
«Нет, не только все время ветер зловещий...»	20
«Про смерть поэты с болью говорили...»	21
«Дайте полночь с луною в мои осторожные руки...»	22
«Мне далеко еще с полком идти...»	23
«Со мной в одной роте служил земляк...»	24
«Мимо лип прибрежных оробелых...»	25
«Мир разлетелся в две стороны...»	26
«Дым в окно врывается...»	27
Скатка	28
Обед	29
«Я говорил...»	30
«Вечер в город весенний явился опять...»	31
«Снегом густым замело, забуравило...»	32

СИНЕВА

1956

Синева	33
Доброта	35
«Теплым, настезь распахнутым вечером, летом...»	37
«В семнадцать лет я не гулял по паркам...»	38
Вода	39
Работа	40
«Под сияющим небом, игралищем гроз...»	41
«Там валуны, шершавые на ощупь...»	42
Яуза	43
«В судьбу походную влюбленный...»	44
«В полях за Вислой сонной...»	45
Красота	46
Окна	47
Уголь	48
Лебеди	50
Птицы	51
«На вешалке в передней шубка кунья...»	52
Черный хлеб	53
Аккордеон	55
«Вот умру...»	57
Ксения	59
«Она жена моя...»	61
Окончилась война	62
«На конце безлюдного квартала...»	63
Луна	64
«На продгункте я ел...»	65
Любимые	68
«В час постелей...»	70
Боль	71

ПРИЗНАНИЯ

1958

Моя любимая стирала	72
Совесть	74
Природа	75
Творчество	77
Основа	78
Огонь	79
Вагон в 1918 году	80
Кровь	82

Акыны	84
Дядя	86
Марсиане	88
Подлец	89
Мальчики	90
Оркестр	91
«Я не люблю названья по-латыни...»	92
Женщины	93
«Когда умру, то в стол ко мне...»	94
«В сапогах огромного размера...»	95
Незабудки	96
«Я мчался сквозь поля...»	97
Нары	100
Море	101
«Нам имена их вспомнятся едва ли...»	102
«Двадцатый век.. Горят глаза тупые...»	103
«Если в поле, где-то в дальней дали...»	104
«Командир батареи!..»	105
«Сосед мой, густо щи наперчив...»	107
Танцплощадка	108
«Хочет женщина быть красивой...»	110
«Нет, эти босиком не выбегали...»	111
«Мне сохранить смогла судьба...»	112
Два лица	113
Стихи о детстве	115

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

1960

«Сколько прелести есть в человеческих лицах!..»	120
«Кто только мне советов не давал!..»	121
«Хочу быть начинающим поэтом...»	122
Демон	123
«Как был уютен мир Эвклида...»	124
Серебряный бор	125
«Как хорошо лицо свое иметь...»	126
Простота	127
«Есть люди. Не тщеславны по природе...»	128
Горечь	129
«— Что нужно, чтоб поэтом стать?..»	130
«Когда мои друзья сойдутся за столом...»	131
Лошадь	132
«Весною новой новая трава...»	133
Сибирские вагоны-рестораны	134

Красавица	135
«Тоска по детству — ерунда!..»	136
«Самолюбие, ты меня...»	137
Женщина с красивыми зубами	138
«Я верил в стройность мира!..»	140
«— Подумаешь, Америку открыл!..»	141
Марс : : :	142
«Так и живи, как прежде!..»	144
«Художник на подносе розы...»	145
«На окнах светомаскировка...»	146
«Я знаю жизнь. Ее я изучал...»	147
«Не жалуюсь: и я имел друзей!..»	148
Балы : : :	149
«О состраданье! Нет грознее силы...»	151
Пирры	152
Сны	154
«О чем мы пылко говорим, поэты...»	155
«Я слово вдохновенье не отдам...»	156

СЛОВО

1962

Слово	157
Свет	158
Разнообразие	159
«Стихам своим служу...»	161
«Все вынесу и все переживу...»	162
«Художник, воспитай ученика...»	163
Заведующий поэзией	164
«Та женщина костлявая была...»	167
«Я потерял себя. Нет горестней потери...»	168
«Книга жалоб — в каждом магазине...»	169
Две грузчицы	170
Скорость	171
«Мы платимся за старые грехи...»	172
Голос	173
«Я памятники в городе люблю...»	174
Моцарт и Сальери	175
Купание детей	176
«Счастливый человек страдает за других...»	177
Художник	178
Похвала возрасту	179
«Гастрольная тернопольская группа...»	180

Немое кино	181
Чудаки	182
Упорство	183
«Поют слепые. Жаждет петь и петь...»	184
Нехитрый рай	185
Жилец напротив	186
Пьют пиво	188
Я посетил тот город	189
Отречение	190
Поэма о движении	192
Месть	195
Учитель истории	196
Час	200
Единичность	201
«Мне плохо: я ни разу не страдал...»	202
«Мои друзья — загадка для меня...»	203
«Я жил минутой...»	204
Глубина	205
Когда уходит женщина	206
Осень	207
«— Золотой характер, — говорили...»	209
«Обложка иностранного журнала...»	210
«Я чувствую разумность бытия...»	211
Мир разложил на части Пикассо	212
Женщина смеялась	213
Соловей	214
Адам	215
В бумажном отделе Гума	216
«Поэт бывал и нищим и царем...»	218
Небо	219
«Крестились готы...»	221
«Я ловил ощущение...»	222
«Широко глаза расставлены...»	223
«Интернационал»	224
Дерево	225
«Адам, я не подозревал...»	226
«Цирк не люблю...»	227
Мода	228
«Когда раздроблена нога...»	230
Не спешу	231
«Поэт и женщина — два разных существа...»	232
«Женщина протяжно застонала...»	233
Флейтист	234

«Боюсь гостниц. Ужасом объят...»	235
«Когда бы вдруг ученые смогли...»	236
МУЗЫКА	
1964	
Музыка	237
Преодоление очевидностей	239
«Мне грозный ангел лиры не вручал...»	240
Лицо	241
Когда не раскрывается парашют	242
Удивление	243
«Так начинай же правду говорить!..»	245
«Я был упрям, а все ж учился плохо...»	246
Легкое вино	247
Круг	248
«Прошла война. Рассказы инвалидов...»	249
«И в мире, где все граница...»	250
«Я не помню его...»	251
«Людские заблуждения. Полна...»	252
«Я ощущаю небом кислый вкус...»	253
Простодушие	255
«Порой в гостях за чашкой чая...»	256
Память	257
«Итак, все кончено. Я выжил...»	258
Привычки	259
«В это время в малиновой шапке начальник...»	260
«Не ради буйств! Не плакали. Не бели...»	261
«Вот мне пластинки подарили...»	262
«И себя я даже не ругаю...»	263
«Посреди московского двора...»	264
«Мир обливает. Выцветут все краски...»	265
Неудачи	266
Моя рука	268
«И когда мои ноги уже затекали...»	269
«Весна. Мне пятнадцать лет. Я пишу стихи...»	270
Первая фраза : :	272
«Когда-нибудь однажды в «Гастрономе»...» :	273
«Я согласен, что могут быть разные вкусы...»	274
«Познай себя!..»	275
«Против иллюзий задумал Ланцелот...»	277
«Мне не сойти с привычной колеи...»	278
Моими глазами	279
«Она бывает там, где все вразброд...»	280

ХАРАКТЕРЫ

1965

Хор в полях	281
Я	283
Мыслители	284
«Характеры шумят как лес...»	286
Ребенок	288
Пожилой	289
Старик	290
Цыгане	291
Завистник	293
Циник	294
«Поэт чертей рисует на полях...»	295
Прохожий	296
Мемуарист	297
Лжепророк	299
Черт	300
«Молчаливы или языкаты...»	301
«Как хорошо, что молодость прошла...»	302
Сверхзадача	303
Перед пустотой	304
«Пусть поэт послушает, как бродят...»	305
Будни	306
Вдвоем с тенью	307
Из гущи жизни	309
«Есть русское бродяжее начало...»	310
Лишпенцы	311
Камень	312
Плотность мира	313
Косноязычье	314
Из цикла «Россия и революция»	
Высокомерье	315
Геометрия	316
В начале века	316
Вожделение	318
Миг	319
«Он умирает. Подвело здоровье...»	320
«Мы стихли, покоренные картиной...»	321
«Жизнь в современном городе тесна...»	322
Откровенность	323
Вертикаль	325
«Обычное, что только лишь зевоту...»	326
«Я славлю обычное. Нету на свете милей...»	327

В горпарне	328
«Я бросал свое брненное тело...»	329
«Прибита прочно под дверьми подкова...»	330
«Товарищ мой, уж коль взяла за горло...»	331
Ремонт	332
Кама	333
«В осенней вышине...»	334
«Я человек. Прошу, меня любите...»	335
Земные пределы	336
Она	337
«Кому пожалуешься, мол, болит в боку?..»	338
«Мне писалось лучше в поездах...»	339
«Беги и на троллейбусе повисни...»	340
Пустяки	341
Жестокый романс	342
«Звериное тепло домашнего уюта...»	343
Неизвестное	344
Дух Гомера	345
«Я мужество воспринимаю...»	346
Бытовщина	347
Сирота	349
Трамвай	350
«Крепкоспинны и коренасты...»	351
Предчувствия	353
Верните рукопись	354
«В тот Новый год я выпил водки...»	355
Чутье	356
Путешествия	357
«Стареет все. И то, что устарело...»	358
Не плачь	359
Я, люди, с вами ел и пил	360
Овладеванье	363
«Как сладок мир! Он будто б весь в меду...»	365
Краеведческий музей	366
Страсти	367
Пустой обряд	369
Опоздал	370
«Не знаю, для чего дано мне...»	372
Зеркала	373
Ода линии	374
Стихия	376
Побег с урока	378
Победа	379

Музкоманда	380
«Мыслители по старинке...»	382
Танцы	383
«Идет спектакль. Идет Мольер!..»	385

РИТМ

1966

«Что там ни говори, а мне дороже...»	386
Пророк	387
Автобиография	388
Велосипедисты	390
Памятники	393
«Катары, астмы и подагры...»	394
«Как трудно оторваться от зеркал...»	395
История	396
Я рисую солнце	397
Государственность	398
«До мая несколько недель...»	400
Одиночество	401
Серьезность	402
«Жизнь — это конь, что рвется из удил...»	404
«Вскинь классический лук и сквозь щель амбразуры...»	405
Игра	406
Наслаждение	407
Уход	408
«Спит сержант на концерте...»	409
«Ты надулась опять сегодня...»	410
Тело	411
«Когда нацизма вырвалась машина...»	414
Риск	415
Спор	417
Артель по выведению пятен	419
Искренность	422
Легкость	424
Сорок	426
«Мир приключений» — был такой журнал...»	429
«Поэту все мешает на планете...»	430
Из иностранной тетради	
Потеря пафоса	431
По ту сторону лица	432
На рынке в Риме	433
В Дрезденской галерее (<i>У картины «Голгофа»</i>)	434

«Рассматриваю древности столиц...»	431
«Художники, мы жили, снясь...»	434
Ритм	435

ЗРЕЛИЩА

1968

Зрелища	436
«Нет, не гордое паренье!..»	439
Смех	440
«Мне быть хотелось просто честным..»	442
«Человек парадоксальный...»	444
«Любят падчерицы мачех...»	445
«Я люблю людей угрюмых...»	446
Иллюзия и хлеб	447
«Я мало отдаю внимания природе...»	448
«Моего поколения люди...»	449
Защелка	450
Дезертир	451
«Страшные нужны усилья...»	452
«В замке плакала принцесса!..»	453
«Уменье забывать...»	454
Время хлещет	455
Крестonosцы	456
«Где ты, русский степенный мужик с бородой...»	457
«Не доверяйте очевидцам...»	458
«Поэт скуласт, как азиат...»	460
Сонеты	
Предел	462
«Я обожаю старые гравюры...»	462
«Когда обрыдло все, на валидоле...»	463
Головные боли	463
Сейчас	464
«Еще не поздно!..»	464
Эвидншиль	465
Индийская философия	466
«Счастливец, он хлопает смачно по пузу...»	468
Из цикла «История»	
«Я о добром особо...»	469
Монгол в Кракове	470
Ян Гус	471
Вещи	472
За кулисами съемок	472
Миф об Иуде	473

Шахта	473
Посох	474
Что-то	474
Мои учителя	474
«Я понимаю все как есть...»	475
Казенное одеяло	475
«Лжедмитрии ходили по Руси...»	476
Летописец	476
«Лишь только будешь ты пробит...»	478
«Ну какой же ты поэт...»	479
Артистизм	480
Мое мастерство	484

*Евгений Михайлович
Винокуров*

ИЗБРАННОЕ

Редактор *Н. Крюков*
Художественный редактор
А. Цветков

Технический редактор
Л. Заселлева

Корректоры
Т. Кибардина и Н. Шкарбанова

Сдано в набор 4/III 1968 г.
Подписано в печать 4/IX 1968 г.
A09907 Бумага типографская № 1.
84×108¹/₃₂ 15,5 печ. л. 26,04 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 13,71+1 вкл.=
=13,77 л. Тираж 100 000 экз.
(50.001—100.000). Заказ № 100.
Цена 1 р. 66 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 20
Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров
СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

